

12+

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 1
**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Выпуск 1/2020

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

12 +

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 1
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Выпуск 1 / 2020

Электронный научный журнал

Пермь
ПГГПУ
2020

Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 1. Психологические и педагогические науки. Вып. 1 / 2020: электрон. науч. журн. [Электронный ресурс] / ред. кол. вып.: Е.А. Силина (отв. ред. вып.), Н.В. Коптева, О.С. Самбикина, Л.Л. Баландина (отв. секретарь вып.); Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2020. – 9,5 Mb.

Предлагаемый выпуск «Вестника ПГГПУ» (серия «Психологические и педагогические науки») посвящен психологическим исследованиям, проводимым преподавателями, магистрантами, студентами кафедры педагогики и психологии ПГГПУ, кафедр общей и клинической психологии, психологии развития ПГНИУ и специалистами-психологами. Теоретико-эмпирические исследования сгруппированы по разделам психологии: психология личности, психология семьи, клиническая психология, публикации магистрантов.

Издание адресовано ученым в области психологии, аспирантам, магистрантам, студентам, специалистам и всем тем, кто интересуется предложенной проблематикой.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Е.А. СИЛИНА – канд. психол. наук, проф. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. ред.)
Л.А. КОСОЛАПОВА – д-р пед. наук, проф., и. о. зав. кафедрой педагогики ПГНИУ (зам. отв. ред.)
Л.Л. БАЛАНДИНА – канд. психол. наук, доц. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. секретарь)
Н.А. ГАНГНУС – канд. пед. наук, доц. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА:

Е.А. СИЛИНА – канд. психол. наук, проф. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. ред. вып.)
Н.В. КОПТЕВА – д-р психол. наук, проф. кафедры практической психологии ПГГПУ
О.С. САМБИКИНА – канд. психол. наук, доц., зав. кафедрой теоретической и прикладной психологии ПГГПУ
Л.Л. БАЛАНДИНА – канд. психол. наук, доц. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. секретарь вып.)

Электронный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77–78183 от 27.03.2020 г.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), договор № 270-04/2014 от 28.04.2014 г.

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание в международном регистрационном каталоге (ISSN International Centre, Франция, Париж)

Сайт журнала Вестник ПГГПУ. Серия № 1 «Психологические и педагогические науки»:

URL: <http://www.vestnik1.psru.ru>

Электронная почта журнала: lbalandina2017@yandex.ru – Баландиной Людмиле Леонидовне;
pedagog@psru.ru – Гангнус Наталии Андреевне

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СЕРИКОВА Л.В. ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ – РЕАЛЬНОСТЬ НАШЕГО
ВРЕМЕНИ 5

I. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ..... 14

КОРНИЕНКО Д.С., ГОРБУШИНА Е.А. ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛЕЙ
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ, ИНТЕНСИВНОСТЬ И НАВЯЗЧИВОСТЬ
В ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ И ПЕРФЕКЦИОНИСТСКАЯ
САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ 14

ХАРЛАМОВА Т.М. СПЕЦИФИКА ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ
И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ СТУДЕНТОВ ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ
ОБУЧЕНИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 26

II. ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ 40

ПОПОВА Т.А., БЕЛЯЕВСКИХ В.С. ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ
СУПРУГАМИ В ПЕРИОД БЕРЕМЕННОСТИ (НА ВЫБОРКАХ СЕМЕЙ
С РАЗНЫМ ОПЫТОМ РОДИТЕЛЬСТВА) 40

РАДОСТЕВА А.Г. УРОВЕНЬ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ ЖЕНЩИН ПРИ
СОВМЕСТНОМ ВЛИЯНИИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ И
ОПЫТА МАТЕРИНСТВА 53

III. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ 64

БАЛАНДИНА Л.Л., КУЗНЕЦОВА Е.В. РОДИТЕЛЬСКИЕ УСТАНОВКИ
И ОСОБЕННОСТИ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ У ЖЕНЩИН
С ГИНЕКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ..... 64

БЯЧКОВА Н.Б., ШУСТОВА И.Ю. ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО
ПОВЕДЕНИЯ У ЛЮДЕЙ С ЗАБОЛЕВАНИЯМИ ЖКТ 75

ХАРЛАМОВА Т.М. СМЫСЛ ЖИЗНИ, ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
И СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ
В ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ (РЕЗУЛЬТАТЫ КОРРЕЛЯЦИОННОГО
АНАЛИЗА)..... 85

**IV. ПУБЛИКАЦИИ МАГИСТРАНТОВ. НАПРАВЛЕНИЕ «ПСИХОЛОГИЯ
И ПЕДАГОГИКА». К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ 93**

ДИМУХАМЕТОВА А.С. ПЕРФЕКЦИОНИЗМ В СВЯЗИ С УЧЕБНОЙ
МОТИВАЦИЕЙ И УЧЕБНОЙ УСПЕШНОСТЬЮ У СТУДЕНТОВ
РАЗЛИЧНЫХ ПРОФИЛЕЙ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)..... 93

КУКЛИНА Н.А. ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РОДИТЕЛЕЙ, ПСИХОЛОГА И КЛАССНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ 97

<i>МЕНЬШАКОВА Т.Ю.</i> ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДОЙ СЕМЬИ.....	103
<i>МИТРЮШИНА Н.Б.</i> ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)	109
<i>ПАНЬКОВА А.А.</i> ОСОБЕННОСТИ САООТНОШЕНИЯ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ).....	114
<i>ПЕРЕБАТОВА А.Н.</i> ФОРМИРОВАНИЕ СПОСОБНОСТИ КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ ПОДРОСТКАМИ ИЗ ИНТЕРНЕТА	120
<i>УСАНИН А.О.</i> ФУТБОЛ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ	125
<i>ЧЕДОВА Т.Е.</i> ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНАМОРФИРОВАННЫХ КАРТ НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ	129

УДК 371.39

DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10101

Серикова Людмила Владиславовна

начальник Департамента образования администрации города Перми

*Администрация города Перми, Пермь, Россия
614000, Пермь, Сибирская, 17, (342) 212-70-50
e-mail: dogorodperm.ru*

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ – РЕАЛЬНОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**Iudmila V. Serikova**

Head of the Perm City Education Department

*Perm City Administration
17, Sibirskaya, 614000, Perm, Russia
e-mail: dogorodperm.ru*

DISTANCE LEARNING IS THE REALITY OF OUR TIME

Аннотация. Описывается и анализируется практика обучения на дистанционных курсах уникальных школ города Перми. Основная идея такого образования связана с предоставлением школьникам возможности взаимодействия с носителями реальных профессий. Представлены направления дистанционных курсов, механизмы обучения в дистанционной форме, а также механизмы взаимодействия школ.

Ключевые слова: обучение, дистанционное образование, уникальные школы, профессиональные пробы, цифровая среда.

Abstract. This article describes and analyzes the practice of introducing distance learning courses in unique schools in Perm. The main idea of such education is to provide students with the opportunity to interact with real-life professions. The article describes the directions of distance courses, mechanisms of distance learning, as well as mechanisms of interaction between schools.

Key words: education, distance education, unique schools, professional tests, digital environment.

Основной стратегической линией развития пермской образовательной системы является движение к практико-ориентированному образованию, которое необходимо для будущей жизни выпускника, для построения собственной карьеры.

Для этого необходимо сформировать у школьников такие качества современного человека, как способность адаптироваться к нововведениям в различных сферах жизни, готовность определять целевые установки

и механизмы их достижения вслед за изменениями внешних условий. Поэтому целью Стратегии развития системы образования города Перми до 2030 г. было обозначено достижение выпускниками школ высокого уровня готовности к профессиональному самоопределению на основе самостоятельного построения ими индивидуально ориентированного образования.

Одним из механизмов достижения поставленной цели является создание в Перми сети уникальных школ, главной особенностью которых является реальное сотрудничество представителей профессиональных сообществ города со школой как в части основного образования, так и в части предоставления дополнительных услуг. Основная идея такого образования связана с предоставлением школьникам возможности взаимодействия с носителями реальных профессий. Дети, еще будучи в школе, должны быть готовы делать выбор, менять этот выбор в поисках себя и своего места в профессиональном мире.

На сегодня сеть уникальных школ представлена десятью учреждениями (рис. 1).

Рис. 1. Сеть уникальных школ г. Перми

Каждая уникальная школа имеет свою специфику. Например, «Инженерная школа», «Фотоника», «Техно-Школа», «Петролеум+», «СинТез», «Мастерград» представляют своеобразный образовательный лифт от школьной парты к будущему рабочему месту. В этих общеобразовательных учреждениях академические учебные предметы естественно-научного цикла в образовательном процессе дополнены системой инженерно-технических проб и практик в школьных лабораториях и КБ, а также на реальном производстве.

Школа компьютерных технологий «IT-школа» предполагает формирование ИКТ-компетентности учащихся на 3 уровнях: техническая грамотность, применение средств ИКТ в решении личностных и профессиональных задач, создание нового – инновационная деятельность.

Естественно, что эта школа оснащена новейшим оборудованием не только для формирования разноуровневой компьютерной грамотности, но и для работы по таким направлениям, как робототехника и создание искусственного интеллекта.

Школа дизайна «Точка» создана для предоставления учащимся г. Перми услуг дополнительного образования детей дизайнерской направленности. Данная работа направлена на приобретение теоретических знаний в сфере дизайна, формирование практических навыков художественно-технического проектирования, ориентированного на получение эффективного позитивного опыта разработки и реализации дизайн-проектов учащихся в разных сферах жизнедеятельности человека рядом со специалистами высокого уровня.

В рамках образовательного процесса в школе «Киокушинкай» детям предоставляются услуги дополнительного образования культурно-эстетической направленности для детей-спортсменов, занимающихся киокушинкай, для разностороннего развития учащихся спортивных классов.

В ходе учебного процесса «Школы бережливого производства» школьники имеют возможность познакомиться с такими уникальными процессами, как технологии разработки стандарта проведения технического обслуживания оборудования, поучаствовать в разработке и апробации устройств для предотвращения ошибок и защиты от них, осваивают на практике технологии бережливого производства.

Направленность образовательных услуг уникальных школ различна (рис. 2). Более 60 % предоставляют услуги технической и инженерно-технической направленности, что обусловлено традициями и особенностями развития нашего промышленного города.

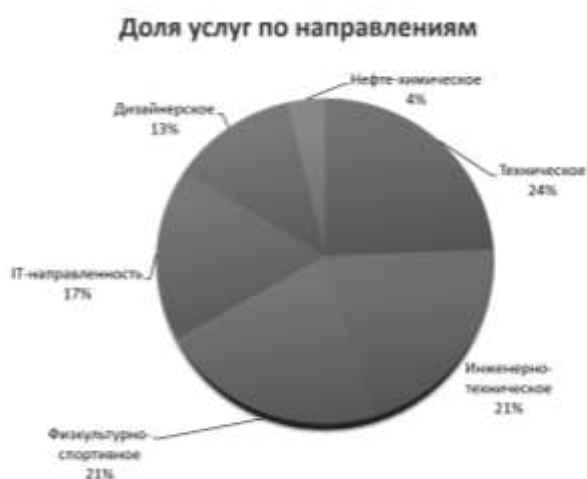

Рис. 2. Направленность образовательных услуг уникальных школ г. Перми

Если говорить о тех, кто реально получает сегодня услуги уникальных школ, то 70 % составляют учащиеся самих уникальных школ и 30 % – дети из других образовательных учреждений. В настоящее время наблюдается рост востребованности прохождения уникальных курсов обучающимися из других общеобразовательных учреждений города. Решить общегородскую проблему

доступности услуг уникальных школ для любого желающего ребенка любой пермской школы представляется возможным через расширение дистанционного обучения.

На базе уникальных школ за это время около 3 тысяч школьников города прошли специализированные курсы и профессиональные пробы, для учащихся 7–10-х классов разработаны форматы очного и заочного обучения.

Понимая тот факт, что мир стремительно меняется и меняются условия обучения, школа не может остаться в стороне от этих перемен. Одним из главных направлений развития современной школы является цифровизация. Цифровая среда становится частью нашего сознания и задает новый формат образовательной деятельности – дистанционный, при котором учитель и учащиеся взаимодействуют опосредованно, на расстоянии.

Сообщество уникальных школ с 2019 г. участвуют в онлайн-проекте по развитию дистанционного обучения. Основная цель проекта – создать условия для расширения доступности получения уникальных услуг всеми заинтересованными обучающимися г. Перми через использование электронных ресурсов.

Такая форма взаимодействия уникальных школ с другими школами востребована. Дистанционные курсы рассчитаны на разные возрастные группы, а также на определенные группы детей с ограниченными возможностями здоровья по разным нозологиям. То, что дистанционный формат взаимодействия оказался востребованным, доказывает тот факт, что в 2018/19 учебном году обучение по программам дистанционных курсов уникальных школ прошли 500 обучающихся школ города, а в 2019/20 учебном году – почти 700 обучающихся (рис. 3).

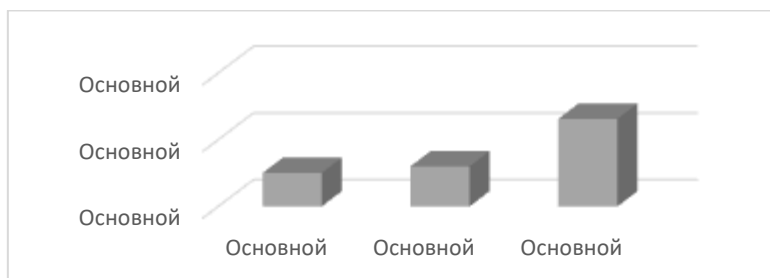

Рис. 3. Численность обучающихся дистанционных курсов уникальных школ г. Перми

При этом необходимо отметить, что каждый дистанционный курс по-своему уникален. Например, цель организации системы дистанционных курсов в МАОУ «Школа дизайна “Точка”» заключается в том, чтобы научить школьников пользоваться графическим редактором Adobe Illustrator для создания графических продуктов. Преимущества курса в том, что программа Adobe Illustrator – это идеальный инструмент для создания векторной графики; популярность курса объясняется огромными возможностями, благодаря которым каждый может научиться созданию рисунков, графики. Программа обладает широким набором инструментов для рисования и возможностями управления цветом и текстом. Курс вызывает интерес у обучающихся 8–11-х

классов в школах, где развиты компьютерные технологии, или у отдельных школьников, самостоятельно изучающих компьютерные программы.

МАОУ «СОШ “Мастерград”» ведет такие дистанционные курсы, как «Урбанистика для чайников», «Искусство архитектуры», «Уличное искусство», так как одним из приоритетных направлений деятельности этой школы является диссеминация актуального педагогического опыта по уникальному направлению развития школы «Урбанистика».

МАОУ «СОШ № 32» г. Перми уже в 2019/20 учебном году разработала и осуществляет занятия с детьми с ограниченными возможностями здоровья по таким уникальным курсам, как «Основы японского языка для бытового общения», «Основы японской живописи суми-э», востребованным оказался и экспресс-курс по практическому ознакомлению с основами киокушинкай (кроме детей с нарушениями ОДА). Надо отметить, что эта школа ведет дистанционные курсы для обучающихся начиная уже с 5-го класса.

МАОУ «Техно-Школа им. В.П. Савиных» предлагает для школьников г. Перми курсы (профессиональные пробы), созданные в формате знакомства с компетенциями WorldSkills. Уникальность курсов заключается в том, что к процессу преподавания привлекаются как эксперты компетенций («Лабораторный химический анализ», «Токарные работы на станках с ЧПУ» и др.) из числа сотрудников предприятия-партнера и педагогов школы в качестве преподавателей, так и ученики самой школы, победители и призеры данных компетенций на региональных и всероссийских соревнованиях в качестве консультантов.

В настоящее время преподаватели уникальных школ г. Перми разработали более тридцати дистанционных курсов по следующим направлениям (рис. 4):

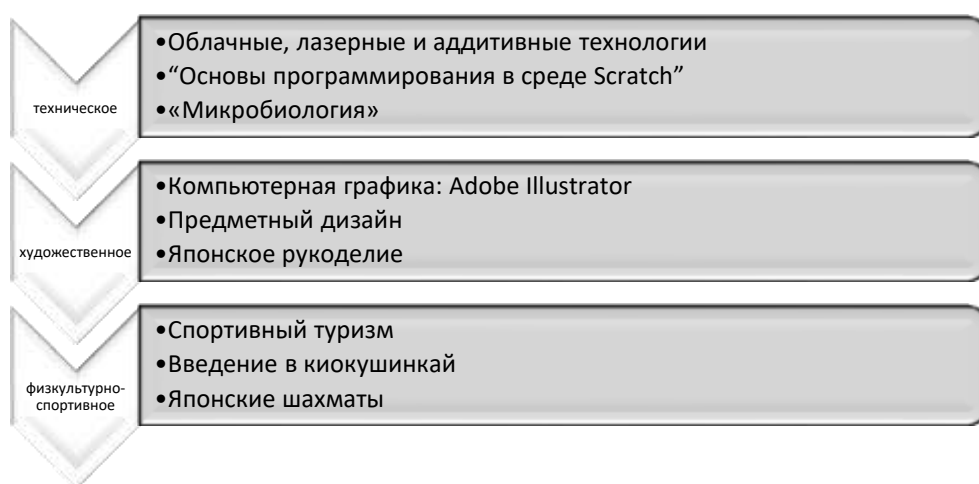

Рис. 4. Направления дистанционных курсов уникальных школ г. Перми

Для того чтобы обучение в системе дистанционных курсов было эффективным, при составлении таких курсов необходимо придерживаться определенных принципов, таких как:

1) принцип интерактивности: обмен информацией между учениками и преподавателями;

2) принцип индивидуализации: составление индивидуального плана обучения в зависимости от уровня знаний по результатам входной диагностики, корректировка по результатам текущего контроля;

3) принцип идентификации: необходимость контроля самостоятельности прохождения обучающимся дистанционных курсов;

4) принцип открытости: доступность для всех желающих;

5) принцип гибкости: отсутствие жесткого временного графика прохождения курсов, возможность корректировать программу курса;

6) принцип регламентированности: составление графика прохождения этапов дистанционного обучения.

При организации дистанционного обучения важно соблюдать последовательность этапов прохождения курса.

1. Установочное занятие.

2. Основной этап, который разбивается на модули. Каждый модуль содержит обязательную для изучения теоретическую часть (лекция и презентационный материал), практическое задание и требования к его выполнению, промежуточный контроль (в виде теста). При этом необходимо понимать, что нельзя перейти к следующему модулю обучения, пока не будут выполнены все практические задания предыдущего модуля и не будет получен зачет, так как каждый последующий модуль основывается на знаниях, полученных при прохождении предыдущего модуля.

3. Завершающий этап: итоговое тестирование (перед итоговым тестированием учащимся предлагается пройти пробный тест по изученному материалу) и представление продукта (в результате прохождения курса у каждого обучающегося должен получиться некий продукт, представив который обучающийся получает итоговый зачет и документ о прохождении дистанционного курса).

В настоящее время на рынке дистанционных технологий появляются различные информационные ресурсы, которые активно продвигаются и свободно распространяются. В данных условиях важно, чтобы отрасль образования нашего города могла увидеть преимущества и недостатки каждой информационной системы управления обучением и в соответствии с современными тенденциями использовать лучшие практики в своей организации дистанционного обучения. Например, уникальные школы г. Перми выбрали для организации работы дистанционных курсов систему управления обучением Moodle.

Дистанционные курсы размещены на сайте <https://dist.permedu.ru/>, разработаны в системе управления обучением Moodle, которая дает возможность проектировать, создавать и в дальнейшем управлять ресурсами информационно-образовательной среды. Система имеет удобный интуитивно понятный интерфейс, обширный инструментарий для представления учебно-методических материалов курса, проведения теоретических и практических

занятий, организации учебной деятельности как индивидуальной, так и групповой. Система обладает большим набором средств коммуникации. Это не только электронная почта и обмен вложенными файлами с преподавателем, но и форум (общий новостной на главной странице программы, а также различные частные форумы), чат, обмен личными сообщениями, ведение блогов [1].

Полноценное использование системы управления обучением Moodle позволяет обеспечить:

- многовариантность представления информации;
- интерактивность обучения;
- многократное повторение изучаемого материала;
- структурирование контента и его модульность;
- создание постоянно активной справочной системы;
- самоконтроль учебных действий;
- выстраивание индивидуальных образовательных траекторий;
- конфиденциальность обучения;
- соответствие принципам успешного обучения.

Дистанционные курсы уникальных школ включают в себя сценарий, в котором определяются цели и задачи, учитываются особенности целевой аудитории, выбор технического решения. Учебный материал выдержан в определенной структуре, разбит на небольшие модули, удобные для освоения обучающимися. Большое внимание уделено интерактивной подаче учебного содержания, продумана система взаимодействия участников прохождения курса с учителем. В каждом модуле присутствуют контролирующие материалы в виде тестов, а также практические и интерактивные работы.

Алгоритм прохождения дистанционных курсов удобен и прост:

- все участники курса должны быть зарегистрированными пользователями сайта. Система Moodle допускает несколько способов регистрации пользователя: саморегистрация с подтверждением по электронной почте или ручная регистрация администратором;
- далее учащиеся выбирают курс и получают доступ к материалам;
- после ознакомления с материалами курса и прохождения самопроверки учащемуся предлагают посетить офлайн-мероприятие по теме курса на базе выбранной школы по той же тематике;
- учащийся, успешно освоивший курс, получает сертификат.

Дистанционные курсы предлагаются дополнительно к общеобразовательной программе, поэтому применяется безоценочная система.

Уникальными школами г. Перми разработан действующий алгоритм запуска дистанционного обучения, состоящий из следующих этапов (рис. 5):

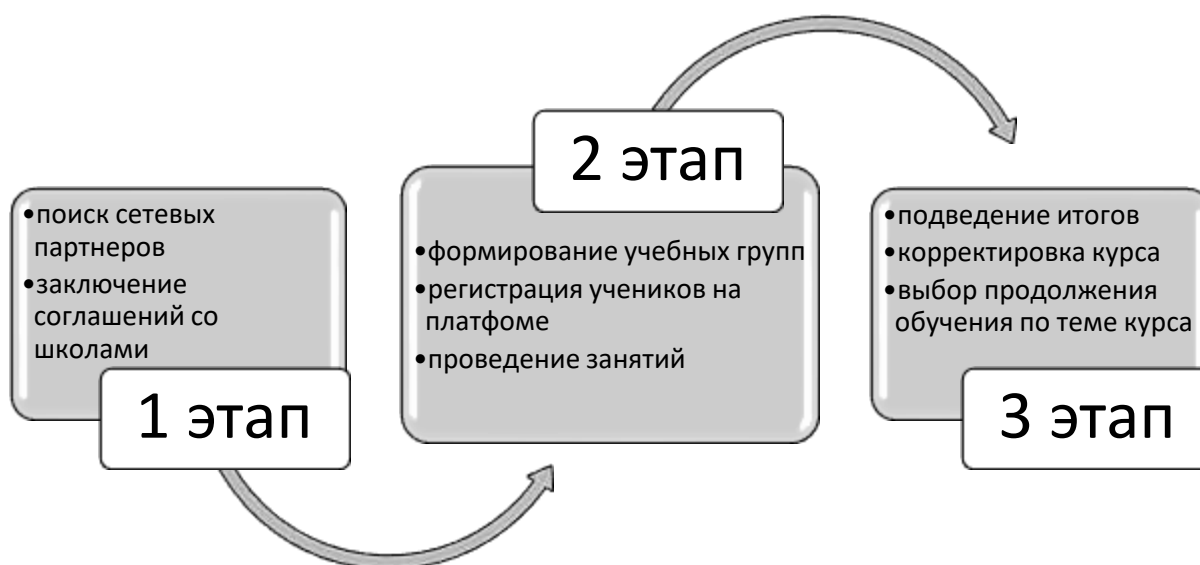

Рис. 5. Алгоритм запуска дистанционного обучения в уникальных школах г. Перми

Востребованность такой формы взаимодействия подтверждает и тот факт, что в 2018/19 учебном году дистанционные курсы уникальных школ освоили обучающиеся из 20 школ города, а в 2019/20 учебном году таких школ было уже 37.

Уникальные школы города заинтересованы в дистанционном обучении, поэтому база курсов постоянно пополняется.

В настоящее время Интернет дает большие возможности для получения образования не только обучающимся, но и педагогам. Это, с одной стороны, возможность поиска методических материалов, участие в различных дистанционных конференциях, вебинарах, олимпиадах, конкурсах и многое другое, а с другой стороны, Интернет оказался незаменимым источником информации для учителя в условиях постоянной нехватки времени.

Мы живем в мире быстрых изменений, в мире, в котором происходит трансформация всех сторон жизни, в мире, где на рынке труда востребованными становятся не узкоспециализированные знания и навыки, а общие «компетенции XXI века» – когнитивные, цифровые и социально-эмоциональные [2]. Особую ценность приобретают такие качества, как адаптивность к изменяющимся условиям, умение учиться и переучиваться. Следовательно, Департамент образования выстраивает работу по развитию данных компетенций учителя и административной команды.

Одним из механизмов работы по формированию компетенций XXI в. стали короткие курсы для педагогов, организованные с использованием системы Moodle: 5 курсов по 5 уроков. Курсы организованы на современном уровне с применением инновационных технологий и методик обучения. При этом слушатели курсов отмечают следующие положительные моменты организации такого обучения:

- возможность обучаться в любое удобное для педагога время;
- возможность обучаться в своем темпе;

- возможность обучаться из любой географической точки;
- возможность обучения без отрыва от основной работы;
- возможность доступа ко всем учебным материалам в любое время;
- возможность индивидуального общения с руководителями курсов [3].

Слушателями курсов для педагогов стали **более 1000 человек**. Педагоги имеют возможность пройти обучение по следующим актуальным направлениям:

1. Пять принципов речи эффективного педагога. Процесс восприятия и осознания речи педагога тесно связан с процессом слушания, на который приходится большая часть учебного времени, следовательно, процесс правильного восприятия учащимися учебного материала зависти от совершенства речи педагога.

2. Написание текста для социальных статей. В рамках данного курса будут раскрыты темы: 1. Выбор цели поста (цель – внешняя или внутренняя), выбор темы поста, инфоповод. 2. Структура текста. 3. Как включить читателя? Цвет, звук, запах. 4. Как сохранить читателя. Метафоры, авторский стиль. 5. Заголовок, лид, оформление.

3. Пять мобильных приложений (МП) для современного педагога. Мобильное обучение подразумевает использование мобильной технологии как по отдельности, так и совместно с другими информационными и коммуникационными технологиями (ИКТ), для организации учебного процесса вне зависимости от места и времени.

4. Коммуникация. Это курс о необходимости уметь презентовать себя сегодня, выстраивать конструктивное общение даже в конфликтных ситуациях. Коммуникация сегодняшнего дня – это умение общаться в социальных сетях.

5. Современная презентация. Это пять уроков о том, как создать современное визуальное сопровождение публичного выступления. Курс представляет собой пошаговый алгоритм создания презентации и будет полезен всем, кто выступает перед аудиторией с презентациями.

Таким образом, использование в организации дистанционного обучения системы Moodle помогает решить конкретные задачи системы образования г. Перми.

Список литературы

1. Глазырина Е.В. Использование системы дистанционного обучения Moodle при формировании профессиональных компетенций обучающихся [Электронный ресурс] // Концепт: науч.-метод. электрон. журн. – 2015. – Т. 36. – С. 141–145. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/95620.htm>

2. Камал М.Н., Цапко Е.А. Современная интернет-среда в образовательных технологиях вуза // Вестник науки Сибири: науч. журн. – 2013. – № 4.

3. Кувишинов Н.Н. Один год в Moodle – плюсы и минусы системы [Электронный ресурс] // Лучшие практики электронного обучения: материалы I метод. конф. (г. Томск, 24 апр. 2015 г.). – Томск, 2015. – С. 32–33. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000512849>

РАЗДЕЛ 1. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.923.3

DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10102

Корниенко Дмитрий Сергеевич

доктор психологических наук, профессор кафедрой общей и клинической
психологии

e-mail: dscorney@mail.ru

Горбушина Елена Анатольевна

магистрант направления «Психология», 2-й курс

e-mail: lego4155@gmail.com

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», Россия, Пермь*

614990, Пермь, Букирева, 15, (342) 239-66-17

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛЕЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ, ИНТЕНСИВНОСТЬ И НАВЯЗЧИВОСТЬ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ И ПЕРФЕКЦИОНИСТСКАЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ*

Dmitriy S. Kornienko

Sc. D., Professor of the Department of General and Clinical Psychology

e-mail: dscorney@mail.ru

Elena A. Gorbushina

Master's Student of Psychology, 2nd year

e-mail: lego4155@gmail.com

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education

«Perm State National Research University»

15, Bukireva, 614990, Perm, Russia

ONLINE SOCIAL NETWORK SITES PROFILE, INTENSITY, INTRUSION AND PERFECTIONISTIC SELF-PERSENTATION

Аннотация. В связи с развитием и распространением социальных медиаресурсов как составляющей современной жизни возникают новые психологические проблемы, одной из которых является самопрезентация в социальной сети. Активное использование социальных сетей приводит к формированию поведения, близкого к зависимому и оказывающего сходные

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00775.
© Корниенко Д.С., Горбушина Е.А., 2020

с другими зависимостями эффекты на психологическое и эмоциональное состояние. Кроме того, феноменом, который связан с активным использованием социальных сетей, является самопрезентация. Именно через профиль и его параметры пользователь может формировать свой образ, в разной степени совпадающий с реальной личностью. Данное исследование посвящено изучению того, насколько параметры профиля социальной сети связаны с интенсивностью и навязчивостью использования социальных сетей; как связаны перфекционистская самопрезентация, интенсивность и навязчивость в использовании социальной сети. На выборке студентов были диагностированы характеристики активности и зависимость от социальных сетей поведения, а также параметры перфекционистской самопрезентации. Все респонденты являются пользователями социальной сети «ВКонтакте». В результате было обнаружено, что при различном уровне интенсивности и навязчивости наибольшее отличие проявляется в количестве друзей, частоте публикаций и предпочитаемом контенте для публикации. Активность в социальной сети и зависимость от нее связаны со стремлением представить себя более успешным и компетентным человеком и избеганием обсуждения или проявления несовершенств. При этом женщины более склонны к использованию социальных сетей, а также к демонстрации совершенства, вербальному и поведенческому непрявлению несовершенства. Полученные данные позволяют предполагать у пользователей наличие различных стратегий использования и презентации в социальной сети.

Ключевые слова: социальные сети, социальная группа «ВКонтакте», перфекционизм, самопрезентация, интенсивность, навязчивость, зависимость.

Abstract. The development and extensive use of social media as a component of modern life arise new psychological problems, one of which is self-presentation in social network. The active use of Online social network sites (OSNS) leads to behavior similar to addictive. As the other dependencies, the OSNS addition influences on the psychological and emotional state. Besides, the active use of social networks causes the problem of self-presentation. OSNS user profile provides opportunities to the profile parameters manipulation and creation of the user's image to various degrees, matching with the real person. This study is devoted to research: 1) how the OSNS profile parameters are associated with the intensity and intrusion of social networks use; 2) how perfectionistic self-presentation, intensity, and intrusion are related. On a sample of 201 undergraduate students, the features of activity and dependent behavior on OSNS were assessed, as well as the parameters of perfectionistic self-presentation. All participants are the OSNS VKontakte users. It was found that at different levels of intensity and intrusion related to the number of friends, the frequency of publications, and the preferred content for publication. Social network activity and dependence are associated with the desire to present yourself as a more prosperous and competent person and to avoid discussion or manifestation of imperfections. Moreover, women are more likely to use social networks, as well as to demonstrate perfection and non-display and non-disclosure

of imperfection. The facts suggest that users have various strategies for use and promote themselves in the social network.

Key words: social networks, social group VKontakte, perfectionism, self-presentation, intensity, obsession, dependence.

Социальные сети прочно вошли в современную жизнь и стали неотъемлемым атрибутом человека, в среднем 85 % пользователей заходят в Интернет ежедневно и проводят там около 7 часов в день, при этом два с половиной часа приходится на социальные сети [13]. Возможность постоянного контакта с друзьями и коллегами, доступ к различной информации, возможность отслеживать изменения в жизни окружающих и представлять собственную жизнь – вот только некоторые функции, которые выполняют социальные сети. Среднестатистический пользователь зарегистрирован в 9 социальных сетях, но активно пользуются социальными сетями (т.е. публикуют информацию) до 83 % пользователей, а четверть пользователей используют социальные сети для работы [13].

Вместе с тем остается открытым вопрос относительно того, насколько человек, представляя себя в социальной сети, предьявляет свою личность, стремится ли представить себя в более выгодном свете и избегает негативных сторон своей личности. Кроме того, представляет интерес то, насколько активность в социальной сети и проявление зависимого от социальной сети поведения связаны со стремлением показать себя.

Интенсивность и навязчивость использования социальной сети

На сегодняшний день психологические особенности пользователей социальных сетей все больше привлекают внимание как психологическая проблема. Рассматривая социальные факторы, авторы отмечают, что отсутствие круга общения, семьи, низкая трудоспособность и болезнь приводят к увеличению времени, проводимого в социальных сетях. Среди психологических факторов выделяют снижение эмоциональной и поведенческой саморегуляции, повышенную импульсивность, трудности с самоорганизацией [2, 14].

Психологические факторы также допустимо описать через характеристики, которые можно измерить количественно: вовлеченность и интенсивность использования социальной сети. Интенсивность характеризует количество времени, проведенного пользователем в социальной сети, а поведенческие и эмоциональные реакции на действия в социальных сетях определяют навязчивость (вовлеченность) их использования. Публикация и взаимодействие в социальных сетях формируют большую часть времени, которое пользователь проводит в социальной сети, что делает интенсивность – количество времени, потраченного пользователем в социальной сети, – одним из ключевых показателей исследования социальных сетей. А исходя из исследования пользователей Facebook, увеличение количества контактов в сети способствует увеличению интенсивности использования социальных сетей [6].

Исследования пользователей сети Facebook показали, что частота использования связана с психологическим благополучием пользователей,

в частности, влияет на самооценку и удовлетворенность жизнью [16, 17]. Вместе с тем именно частота использования выступает как один из факторов формирования зависимости [5].

Проблема увлеченности и невозможности оторваться от социальной сети рассматривается как проблемное использование социальной сети, в частности Facebook (problematic Facebook use), как зависимость от социальной сети и как навязчивое использование. Все эти понятия сходятся в одном: наличие чрезмерной озабоченности социальными медиа, неконтролируемой мотивацией к использованию (например, постоянному входу в сеть и проверкой ленты новостей), что приводит к негативным последствиям для повседневной жизни [9]. Исследователи чрезмерного использования и зависимости от социальных сетей отмечают, что результатом такого поведения становится негативный эффект, отражающийся на настроении, а также повышение склонности к депрессии, тревожности [4, 15].

Перфекционистская самопрезентация

Перфекционизм определяется как склонность устанавливать высокие стандарты для себя и критически оценивать собственное поведение и достижения. На сегодняшний день существует несколько подходов к перфекционизму, которые выделяют отдельные стороны данной характеристики. Согласно Дж. Флетту, перфекционизм – это многомерный конструкт, включающий перфекционизм как черту [12], когнитивные процессы [8] и стиль самопрезентации [11]. Перфекционистская самопрезентация является стилем самопредъявления, связанным с преувеличенным представлением себя другим людям как уверенного, успешного и способного человека и сокрытием собственных недостатков [11]. Данный стиль самопредъявления отмечается и другими авторами [3]. Основу перфекционистской самопрезентации составляют чувство превосходства, ожидания оценки окружающих и стремление казаться компетентным человеком [10]. П. Хьюитт предложил три различных аспекта перфекционистской самопрезентации: нереалистичное представление собственных способностей и достижений; стремление не демонстрировать несовершенство в поведении и избегание обсуждения собственного несовершенства в коммуникации [11]. Разработанная П. Хьюитом методика *перфекционистской самопрезентации* включает в себя три аспекта (демонстрацию собственного совершенства, избегание поведенческой демонстрации несовершенства и избегание вербального признания своего несовершенства) и входит, наряду с *Я-ориентированным* и *социально предписанным* перфекционизмом, в более общий конструкт перфекционизма [1, 3, 11]. Учитывая то, что социальные сети являются возможностью представить собственную личную и профессиональную жизнь, продемонстрировать различные характеристики своего «Я», выразить собственное отношение к ситуациям и событиям, происходящим вокруг, можно полагать, что у пользователей складывается особый стиль самопрезентации. Так как социальные сети предполагают возможности взаимодействия с максимально широкой аудиторией, включающей как близких людей, так тех, кто

непосредственно не знаком с пользователем, можно ожидать, что перфекционистская самопрезентация будет являться востребованной стратегией представления себя. При этом можно ожидать, что люди, отличающиеся по интенсивности и навязчивости в использовании социальных сетей, скорее предпочтут показывать себя как более успешных и компетентных, не склонных демонстрировать или обсуждать свои недостатки.

Таким образом, целями данного исследования стали:

1. Выявление особенностей профиля в связи с уровнем интенсивности и навязчивости использования социальных сетей.

2. Анализ особенностей перфекционистской самопрезентации в связи с различной выраженностью интенсивности и навязчивости в использовании социальной сети.

Организация и методы исследования

Участники исследования:

Выборку исследования составили 201 студент пермских вузов в возрасте от 16 до 25 лет ($M = 22,25$; $SD = 4,46$). Студенты приглашались для добровольного участия в исследовании, получали ссылку на опрос в Интернете на сайте onlinetestpad.com. Опрос состоял из демографических вопросов и опросников. После выполнения опроса студенты получали обратную связь по своим результатам. Все респонденты являются пользователями социальной сети «ВКонтакте».

Методики:

Шкала интенсивности использования социальной сети. Предназначена для измерения частоты и длительности использования социальной сети «ВКонтакте», а также эмоционального отношения к социальной сети. Данная методика основана на Шкале интенсивности использования Facebook (Facebook Intensity scale) [6]. Респонденту предлагается восемь вопросов с вариантами ответа от 1 («категорически не согласен») до 5 («полностью согласен»).

Шкала навязчивого использования социальной сети. Данная шкала основана на Шкале навязчивого использования Facebook (Facebook Intrusion Scale), которая была создана на основе базовых критериев поведенческой аддикции и вовлеченности в пользование мобильными телефонами [7]. Шкала содержит вопросы относительно различных негативных аспектов использования социальной сети, оценивающих когнитивные и поведенческие изменения, межличностный конфликт, конкуренцию с другими видами деятельности, потерю контроля, эйфорию, переживание стресса при отсутствии возможности доступа. Варианты ответов от 1 («категорически не согласен») до 7 («полностью согласен»).

Шкала перфекционистской самопрезентации П. Хьюитта в адаптации А.А. Золотаревой [1]. Использовалась для диагностики трех характеристик: демонстрация совершенства, поведенческое не проявление несовершенства и вербальное не проявление несовершенства. Методика содержит 27 вопросов с вариантами ответов по шкале от 1 (полное несогласие) до 7 (полное согласие). Демонстрация совершенства описывает стремление демонстрировать себя как успешного, способного человека, с безупречной репутацией

и высококомпетентного. Поведенческое неприятие несовершенства характеризует зависимость человека от мнения, критики других людей применительно к поступкам и действиям. Вербальное неприятие несовершенства отражает склонность избегать ситуации обсуждения собственных неудач и трудностей в достижении целей.

В качестве метода оценки профиля пользователя социальной сети использовалась разработанная Е.А. Горбушиной анкета, содержащая семь вопросов с фиксированными вариантами ответа. Вопросы касались количества друзей, с которыми взаимодействует пользователь, частоты публикации постов и их спецификой, количеством сообществ, в которые входит пользователь. Результаты анкеты обрабатывались по частоте выборов одного из вариантов ответа респондентом.

Полученные данные обрабатывались в программе SPSS 20 при помощи таблиц сопряженности и критерия хи-квадрат, корреляционного анализа по Спирмену, сравнительного анализа Краскела – Уоллиса.

Результаты

Интенсивность использования социальной сети и особенности профиля пользователя

Характеризуя максимально частые ответы на вопросы относительно поведения в социальной сети, можно констатировать следующее. Общаются с минимальным количеством друзей в социальной сети 48 % пользователей. Публикуют посты ежедневно 1,5 %, редкие публикации характеризуют большинство (63 %) выборки, при этом чаще всего публикуется информация о себе (49 %) или своей жизни и информация из сообществ (46 %). Среди медиаконтента чаще всего публикуется комбинация: текст, фотография, видео (51 %) и отдельные фотографии (30 %). Большинство публикуемых фотографий составляют изображения самого человека (60 %) и чуть больше четверти (27 %) – фотографии в кругу друзей. При публикации текстов чаще всего описываются окружающие ситуации (40 %) или тематически недифференцированные темы (32 %). Среди сообществ большинство выбирает те, которые соответствуют их интересам (74 %), и наименьший процент приходится на сообщества, связанные с профессиональной деятельностью.

Значимые различия между ответами проявляются для всех вопросов анкеты (хи-квадрат от 43,56 до 370,47 при $p < 0,001$).

Для соотнесения показателей профиля в социальной сети с интенсивностью использования социальной сети был проведен анализ таблиц сопряженности с последующим вычислением хи-квадрата.

Итоговый показатель по шкале интенсивности использования социальной сети был проверен на нормальность распределения ($k-s z = 0,89$; $p < 0,41$). Далее выборка была разделена на три группы на основании среднее $\pm 0,5$ ст. откл., что позволило получить три отдельные выборки, состоящие из 61, 79 и 61 человека с разным уровнем интенсивности использования социальной сети.

При сопоставлении уровня интенсивности использования социальной сети не обнаружено значимых различий в количестве друзей, с которыми общается пользователь (хи-квадрат 11,41 при $p < 0,07$). То есть количество

друзей не является показательным для разных уровней интенсивности. Рассматривая частоту публикаций, обнаружили, что пользователи, имеющие среднюю и максимальную интенсивность, значительно больше публикуют информацию (хи-квадрат 33,82 при $p < 0,001$). В частности, до 20 % постов публикуется 2–3 раза в неделю или несколько раз в месяц. Хотя нужно отметить, что большая часть постов (60 %) публикуется редко, независимо от уровня интенсивности, тем не менее пользователи со средним и высоким уровнем демонстрируют большую частоту публикаций.

Содержательно информация у пользователей с разным уровнем интенсивности не отличается, но большая часть из публикуемого (44–54 %) приходится на посты с информацией о себе или от сообществ. Аналогичная ситуация и с медиаконтентом, который публикуют (хи-квадрат 12,24 при $p < 0,141$). Так, публикации только фотографий или смешения разных элементов (фото, текст, видео) составляют от 24 до 59 %, причем пользователи со средним и высоким уровнем интенсивности публикуют более 50 % смешенного контента.

Значимые различия проявились и для публикации фотографий пользователем (хи-квадрат 13,67 при $p < 0,034$). Так, пользователи с низкой и средней интенсивностью предпочитают публиковать фотографии себя (до 70 %) и фото с друзьями (до 25 %), а у пользователей с высокой интенсивностью 54 % приходится на персональные фотографии и 36 % – на фотографии с друзьями. Интересно отметить, что в группе со средним уровнем интенсивности 17 % составляют фотографии с коллегами, чего не наблюдается в группах с полярными уровнями интенсивности.

Содержательно посты пользователей с разным уровнем интенсивности не имеют отличий (хи-квадрат 7,28 при $p < 0,296$), в равной степени публикуются тексты про себя, других людей, окружающих ситуаций. Однако у пользователей с низкой и средней интенсивностью до 23 % публикаций касаются себя, в сравнении с пользователями с максимальной интенсивностью (6,7 %).

Также не обнаружено различий (хи-квадрат 9,12 при $p < 0,332$) и в предпочитаемых сообществах, группах. Большинство пользователей (74 %) состоит в группах, отражающих их интересы и увлечения, образовательные и профессиональные группы составляют меньшинство.

Навязчивость использования социальной сети и особенности профиля пользователя

Для соотнесения показателей профиля в социальной сети с навязчивостью использования социальной сети был проведен анализ таблиц сопряженности с последующим вычислением хи-квадрата.

Итоговый показатель по шкале навязчивости использования социальной сети был проверен на нормальность распределения ($k-s z = 0,97$; $p < 0,31$). Далее выборка была разделена на три группы на основании среднее $\pm$ 0,5 ст. откл., что позволило получить три отдельные выборки, состоящие из 50, 89 и 62 человек с разным уровнем навязчивости в использовании социальной сети.

При сопоставлении уровня зависимости от социальной сети и количества друзей, с которыми общается пользователь, было обнаружено значимое отличие в количестве друзей, с которыми общается человек (хи-квадрат 16,14 при $p < 0,05$). Для групп с низким и средним уровнем зависимости половина всех контактов происходит с 30 % друзей, тогда как для группы с высоким уровнем половина контактов происходит с 50 % друзей. По количеству постов пользователей все группы примерно одинаковы, более 60 % составляют редкие публикации, при этом их количество значимо отличается по частоте появления (хи-квадрат 21,09 при $p < 0,01$). Вне зависимости от уровня выраженности зависимости значимо чаще (хи-квадрат 11,84 при $p < 0,05$) публикуется информация о себе (21–48 %) или информация сообществ (24–44 %). Специфика публикуемого контента значимо не отличается, хотя до 32 % составляют фотографии и до 54 % – смешанный контент. Сходная ситуация и с тем, кто изображен на фотографии: лидируют фотографии пользователя (до 64 %). Если обращаться к содержанию текстов, то значимых различий также не обнаружить, до 40 % текстов содержит описание жизненных ситуаций. Предпочтение по сообществам также значимо не отличается, лидируют (до 70 %) сообщества, связанные с интересами пользователя.

Пол и самопрезентация

В наших предыдущих исследованиях было обнаружено, что женщины в большей степени используют социальные сети. Для подтверждения этого факта было проведено сравнение интенсивности использования социальной сети по t -критерию по фактору «пол». Интенсивность использования значимо выше у женщин ($t = -3,28$; $p < 0,001$).

Значимых различий в навязчивости использования социальной сети между мужчинами и женщинами обнаружено не было.

Среди показателей перфекционистской самопрезентации были обнаружены различия в поведенческом неприятии несовершенства ($t = -3,56$; $p < 0,001$) и вербальном неприятии несовершенства ($t = 2,90$; $p < 0,001$). При этом поведенческое неприятие несовершенства выше у женщин, а вербальное неприятие несовершенства – у мужчин.

Интенсивность использования социальной сети и перфекционистская самопрезентация

В связи с тем, что критерий Левена выявил неравенство дисперсий в изучаемых группах, был применен сравнительный анализ Краскела – Уоллиса (для групп с разной интенсивностью) и критерий Манна – Уитни (для сравнения по полу).

Сравнительный анализ Краскела – Уоллиса показал значимые различия в демонстрации совершенства (хи-квадрат 14,46 при $p < 0,001$), поведенческом неприятии несовершенства (хи-квадрат 6,8 при $p < 0,05$) и вербальном неприятии несовершенства (хи-квадрат 9,93 при $p < 0,01$) (рисунок).

Интенсивность использования социальной сети положительно коррелирует с демонстрацией совершенства ($r = 0,260$; $p < 0,001$), поведенческим неприятием совершенства ($r = 0,161$; $p < 0,05$)

и отрицательно с вербальным непрявлением несовершенства ($r = -0,234$; $p < 0,001$).

Навязчивость использования социальной сети и перфекционистская самопрезентация

Проверка на однородность дисперсии показала, что из всех показателей перфекционистской самопрезентации только для показателя «вербальное непрявление несовершенства» тест был незначимый, было решено использовать сравнительный анализ Краскела – Уоллиса (для групп с разным уровнем навязчивости). В результате сравнения групп были обнаружены значимые различия в демонстрации совершенства (хи-квадрат 9,87 при $p < 0,01$), поведенческом непрявлении несовершенства (хи-квадрат 14,56 при $p < 0,001$), а в вербальном непрявлении несовершенства различий не обнаружено (см. рисунок).

Навязчивость в использовании социальной сети положительно коррелирует с демонстрацией совершенства ($r = 0,235$; $p < 0,001$), поведенческим непрявлением несовершенства ($r = 0,273$; $p < 0,05$). С вербальным непрявлением несовершенства значимая связь не обнаружена.

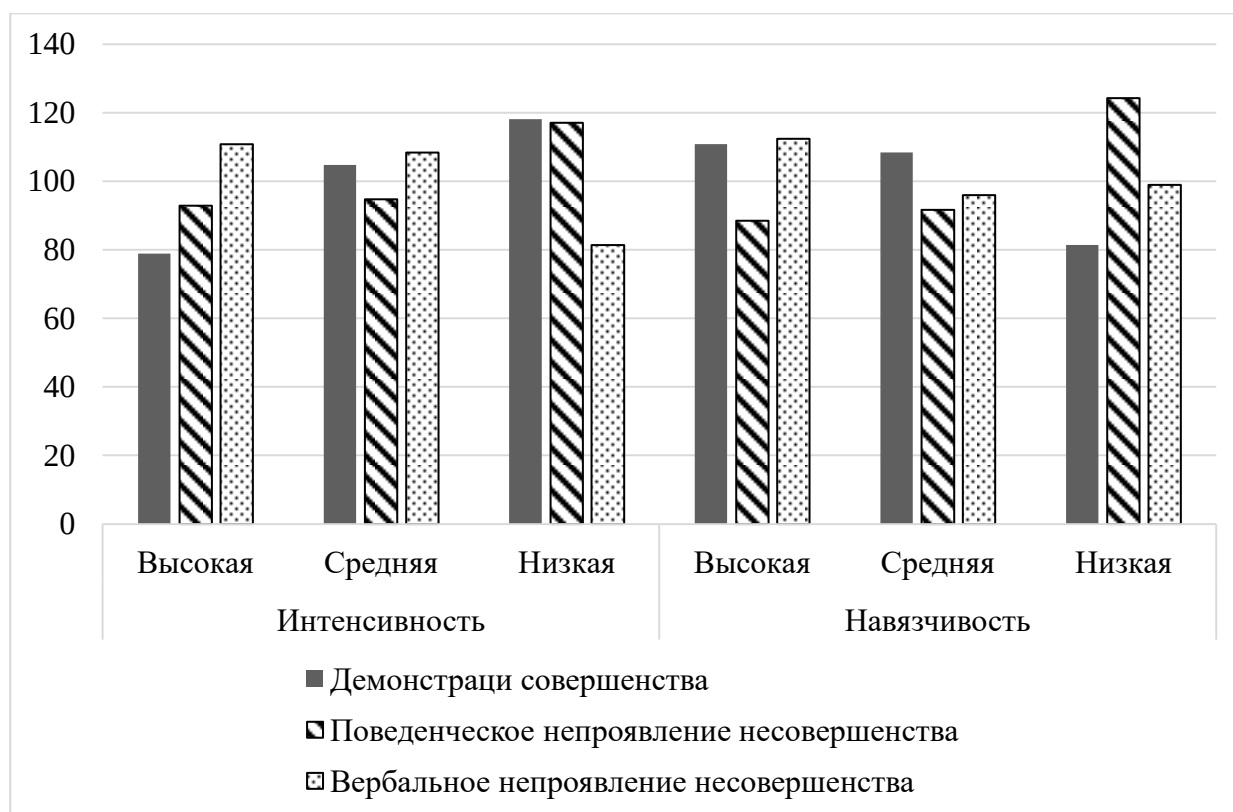

График средних рангов для показателей интенсивности и навязчивости в группах с различной выраженностью. (Большее значение среднего ранга свидетельствует о меньшей выраженности показателя)

Обсуждение результатов

В целом люди с различным уровнем интенсивности пользования социальной сетью наиболее отличаются по частоте публикаций и по предпочитаемому контенту для публикации. В группах с различным уровнем

зависимости обнаруживается предпочтение общения с узким кругом друзей, редкие публикации с преимущественно персональной информацией.

Данная ситуация может являться результатом того, что фотография – один из самых простых способов сделать публикацию, и фотоизображение может передать много информации о месте, особенности времяпровождения. Пользователи, общающиеся в социальных сетях с половиной своих друзей, склонны демонстрировать большую навязчивость в использовании социальной сети. Обнаруживается мало значимых различий в активности пользователя независимо от уровня его интенсивности и навязчивости, и только количество друзей и частота публикации фотографий показательны для характеристики интенсивного использования и проявления зависимого поведения в отношении социальной сети.

Как и было показано в других исследованиях, женщины больше склонны к активному использованию социальных сетей, при этом они либо проявляют, либо не проявляют сходные с мужчинами характеристики зависимого поведения. Пользование социальной сетью в большей степени у женщин включено в ежедневную активность и с ней связаны позитивные эмоции, а также чувство общности с другими. В отношении перфекционистской самопрезентации половые различия проявились следующим образом. Женщины избегают представлять собственное поведение так, чтобы оно стало объектом обсуждения или демонстрации неудач, связанных с деятельностью, а мужчины вообще гораздо реже стремятся рассказывать о неудачах. Возможно, это будет проявляться и в специфике постов мужчин и женщин, так достаточно часто пользователи сети обращаются к аудитории за помощью в решении какой-то ситуации. Избегание говорить о собственных проблемах может являться проявлением более глобального полового различия в вербальных характеристиках.

Анализируя взаимосвязи интенсивности и навязчивости использования социальной сети и особенности перфекционистской самопрезентации, можно сказать, что большая активность в социальной сети связана со стремлением показать себя с лучшей стороны, продемонстрировать характеристики выдающихся способностей и успеха в социуме, равно как и большую зависимость от мнения окружающих, критики. Вместе с тем поведенческое проявление несовершенства характеризует и стремление избегать социальных ситуаций, где поведение может быть оценено другими. В данном случае возникает некое противоречие: с одной стороны, использование социальной сети связано с презентацией своей жизни, себя, с другой, большая активность может приводить к повышению страха социальной оценки. Обнаруженная связь между вербальным непрямым проявлением несовершенства и интенсивностью может объяснять низкую активность пользователей. Так, при высоком стремлении скрыть собственные недостатки, например, избегание говорить о трудностях или затраченных усилиях для достижения чего-либо или несамостоятельности в решении проблем, снижает активность в использовании социальных сетей. Интересно отметить, что зависимое поведение скорее связано именно со стремлением презентации собственного успешного образа

в деятельности, чем с информированием других о том, что при достижении чего-то пришлось столкнуться с трудностями. Возможно, в дальнейшем можно рассмотреть разные варианты или стратегии использования социальной сети, один связан с демонстрацией себя и приводит к активности пользователя, а другой, наоборот, связан со страхом социальной оценки и снижает эту активность.

Описанные особенности подтверждаются и результатами сравнительных анализов. Большее стремление к демонстрации совершенства, способностей, избегание образа неуспешного человека, который обращается за помощью, более выражено у пользователей с высокой активностью в социальной сети. В группах с различным уровнем характеристик зависимого поведения обнаружены те же различия, за исключением вербализации собственных трудностей.

Полученные результаты позволяют наметить несколько направлений для дальнейших исследований.

1. Рассмотренные характеристики профилей пользователей социальной сети не связаны с непосредственным содержанием публикуемой информации, а в контексте данных о самопрезентации может быть интересным выявление того, насколько в публикуемых материалах отражают характеристики перфекционистского образа. Данное предположение может получить свое рассмотрение и в контексте половых различий.

2. Насколько зависимость от оценки других может оказывать влияние на поведение в социальной сети. С одной стороны, эту проблему можно рассматривать с позиции индивидуальных различий в перфекционизме, с другой – как проблему социальной фасилитации.

3. В чем специфика и содержание образа «Я», который предъявляет пользователь. Насколько самопрезентация отражает истинную личность человека, и не являются ли характеристики перфекционистской презентации способами управлять впечатлением о себе.

Ограничением данного исследования является то, что особенности профиля были получены на основании самоотчетов, а также ограниченный объем выборки и распределение данных, что не позволило изучить взаимодействие факторов.

Список литературы

1. Золотарева А.А. Адаптация методики «Шкала перфекционистской самопрезентации» П. Хьюитта // Психологический журнал. – 2011. – № 6 (32). – С. 62–69.

2. Малыгин В.Л., Хомерики Н.С., Антоненко А.А. Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – № 30 (7).

3. Ясная В.А., Ениколопов С.Н. Современные модели перфекционизма // Психологические исследования. – 2013. – № 28 (6).

4. *Błachnio A., Przepiorka A.* Dysfunction of Self-Regulation and Self-Control in Facebook Addiction // *Psychiatric Quarterly*. – 2016. – № 3 (87). – С. 493–500.
5. *Busalim A.H., Masrom M., Binti Wan Zakaria W.N.* The impact of Facebook Addiction and self-esteem on students' academic performance: A multi-group analysis // *Computers & Education*. – 2019. – Vol. 142. – С. 103651.
6. *Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C.* The Benefits of Facebook "Friends:" Social Capital and College Students' Use of Online Social Network Sites // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2007. – № 4 (12). – С. 1143–1168.
7. *Elphinston R.A., Noller P.* Time to Face It! Facebook Intrusion and the Implications for Romantic Jealousy and Relationship Satisfaction // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. – 2011. – № 11 (14). – С. 631–635.
8. *Flett G.L. [et al.]*. Psychological distress and the frequency of perfectionistic thinking // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1998. – № 5 (75). – С. 1363–1381.
9. *Griffiths M.* A 'components' model of addiction within a biopsychosocial framework // *Journal of Substance Use*. – 2005. – № 4 (10). – С. 191–197.
10. *Hart W., Adams J. M., Alex Burton K.* Narcissistic for the People: Narcissists and Non-narcissists Disagree about How to Make a Good Impression // *Personality and Individual Differences*. – 2016. – Vol. 91. – С. 69–73.
11. *Hewitt P.L. [et al.]*. The interpersonal expression of perfection: Perfectionistic self-presentation and psychological distress. // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2003. – № 6 (84). – С. 1303–1325.
12. *Hewitt P.L., Flett G.L.* Perfectionism in the self and social contexts: Conceptualization, assessment, and association with psychopathology // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1991. – № 3 (60). – С. 456–470.
13. *Mander J., Kavanagh D., Buckle C.* Social. GlobalWebIndex's flagship report on the latest trends in social media.
14. *Reinecke L., Hofmann W.* Slacking Off or Winding Down? An Experience Sampling Study on the Drivers and Consequences of Media Use for Recovery Versus Procrastination // *Human Communication Research*. – 2016. – № 3 (42). – С. 441–461.
15. *Sagioglou C., Greitemeyer T.* Facebook's emotional consequences: Why Facebook causes a decrease in mood and why people still use it // *Computers in Human Behavior*. – 2014. – (35). – С. 359–363.
16. *Smock A.D. [et al.]*. Facebook as a toolkit: A uses and gratification approach to unbundling feature use // *Computers in Human Behavior*. – 2011. – № 6 (27). – С. 2322–2329.
17. *Steinfeld C., Ellison N.B., Lampe C.* Social capital, self-esteem, and use of online social network sites: A longitudinal analysis // *Journal of Applied Developmental Psychology*. – 2008. – № 6 (29). – С. 434–445.

УДК 159.922.8:378.147

DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10103

Харламова Татьяна Михайловнакандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы
и конфликтологии*ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, (342) 239-66-30
e-mail: tanyahar@yandex.ru***СПЕЦИФИКА ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ И КОПИНГ-
СТРАТЕГИЙ СТУДЕНТОВ ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19****Tatiana M. Kharlamova**

Ph. D., Associate Professor at the Department of Social Work and Conflictology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia
e-mail: tanyahar@yandex.ru***SPECIFICITY OF THE MENTAL STATE AND COPING STRATEGIES
OF STUDENTS DURING THE PERIOD OF REMOTE LEARNING
IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC**

Аннотация. Рассматривается специфика психического состояния и копинг-стратегий студентов первого курса направлений подготовки «Клиническая психология» и «Психология широкого профиля» при дистанционном обучении в условиях пандемии COVID-19. Установлено, что на фоне пониженного психического состояния, свойственного всем испытуемым, студенты-психологи более позитивно относятся к себе, чем клинические психологи. Системообразующими показателями в обеих выборках являются «стратегия избегания проблем» и «удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом». Обнаружено, что чем активнее проявляют себя студенты-первокурсники в сложившейся в условиях пандемии учебной и жизненной ситуации, тем более они ориентированы на решение проблем и тем реже выбирают стратегию их избегания; чем выше у студентов способность стенически реагировать на возникающие трудности, тем выше эффективность психической саморегуляции и оценка личностной успешности. Специфика проявляется в том, что чем более клинические психологи ориентированы на избегание проблем, тем менее они удовлетворены жизнью и тем реже обращаются за социальной поддержкой, но при условии ее принятия,

проявляют готовность преодолевать трудности. Также выборка клинических психологов показала стрессоустойчивость как компонент личностной успешности, активность в решении проблем, поиск социальной поддержки и избегание проблем, а выборка психологов – стрессоустойчивость, активность и избегание проблем, удовлетворенность жизнью и собой.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, дистанционное обучение, студенты, психическое состояние, копинг-стратегии.

Abstract. This article discusses the specifics of the mental state and coping strategies of first-year students majoring in general psychology and clinical psychology in the distance learning environment in the context of the COVID-19 pandemic. While all participants displayed lower than average mental state indices, general psychology students demonstrated more positive self-evaluation compared to clinical psychologists. Foundational indicators in the two samples included ‘avoidance strategy’ and ‘satisfaction – dissatisfaction with life in general’. Students who are more active in their education and daily life affected by the pandemic were more focused on solving problems, and they were less likely to choose an avoidance strategy. Those who react more positively to emerging difficulties showed higher effectiveness of mental self-regulation and higher assessment of personal success. Clinical psychologists who are focused on avoiding problems were less satisfied with life and less likely to seek out social support. However, when they did accept social support, they showed willingness to overcome difficulties. Clinical psychologists also demonstrated stress resistance as part of their personal success strategy, active problem-solving, willingness to reach out for social support, and avoidance of problems. General psychology students showed stress resistance, active engagement, avoidance of problems, and satisfaction with life and oneself.

Key words: COVID-19 pandemic, remote learning, students, mental state, coping strategies.

Введение

Социально-психологические, экономические и многие другие проблемы, актуализировавшиеся на фоне пандемии COVID-19, коснулись и сферы высшего образования. Как справедливо отмечают в своей работе Н.А. Беляков, В.В. Рассохин и Е.Б. Ястребова [1], в эту тревожную ситуацию вовлечено население всей страны, независимо от пола, возраста, принадлежности к различным социальным группам. По сути, пишут авторы, все настоящие жители планеты стали свидетелями и участниками пандемии COVID-19, исходы которой пока не ясны. Психологическая наука, наряду с медициной, также активно включилась в процесс исследования сложившейся ситуации, имеющей, по мнению С.Н. Ениколопова, О.М. Бойко, Т.И. Медведевой, О.Ю. Воронцовой и О.Ю. Кузьминой [2], высокий стрессогенный потенциал за счет угрозы жизни и здоровью, особенно представителям групп риска. Авторы утверждают, что при всей схожести психологических реакций у людей, находящихся в чрезвычайной ситуации, COVID-19 порождает непропорциональную степень страха, поскольку передается быстро

и незаметно, а пациент является одновременно жертвой и переносчиком. Его личные права (например, свобода передвижения) в целях борьбы со вспышкой инфекции могут быть нарушены, что повышает тревожность, усиливает дистресс и в целом психопатологическую симптоматику. По мнению П. Акимова (2020), подобная социальная изоляция непривычна и даже опасна, поскольку психика человека реагирует на нее повышением утомляемости и раздражительности, ухудшением концентрации, формированием избегающего и панического поведения. К рассматриваемой проблеме обращается и ряд других авторов, изучавших влияние эпидемии коронавируса (COVID-19) на психологическое благополучие населения стран с высоким уровнем распространения данной вирусной инфекции (J. Qiu, B. Shen, M. Zhao, 2020). В их исследовании содержится призыв учитывать угрозу дистресса при планировании борьбы с подобными эпидемиями, в том числе в группах молодежи. Интересные данные получены и в ходе широкомасштабного онлайн-опроса (1957 респондентов), проведенного сотрудниками НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева (М.Ю. Сорокин, Г.В. Рукавишников, О.В. Макаревич и др., 2020). Было установлено, что в числе наиболее подверженных психологическому стрессу из-за распространения новой острой инфекции COVID-19 – лица молодого возраста (≤ 20 лет). Проблеме выявления отношения к данной ситуации с акцентом на ее травматичность и психологическое состояние респондентов посвящено также исследование Т.В. Ивановой и М.В. Карагачевой (2020), а в контексте взаимосвязи психологической и соматической симптоматики – П.Г. Ткаченко (2020).

Обозначенные выше факты имеют прямое отношение и к работе высших учебных заведений, которые в целях предотвращения распространения коронавируса, защиты жизни и здоровья студентов и сотрудников, перешли на дистанционное обучение, кардинально отличающееся от аудиторного. По мнению С. Костяева (2020), специфика проявляется в том, что удаленное преподавание более трудоемко, поскольку требует крайне детальной организации учебного курса. В свою очередь, у студентов различаются возможности в определенное время присоединиться к конференц-звонку в Skype//WebEx/BBW и тому подобных системах, а также в доступе к высокоскоростному Интернету. У обучающихся могут возникнуть и семейные обязанности по уходу за младшими братьями/сестрами, поскольку на период карантина остаются закрытыми школы и дошкольные учреждения. Родители студентов тоже могут быть переведены на удаленную работу, что создает проблемы с доступом к компьютерам.

Психологической адаптации к новым условиям способствуют копинг-стратегии, реализуемые студентами в процессе дистанционного обучения. При этом, согласно результатам исследования Е.И. Рассказовой и Т.О. Гордеевой, активные попытки разрешить проблему позволяют сохранить психологическое здоровье и успешно адаптироваться к стрессору в то время, как избегающий копинг является фактором риска различных девиаций [9]. В свою очередь М.Г. Кочуров, подтверждая актуальность изучения поведения, направленного на преодоление жизненных трудностей, видит перспективу в поиске тех

личностных свойств, которые обеспечивают возможность самостоятельно выбирать наиболее эффективную копинг-стратегию [4]. Е.С. Михайлова и Н.М. Пинегина (2018), подчеркивая важность правильного реагирования на сложные ситуации, описывают копинги как способы регуляции поведения, деятельности и сохранения эмоционального состояния. Авторы отмечают, что репертуар копинг-стратегий меняется с изменением условий жизнедеятельности человека, что, по нашему мнению, имеет место и в ситуации с пандемией COVID-19. Интерес для нашего исследования представляют также работы, в которых совладающее поведение в выборках студентов-психологов рассматривается во взаимосвязи с их жизнестойкостью (А.И. Калашников, Ю.А. Рябова, 2019) [8, с. 177–181], с личностными факторами Большой пятерки (О.А. Кондрашихина, 2019) [8, с. 352–354] и с толерантностью к неопределенности (Л.Г. Петухова, 2019) [8, с. 544–548]. Авторы, в частности, отмечают, что в стрессовых ситуациях испытуемые склонны не только к конструктивному копинг-поведению, например, к поиску рационального решения проблемы, обращению за помощью и поддержкой к социальному окружению, но и к неконструктивному – перекладыванию ответственности за происходящее на внешние факторы среды. В свою очередь, А.Д. Кузнецова высказывает мнение, что для современной психологической науки характерно смещение исследовательских интересов с копинг-поведения в экстремальных ситуациях (терроризм, природные и техногенные катастрофы) на широкий круг субъективно значимых повседневных ситуаций, сопровождаемых хроническими стрессорами [5].

Данная тенденция находит свое подтверждение и при пандемии COVID-19. Ее деструктивные социально-психологические воздействия требуют незамедлительного профессионального реагирования со стороны науки и практики, объединения специалистов различных сфер деятельности. И данный процесс имеет место. Так, по утверждению президента Российского психологического общества Ю.П. Зинченко, в условиях пандемии наблюдается резкий рост контактов между профессиональными сообществами разных стран, в том числе по вопросам различных вариантов и способов психологической помощи по выходу из вынужденного стрессового состояния [6]. Российской стороной уже разработаны рекомендации для различных категорий граждан, в том числе психологические рекомендации о поведении и деятельности человека в экстремальной ситуации пандемии, составленные М.Ш. Магомед-Эминовым [10], индивидуальные психологические рекомендации в условиях эпидемии COVID-19, разработанные сотрудниками Психологического института РАО Н.В. Кисельниковой, П.А. Сергомановым [3] и др.

Организация исследования

Целью нашей работы стало изучение психического состояния и копинг-стратегий студентов при дистанционном обучении в условиях пандемии COVID-19. Обследование проводилось в апреле 2020 г. в режиме онлайн с помощью «Методики определения доминирующего психического состояния: краткий вариант» Л.В. Куликова [7, с. 30–37] и опросника «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана в адаптации Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского [7, с. 117–120].

В качестве испытуемых выступили студенты первого курса философско-социологического факультета ПГНИУ, разделенные на две выборки в соответствии с направлениями подготовки (специальностями). В первую выборку вошли клинические психологи (направленность «Психологическое обеспечение в чрезвычайных и экстремальных ситуациях»), во вторую выборку – психологи (направленность «Программа широкого профиля»). Полученные данные были обработаны методами математической статистики с применением *t*-критерия Стьюдента, корреляционного анализа по К. Пирсону и факторного анализа (метод главных компонент).

Результаты исследования

Проведенный нами *t*-критериальный анализ позволил установить, что в выборке студентов-психологов, по сравнению с выборкой клинических психологов, в большей степени выражен показатель «положительный – отрицательный образ самого себя» ($t\text{-value} = -2,15$ при $p = 0,036$).

Полученные данные позволяют предположить, что испытуемые второй выборки (психологи широкого профиля) более положительно относятся к себе, принимают себя со всеми своими недостатками. Позитивное принятие себя улучшает общее психическое состояние, что в ситуации стресса, вызванного пандемией COVID-19 и ее социальными последствиями, повышает адаптивные возможности студентов. В свою очередь испытуемые первой выборки (клинические психологи) проявили большую критичность в оценивании себя, своего психического состояния, что, по нашему мнению, оказывает определенное влияние на эффективность их деятельности в условиях дистанционного обучения. Данные студенты предъявляют к себе больше требований и, соответственно, оказываются более подверженными стрессу.

Установлено также, что у студентов-психологов, по сравнению с клиническими психологами, на уровне тенденции несколько выше удовлетворенность текущей жизнью и склонность к избеганию проблем. Интересным нам кажется и тот факт, что у испытуемых обеих групп общий уровень психического и социально-психического состояния ниже среднего (46,53 и 47,59 баллов соответственно).

Таким образом, проведенный нами *t*-критерий Стьюдента выявил у респондентов общий пониженный фон психического состояния, что можно объяснить сложившейся чрезвычайной ситуацией, связанной с негативными эффектами пандемии COVID-19. При этом в выборке психологов широкого профиля в большей степени, чем у клинических психологов, выражено положительное отношение к себе.

Проведенный нами далее корреляционный анализ позволил обнаружить наличие статистически значимых взаимосвязей показателей психического состояния и копинг-стратегий (табл. 1, 2).

Получены интересные факты. Например, установлено что в обеих выборках в качестве системообразующих (имеют наибольшее количество корреляций) выступили показатели «удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом, ее ходом, процессом самореализации» и «стратегия избегания

проблем», а в группе психологов широкого профиля также и показатель «стратегия разрешения проблем».

Таблица 1

Статистически значимые взаимосвязи показателей доминирующего психического состояния и копинг-стратегий в выборке клинических психологов

Показатели	Means	Std. Dev.	АК	ТО	СП	УС	УД	ПО	РП	ПС	ИП
АК	41,38	11,95	1,00								
ТО	46,38	13,65		1,00							
СП	49,28	12,01	0,39	0,70	1,00						
УС	49,21	10,11		0,45	0,53	1,00					
УД	48,97	10,07	0,62	0,69	0,66	0,53	1,00				
ПО	43,97	8,65			0,44	0,61	0,46	1,00			
РП	22,90	4,75	0,63						1,00		
ПС	21,59	5,64							0,43	1,00	
ИП	18,52	4,10	-0,42	-0,38			-0,47	-0,40		-0,49	1,00

Таблица 2

Статистически значимые взаимосвязи показателей доминирующего психического состояния и копинг-стратегий в выборке психологов

Показатели	Means	Std. Dev.	АК	ТО	СП	УС	УД	ПО	РП	ПС	ИП
АК	43,85	11,78	1,00								
ТО	44,27	15,98		1,00							
СП	49,15	10,92		0,76	1,00						
УС	45,65	16,74		0,61	0,48	1,00					
УД	52,96	11,06		0,48	0,44	0,50	1,00				
ПО	49,65	10,93			0,54	0,48	0,74	1,00			
РП	23,19	5,89	0,45						1,00		
ПС	20,77	5,95								1,00	
ИП	20,12	5,41	-0,50						-0,44		1,00

Примечания: методика Куликова: АК – активное – пассивное отношение к жизненной ситуации; ТО – тонус высокий – низкий; СП – спокойствие – тревога; УС – устойчивость – неустойчивость эмоционального тона; УД – удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом; ПО – положительный – отрицательный образ самого себя. Методика Амирхана: РП – стратегия разрешения проблем; ПС – стратегия поиска социальной поддержки; ИП – стратегия избегания проблем.

Можно предположить, что психическое состояние студентов детерминируется их актуальными жизненными событиями, наличием или отсутствием надежной внутренней опоры, готовностью или неготовностью принять личную ответственность за то, что с ними происходит. А также недостаточным уровнем развития личностно-средовых копинг-ресурсов и навыков активного разрешения проблем. Следует отметить, что в выборке психологов широкого профиля между ядерными показателями копинг-стратегий имеет место отрицательная взаимосвязь ($p \leq 0,05$). Ее наличие позволяет предположить, что чем более данные испытуемые избегают

контактов с окружающей действительностью, уходят от решения проблем, тем менее они активны в решении вопросов, связанных с ситуацией пандемии и необходимостью дистанционного обучения. Возможна и обратная тенденция: чем эффективнее испытуемые данной выборки используют личностные ресурсы для поиска способов разрешения учебных и других проблем, тем менее они ориентированы на избегание тревожащих ситуаций, ощущения психологического и физического дискомфорта, необходимости заняться важными делами и т.д. Подобная поведенческая вариативность может быть интерпретирована как адаптивный ресурс студентов второй выборки.

Существование стабильного личностного конструкта, не связанного со спецификой выборок, подтверждают и общие корреляции между исследуемыми показателями. Например, установлено, что показатель «активное – пассивное отношение к жизненной ситуации» положительно взаимосвязан с показателем «стратегия разрешения проблем» ($p \leq 0,05$) и отрицательно – с показателем «стратегия избегания проблем» ($p \leq 0,01$). Вероятно, чем активнее и оптимистичнее относятся студенты обеих выборок к сложившейся в условиях пандемии учебной и жизненной ситуации, чем больше сил ощущают в себе для преодоления препятствий и достижения целей, тем более они ориентированы на решение проблем и тем реже выбирают стратегию их избегания. Возможна и противоположная тенденция: чем менее активно реагируют испытуемые на сложившуюся жизненную ситуацию, проявляя пассивность и пессимистичность в ее оценке, тем чаще выбирают стратегию избегания проблем.

В свою очередь, показатель «тонус высокий – низкий» положительно коррелирует с показателями «спокойствие – тревога» ($p \leq 0,001$), «устойчивость – неустойчивость эмоционального тона» (соответственно выборкам, $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,001$), «удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом, ее ходом, процессом самореализации» ($p \leq 0,001$ и $p \leq 0,05$ соответственно). Полученные данные позволяют утверждать, что чем выше у студентов обеих выборок энергетический потенциал, ощущение внутренней собранности, готовности к длительной работе, а также чем выше способность стенически реагировать на возникающие трудности, тем выше уверенность в собственных возможностях, адекватность и эффективность психической саморегуляции, поведения и деятельности, тем выше оценка собственной личностной успешности.

Общими для обеих выборок испытуемых являются также положительные корреляции показателя «спокойствие – тревога» с показателями «устойчивость – неустойчивость эмоционального тона» (соответственно выборкам, $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$), «удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью» ($p \leq 0,001$ и $p \leq 0,05$) и «положительный – отрицательный образ самого себя» ($p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$). Можно предположить, что чем спокойнее реагируют студенты на различные эмоциогенные раздражители, в том числе связанные с ситуациями пандемии, самоизоляции и дистанционного обучения, тем более выражен у них положительный эмоциональный тон, тем полнее ощущение личностной целостности, успешности самореализации и тем позитивнее они оценивают

себя. По мнению автора методики, позитивное принятие, проявляющееся в умении относиться к своим особенностям и недостаткам без негативной окраски, т.е. как к данности, улучшает психическое состояние человека.

В числе других общих взаимосвязей – положительные корреляции показателя «удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом» с показателями «устойчивость – неустойчивость эмоционального тона» (в обеих выборках $p \leq 0,01$) и «положительный – отрицательный образ самого себя» ($p \leq 0,05$ и $p \leq 0,001$), а также последнего показателя с показателем эмоционального тона ($p \leq 0,001$ и $p \leq 0,05$). Полученные данные позволяют утверждать, что чем более испытуемые обеих выборок удовлетворены жизненной ситуацией, готовы взять на себя ответственность и сделать собственный выбор, тем более им свойственна эмоциональная стабильность и тем лучше они понимают и принимают себя. А также чем позитивнее они относятся к себе, тем активнее и энергичнее реагируют на возникающие трудности.

Все остальные выявленные взаимосвязи показателей психического состояния и копинг-стратегий специфичны. Например, в выборке клинических психологов системообразующий показатель «стратегия избегания проблем» отрицательно коррелирует с показателями «положительный – отрицательный образ самого себя», «удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом» и «стратегия поиска социальной поддержки» (во всех случаях $p \leq 0,05$). Можно предположить, что чем более данные испытуемые склонны избегать различных внешних и внутренних реакций и событий с целью уменьшения дискомфорта и дистресса, чем пассивнее их поведение и чем выше убежденность, что данные действия соответствуют реальности, тем ниже удовлетворенность жизненной ситуацией в целом и ее отдельными элементами (учебой, досугом, отношениями с близкими), тем ниже самоуважение и принятие себя и тем реже для эффективного решения проблем выбирается стратегия привлечения внешних (социальных) ресурсов. Возможна и обратная тенденция: чем более студенты – клинические психологи удовлетворены ходом своей жизни и самореализацией, чем более они готовы к преодолению трудностей, чем позитивнее относятся к себе и чем более открыты для внешней поддержки, тем реже выбирают стратегию избегания проблем. Интересно, что в данной выборке показатель поиска социальной поддержки имеет еще одну корреляцию – положительную с показателем «стратегия разрешения проблем» ($p \leq 0,05$). Очевидно, чем активнее испытуемые исследуемой выборки обращаются к социальным ресурсам за эмоциональной и инструментальной поддержкой, тем эффективнее они решают проблемы и тем выше их субъективное психологическое благополучие.

Специфичными в первой выборке являются и положительные корреляции показателя «активное – пассивное отношение к жизненной ситуации» с показателями «удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом» ($p \leq 0,001$) и «спокойствие – тревога» ($p \leq 0,05$). Вероятно, чем активнее и оптимистичнее относятся данные испытуемые к сложившейся ситуации, чем больше ощущают в себе сил для преодоления препятствий и достижения целей,

тем спокойнее и уравновешеннее воспринимают внешние события, тем реже испытывают внутренние конфликты и, соответственно, тем более удовлетворены жизнью и процессом самореализации. Для сравнения, в группе психологов широкого профиля показатель активного – пассивного отношения к жизненной ситуации связан только с показателями копинг-стратегий.

Таким образом, проведенный нами корреляционный анализ по К. Пирсону позволяет сделать следующие выводы:

1. Общими системообразующими показателями для обеих выборок студентов являются «удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом, ее ходом, процессом самореализации» и «стратегия избегания проблем». А для выборки психологов широкого профиля «ядерными» являются также показатели «спокойствие – тревога» и «устойчивость – неустойчивость эмоционального тона», что можно объяснить специфичным реагированием испытуемых на изменившиеся условия их жизни и учебной деятельности в ситуации пандемии COVID-19.

2. Общие взаимосвязи между исследуемыми показателями позволяют утверждать, что чем активнее проявляют себя студенты обеих выборок в сложившейся в условиях пандемии учебной и жизненной ситуации, тем более они ориентированы на решение проблем и тем реже выбирают стратегию их избегания; чем выше у студентов способность стенически реагировать на возникающие трудности, тем выше эффективность психической саморегуляции и оценка собственной личностной успешности и т.д.

3. Наличие общих для исследуемых выборок системообразующих показателей и корреляций подтверждает существование стабильного личностного конструкта, не связанного с направлениями подготовки (специальностями) респондентов.

4. Специфичные корреляции в большей степени представлены в выборке клинических психологов, что может быть связано с изменившимися условиями их жизни и учебной деятельности, продиктованными пандемией COVID-19. Характер данных взаимосвязей позволяет утверждать следующее: чем более испытуемые первой выборки ориентированы на избегание проблем, тем менее они удовлетворены жизнью, собой и тем реже обращаются за социальной поддержкой, но при условии ее принятия проявляют готовность преодолевать трудности. Соответственно, при активном отношении к новой и достаточно сложной для них учебной и жизненной ситуации, студенты спокойнее и позитивнее воспринимают ее и себя.

Проведенный нами далее факторный анализ позволил выделить в каждой исследуемой выборке по 3 фактора (доля объяснимой дисперсии 69 и 64 % соответственно).

В первой выборке (табл. 3) в первый фактор со значимыми весами вошли показатели «тонус высокий – низкий», «спокойствие – тревога» (имеет наибольший вес), «устойчивость – неустойчивость эмоционального тона», «удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом». Мы назвали данный фактор «Стрессоустойчивость как компонент личностной успешности».

Таблица 3

Факторное отображение доминирующего психического состояния и копинг-стратегий в выборке клинических психологов

Factor Loadings (Varimax raw) (Spreadsheet1)

	Показатели	F1	F 2	F3
1	Активное – пассивное отношение к жизненной ситуации		0,839	
2	Тонус высокий – низкий	0,762		
3	Спокойствие – тревога	0,840		
4	Устойчивость – неустойчивость эмоционального тона	0,820		
5	Удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом	0,772		
6	Положительный – отрицательный образ самого себя			
7	Стратегия разрешения проблем		0,755	
8	Стратегия поиска социальной поддержки			0,801
9	Стратегия избегания проблем			-0,777
	Expl. Var	3,224	1,964	1,649
	Prp. Totl	0,358	0,218	0,183

Во второй фактор, соответственно, вошли показатели «активное – пассивное отношение к жизненной ситуации» (имеет наибольший вес) и «стратегия разрешения проблем», что позволило назвать его «Активность в решении проблем». Содержание третьего амбивалентного фактора, названного «Поиск социальной поддержки и избегание проблем», с противоположными знаками составили два обозначенных показателя, при наибольшем весе у первого.

Таким образом, в выборке клинических психологов факторная структура исследуемого симптомокомплекса включает в себя: стрессоустойчивость как компонент личностной успешности, активность в решении проблем, поиск социальной поддержки и избегание проблем.

Во второй выборке (табл. 4) в первый фактор со значимыми весами вошли показатели «тонус высокий – низкий» (имеет наибольший вес), «спокойствие – тревога», «устойчивость – неустойчивость эмоционального тона». Мы назвали данный фактор «Стрессоустойчивость».

Содержание второго амбивалентного фактора, названного «Активность и избегание проблем», с противоположными знаками составили два обозначенных показателя, при наибольшем весе у первого. В третий фактор вошли показатели «удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом» (имеет наибольший вес) и «положительный – отрицательный образ самого себя», что позволило назвать его «Удовлетворенность жизнью и собой».

Таблица 4

Факторное отображение доминирующего психического состояния и копинг-стратегий в выборке психологов

Factor Loadings (Varimax raw) (Spreadsheet1)

	Показатели	F 1	F 2	F 3
1	Активное – пассивное отношение к жизненной ситуации		0,843	
2	Тонус высокий – низкий	0,874		
3	Спокойствие – тревога	0,836		
4	Устойчивость – неустойчивость эмоционального тона	0,732		
5	Удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом			0,817
6	Положительный – отрицательный образ самого себя			0,814
7	Стратегия разрешения проблем			
8	Стратегия поиска социальной поддержки			
9	Стратегия избегания проблем		-0,820	
	Expl. Var	2,443	2,017	1,999
	Prp. Totl	0,271	0,224	0,222

Таким образом, в выборке студентов – психологов широкого профиля факторная структура исследуемого симптомокомплекса включает в себя: стрессоустойчивость, активность и избегание проблем, удовлетворенность жизнью и собой.

Сравнительный анализ результатов факторизации позволяет говорить о том, что наиболее стабильным для обеих выборок является конструкт, характеризующий параметры стрессоустойчивости. При этом в группе клинических психологов он объединился с оценкой личностной успешности, включающей способность брать на себя ответственность, делать собственный выбор и, как следствие, испытывать удовлетворенность ходом самореализации и жизнью в целом.

Обращают на себя внимание и вторые факторы, в которых личностная активность в первой выборке объединилась с готовностью студентов использовать все имеющиеся ресурсы для поиска эффективных способов разрешения проблем, а во второй выборке (амбивалентно) – со стремлением избежать их. Вероятно, психологам широкого профиля свойственны колебания активности, в том числе готовности к преодолению препятствий, детерминированных пандемией COVID-19. При отсутствии веры в собственные возможности они выбирают стратегию ухода от решения проблем, что позволяет сохранить личностные ресурсы.

Содержание третьих факторов специфично. В выборке клинических психологов его составляют амбивалентные показатели стратегий поиска социальной поддержки и избегания проблем. Можно предположить, что данные испытуемые склонны выбирать один из вариантов решения трудных жизненных ситуаций: привлечение информационной и эмоциональной поддержки, помощи со стороны близкого социального окружения, что снижает силу стрессовых воздействий и способствует более эффективной адаптации,

или избегание проблем, в том числе работы, связанной с дискомфортом, негативных мыслей, чувств, контактов. По нашему мнению, возможность выбора стратегии поведения, соответствующей личностным ресурсам (энергетическим, эмоциональным, когнитивным), повышает адаптивные возможности данных респондентов. В выборке психологов широкого профиля в третий фактор вошли показатели, характеризующие параметры удовлетворенности жизнью и собой. Вероятно, данные испытуемые ощущают полноту жизни, свободу от внутренних принуждений и на этом фоне принимают себя со всеми своими недостатками, оценивают свое поведение и учебную деятельность как соответствующие социальным нормам.

Таким образом, проведенный нами факторный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Факторная структура доминирующего психического состояния и копинг-стратегий в выборке клинических психологов включает в себя стрессоустойчивость как компонент личностной успешности, активность в решении проблем, поиск социальной поддержки и избегание проблем, а выборке психологов широкого профиля, соответственно, стрессоустойчивость, активность и избегание проблем, удовлетворенность жизнью и собой.

2. Содержание выявленных факторов позволяет предположить, что испытуемые первой выборки на фоне стрессоустойчивости испытывают удовлетворенность результатами самореализации и ходом собственной жизни. Их личностная активность может быть направлена на поиск эффективных способов разрешения проблем, а психологическая гибкость проявляется в возможности выбора альтернативных стратегий выхода из стрессовых ситуаций.

3. В свою очередь испытуемым второй выборки свойственны как стрессоустойчивость, так и колебания уровня активности. При ее снижении студенты испытывают сомнения в собственных силах и возможностях, что актуализирует стратегию ухода от проблем, являющуюся не только подтверждением слабости «Я», но и вариантом сохранения личностных ресурсов. Интересно, что независимо от наличия данных тенденций у психологов широкого профиля сохраняется чувство удовлетворенности жизнью и собой.

Выводы

1. В сложившейся чрезвычайной ситуации, связанной с негативными эффектами пандемии COVID-19, *t*-критерий Стьюдента выявил у всех студентов пониженный фон психического состояния, при этом психологи широкого профиля сохраняют более положительное отношение к себе.

2. Наличие общих для исследуемых выборок системообразующих показателей и корреляций подтверждает существование стабильного личностного конструкта, не связанного с направлениями подготовки (специальностями) респондентов.

3. Специфичные корреляции показателей психического состояния и копинг-стратегий, выявленные в выборке клинических психологов,

позволяют утверждать, что чем более данные испытуемые в условиях пандемии COVID-19 ориентированы на избегание проблем, тем менее удовлетворены жизнью и собой, тем реже обращаются за социальной поддержкой, но при ее принятии проявляют готовность преодолевать трудности. Соответственно, при активном отношении к новой, сложной для них учебной и жизненной ситуации студенты спокойнее и позитивнее воспринимают ее и себя.

Для выборки психологов широкого профиля специфичными являются системообразующие показатели «спокойствие – тревога» и «устойчивость – неустойчивость эмоционального тона». Их наличие также можно объяснить специфичным реагированием данных испытуемых на изменившиеся условия жизнедеятельности, в том числе обучения.

4. Факторная структура исследуемых показателей в выборке клинических психологов включает в себя стрессоустойчивость как компонент личностной успешности, активность в решении проблем, поиск социальной поддержки и избегание проблем. Можно утверждать, что способность противостоять стрессу является своеобразным гарантом успешности личности, активность которой может быть направлена на поиск эффективных способов разрешения проблем, а психологическая гибкость – на вариативность стратегий выхода из стрессовых ситуаций.

5. Факторная структура показателей доминирующего психического состояния и копинг-стратегий в выборке психологов широкого профиля включает в себя стрессоустойчивость, активность и избегание проблем, удовлетворенность жизнью и собой. Вероятно, испытуемым второй выборки свойственны как стрессоустойчивость, так и колебания уровня активности. При ее снижении студенты испытывают сомнения в собственных силах, что актуализирует стратегию ухода от проблем, позволяющую сохранить личностные ресурсы. Важным фактом является способность психологов широкого профиля в условиях пандемии COVID-19 сохранять удовлетворенность жизнью и собой.

Полученные нами данные будут интересны специалистам в области психологии личности, психологии экстремальных ситуаций, психологии стресса, педагогической психологии.

Список литературы

1. *Беляков Н.А., Рассохин В.В., Ястребова Е.Б.* Коронавирусная инфекция COVID-19 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.1spbgmu.ru> (дата обращения: 03.05.2020).
2. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] / С.Н. Ениколопов, О.М. Бойко, Т.И. Медведева и др. – URL: <https://psy.su/feed/8182> (дата обращения: 05.05.2020).
3. *Кисельникова Н.В., Сергоманов П.А.* Индивидуальные психологические рекомендации в условиях эпидемии COVID-19 [Электронный ресурс]. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2020).

4. *Кочуров М.Г.* Связь копинг-стратегий с локусом контроля // *Международ. науч.-исслед. журн.* – 2020. – № 1 (91), Ч. 2. – С. 40–43.
5. *Кузнецова А.Д.* Современные исследования копинг-стратегий в аспекте психологии труда // *Вестник ин-та мировых цивилизаций.* – 2018. – № 2 (19). – С. 96–99.
6. Пандемия COVID-19: психологические и этические последствия [Электронный ресурс]. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26248> (дата обращения: 07.05.2020).
7. Психодиагностика стресса / сост. Р.В. Куприянов, Ю.М. Кузьмина. – Казань: КНИТУ, 2012. – 212 с.
8. Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие: материалы V Международ. науч. конф. (г. Кострома, 26–28 сент. 2019 г.): в 2 т. / отв. ред. М.В. Сапоровская, Т.Л. Крюкова, С.А. Хазова. – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2019. – Т. 1. – 596 с.
9. *Рассказова Е.И., Гордеева Т.О.* Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы [Электронный ресурс] // *Психологические исследования: электрон. науч. журн.* – 2011. – № 3 (17). – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.05.2020).
10. Рекомендации психологов МГУ в условиях пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // *Научная Россия.* – URL: <https://scientificrussia.ru/articles/rekomendatsii-psihologov-mgu-v-usloviyah-pandemii-covid-19> (дата обращения: 02.05.2020).

РАЗДЕЛ 2. ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ

УДК 316.356.2-058.8

DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10104

Попова Татьяна Ананьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, (342) 239-65-75
e-mail: permtan@yandex.ru*

Беляевских Вероника Сергеевна

педагог-психолог

*Частное учреждение дошкольного образования
«Детский центр “Аистенок”», Пермь, Россия
614060, Пермь, Красновшерская, 39, (342) 255-40-30
e-mail veronika.suksun@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СУПРУГАМИ В ПЕРИОД БЕРЕМЕННОСТИ (НА ВЫБОРКАХ СЕМЕЙ С РАЗНЫМ ОПЫТОМ РОДИТЕЛЬСТВА)

Tatyana A. Popova

Ph. D., Associate Professor at Department of Developmental Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia
e-mail: permtan@yandex.ru*

Veronica S. Belyaewskiy

Educational Psychologist

*Private preschool institution "Aistenok Children's center"
39, Krasnovisherskaya, 614060, Perm, Russia
e-mail: veronika.suksun@gmail.com*

FEATURES OF RELATIONS BETWEEN SPOUSES DURING PREGNANCY (BASED ON SAMPLES OF FAMILIES WITH DIFFERENT EXPERIENCE OF PARENTHOOD)

Аннотация. Представлены результаты исследований супружеских отношений в семье в период ожидания ребенка. Выявлены особенности самооценки, доверительности общения и взаимопонимания между супругами

в процессе беременности. Обнаружено, что отношения и общение супругов меняются в динамике беременности. Представлены различные показатели супружеских отношений и общения во взаимооценках мужа и жены в разные trimestры беременности. Также выявлены различия показателей супружеских отношений между мужем и женой в семьях, имеющих разный опыт родительства.

Ключевые слова: супружеские отношения, опыт родительства, перинатальный период, trimestры беременности.

Abstract. The article presents the results of research on marital relations in the family while waiting a child. Features of self-esteem, trustfulness of communication and mutual understanding between spouses during pregnancy are revealed. It is found that the relationship and communication of spouses change in the dynamics of pregnancy. There are different indicators of marital relations and communication in the mutual evaluations of husband and wife in different trimesters of pregnancy. There are also differences in indicators of marital relations between husband and wife in families with different experience of parenthood.

Key words: marital relations, parenting experience, perinatal period, trimesters of pregnancy.

Беременность и рождение ребенка, особенно первого, – очень важный период в жизни семьи. Наступление беременности подразумевает конец существования женщины как независимого отдельного существа и начало отношений «мать – дитя» (В.И. Брутман, 1997; С.Ю. Мещерякова, 2000; Г.Г. Филиппова, 2002; Д.В. Винникот, 2004). Мужчина также приобретает новую роль отца, появляется триада отношений «мать – ребенок – отец» [6]. Вопросы формирования материнского отношения у беременной женщины довольно полно отражены в научной литературе [1, 2, 3, 4, 6, 15]. Психология отцовства, формирование отцовского отношения к ребенку приобретают все большую популярность в последнее время [9, 10]. Как складываются отношения между супругами в период беременности, когда через некоторое время появится новый член семьи, как готовятся к этому событию супруги, поддерживают ли они друг друга, задумываются ли о том, что к роли мужа и жены в скором времени добавится роль отца и матери, меняется ли что-то в супружеских отношениях, если в семье уже есть дети?

В исследованиях супружеских отношений, представленных в настоящее время, изучен широкий диапазон временных промежутков жизненного цикла семьи, связанных с нормативными и ненормативными кризисами, тогда как исследований супружеских отношений в перинатальный период, очень важный для дальнейшего развития семьи, существует недостаточно из-за сложностей, которые возникают на пути исследователя (сложность нахождения необходимой выборки в нужном количестве, согласие испытуемых и организация процедуры проведения исследования).

Широко известны психоаналитические исследования развития ребенка и супружеских отношений Ф. Дольто [5], изучение особенностей супружеских отношений в пренатальный и перинатальный периоды J. Belsky, M. Rovine [15], которые наблюдали супружеские пары с первого триместра беременности до 36 месяцев после рождения ребенка. Они выявили, что происходит снижение чувства любви и поддержки, увеличивается количество семейных конфликтов. Эти изменения сохраняются и после достижения ребенком одного года. В лонгитюдном исследовании отношений в течение беременности Э. Клувер, М. Джонсон выявили, что качество супружеских отношений снижается после рождения ребенка, но приходит к более высокому значению приблизительно между 15 месяцами и 4 годами жизни ребенка [Цит. по: 4].

Исследование S. Crohan [16] в трехлетнем лонгитюде изучения молодоженов показало, что удовлетворенность браком снизилась с момента заключения брака и у пар с детьми и без детей, но более выраженное снижение отмечалось у пар с детьми. В четырехлетнем исследовании L. Kurdek [17] также выявлено снижение удовлетворенности браком в таких семьях (различие проявилось только во времени и совместной активности супругов). Лонгитюдное исследование супружеских пар (молодоженов) до беременности, в период беременности и после рождения ребенка, проведенное E. Lawrence, K. Nylen, R.J. Cobb и др. [18] обнаружило сходные результаты, которые показали, что снижение удовлетворенности браком после рождения ребенка было выше, чем снижение от момента заключения брака до наступления беременности.

Однако не все супружеские пары демонстрируют ухудшение качества отношений с рождением ребенка. Другие зарубежные исследователи обнаружили, что факторами вариативности в изменениях супружеских отношений после рождения ребенка считаются: отношения с супругом(ой) до рождения ребенка (S. Crohan, 1996; K.C. Moller, P. Hwang, B. Wickberg, 2006; E. Lawrence, A.D. Rothman, R.J. Cobb, M.T. Rothman, T.N. Bradbury, 2008; B.D. Doss, G.K. Rhoades, S.M. Stanley, H.J. Markman, 2009); супружеский стаж (J. Belsky, M. Rovine, 1990); тип привязанности (C. Cowan, P. Cowan, 1995); социальная поддержка во время беременности и после рождения ребенка (E. Lawrence, A.D. Rothman, R.J. Cobb, M.T. Rothman, T.N. Bradbury, 2008; B.D. Doss, G.K. Rhoades, S.M. Stanley, H.J. Markman, 2009); незапланированность беременности, участие супруга в работе по дому и в заботе о ребенке (K.C. Moller, P. Hwang, B. Wickberg, 2006); рождение последующего ребенка (J. Belsky, M. Lang, M. Rovine, 1985); пол родителя (матери демонстрируют более резкое снижение удовлетворенности отношениями после рождения ребенка, чем отцы) (J. Belsky, M. Lang, M. Rovine, 1985) [Цит. по: 4].

Что касается отечественных исследований, посвященных изучению этой проблемы, то прежде всего необходимо сказать о работах С.С. Савенышевой [9, 10], которая выявила, что в период беременности женщины система супружеских отношений сходна в отношении к беременности и ребенку и различна в отношении к себе и супругу. Результаты ее исследования

показали, что мужчины оценивают выше собственную значимость, чем их оценивают их жены. Эмоциональная близость с ребенком для женщин в период беременности более значима, чем для мужчин. Выраженность различных установок на воспитание ребенка у мужчин значительно больше, чем у женщин, тогда как выраженность ожиданий в браке в различных сферах у женщин больше, чем у мужчин. Важно отметить, что высокая значимость ребенка и супруга(и) в период беременности у обоих супругов, как правило, наблюдается в ситуации большой эмоциональной дистанции с ребенком, а у женщин – в ситуации конфликта с ситуацией материнства. Во взаимосвязях установок на воспитание, параметров отношения к супругу, беременности и ребенку также обнаруживается сходство, заключающееся в большей выраженности различных установок на воспитание при высокой значимости беременности для супругов, тогда как с параметрами ролевых ожиданий и притязаний выявлено качественное отличие структур и связей и у мужчин, и у женщин. Также С.С. Савенышевой при исследовании удовлетворенности браком было выявлено, что женщины более старшего возраста и женщины с более высоким уровнем образования в большей степени удовлетворены отношениями с партнером [10].

Анализ взаимосвязей отношения к беременности и будущему ребенку и супружеских отношений показал наиболее тесные связи с параметром удовлетворенности браком. У женщин, в большей степени удовлетворенных браком, реже встречаются отклоняющиеся типы отношения к беременности и ребенку, им более свойственен адекватный тип переживания беременности, для них более значим ребенок, хотя при этом у них чаще встречается и эйфорический тип отношений к беременности. Эмоциональная близость с супругом также играет важную роль для позитивного отношения к ребенку: у женщин с эмоционально близкими отношениями с супругом чаще отмечается адекватный тип переживания беременности и эмоционально близкие отношения с ребенком. Значимость отношений с супругом у беременных женщин выявила обратную связь: при более значимых отношениях с супругом у женщины возрастает эмоциональная дистанция с ребенком [14].

В работах С.С. Савенышевой и И.С. Ковпак [7] было выявлено, что на формирование оптимальной гестационной доминанты оказывает положительное влияние длительность отношений супругов, в том числе и отношения до заключения брака. При более близких отношениях между супругами отмечаются близкие отношения между матерью и ребенком. Для женщин, проживающих в гражданском браке, более характерно формирование тревожной гестационной доминанты, что не выражено у женщин в официальном зарегистрированном браке. Кроме того, у женщин с оптимальной гестационной доминантой после рождения ребенок имел лучшие показатели (по шкале Апгар) и больший коэффициент развития в первые месяцы жизни. Большая выраженность тревожной или гипогестогнозической доминант свидетельствует о низких показателях по шкале Апгар. Также негативное влияние на развитие ребенка оказывает

восприятие конфликтных отношений в семье у женщины в период беременности.

В исследованиях И.В. Добрякова и Е.А. Бибиковой, изучающих особенности психологического компонента гестационной доминанты у женщин с различными типами семейной системы [1], было обнаружено, что беременные женщины с несбалансированным типом семейной системы чаще имеют отклоняющийся от оптимального варианта психологический компонент гестационной доминанты (ПКГД), тогда как у беременных со среднесбалансированным и сбалансированным типом семейной системы оптимальный тип ПКГД встречается чаще. При сбалансированном и среднесбалансированном типах женщины чаще считают, что беременность улучшила отношение к ним мужа, при несбалансированном типе семейной системы женщины чаще испытывают тревогу по поводу того, что муж стал относиться к ним хуже. Роды у женщин со сбалансированным типом семейной системы чаще, чем у женщин с несбалансированным типом, протекают нормально, а у женщин с несбалансированным типом чаще расцениваются как патологические.

Д.С. Корниенко и А.Г. Радостева [8], изучая личностные черты матерей с различным опытом материнства как предикторы типа психологической компоненты гестационной доминанты, установили, что тип ПКГД связан с нейротизмом, доброжелательностью и открытостью опыту. Авторами обнаружено, что чем менее адаптивным является тип ПКГД, тем в большей степени проявляются эмоциональная нестабильность и негативное взаимодействие с другими людьми. В целом статус женщины (с опытом материнства или без него) не оказывает значимого влияния на тип ПКГД.

М.Е. Блох [2], исследуя динамику супружеских отношений в течение беременности, выявила, что женщины во втором триместре беременности представляют себя независимыми, имеющими активную жизненную позицию, концентрированными на себе. Желаемый образ партнера – гибкий и компромиссный, при этом женщины опасаются критичности супругов, с подозрением ожидают их оценки. В то же время по отношению к семейной роли проявляют неудовлетворенность своей зависимостью, безучастностью мужа, ролью хозяйки, стремятся при этом привлечь мужа к совместной деятельности. Женщины в третьем триместре беременности, по исследованиям М.Е. Блох, описывают себя как беззащитных, зависимых, альтруистично настроенных, сконцентрированных на семье и будущем ребенке. Со стороны мужа видят недостаточную дружелюбность и поддержку, ждут от него компромиссных решений. При этом чем больше женщина проявляет альтруистические черты, тем больше ощущает самопожертвование и зависимость, тем чаще уклоняется от эмоциональных контактов с супругом.

Особый интерес представляет изучение особенностей супружеских отношений в перинатальный период в связи с опытом родительства. J. Belsky [15] провел лонгитюдное исследование, охватывающее период от начала беременности до достижения ребенком 1–3 лет, т.е. семьи без детей и с одним ребенком. Было выявлено снижение удовлетворенности отношениями после

рождения ребенка. У супружеских пар снижается количество позитивных событий во взаимоотношениях и возрастает количество супружеских конфликтов. В исследовании Е. Lawrence и др. [18] участвовали супружеские пары до беременности, в период беременности и после рождения ребенка. Было показано, что удовлетворенность браком снижается после рождения ребенка, по сравнению с супружескими парами без детей при сходном семейном стаже. Наиболее значимое снижение наблюдалось в период с конца беременности до 1 года после рождения ребенка.

И.С. Семяшкина [11], изучая психологические особенности отношений супругов в молодой семье с детьми и без детей, выявила следующие значимые различия: в семьях с детьми отношение женщин отличается большей доверительностью в общении, а также наличием общих символов в семье. Мужчины в этих семьях также ценят доверительность и взаимопонимание в отношениях. Женщины и мужчины удовлетворены своим браком в целом. У супругов без детей общение с супругом характеризуется легкостью и психотерапевтичностью. Однако удовлетворенность браком снижена. Ведущими ценностями в отношениях между супругами являются интимно-сексуальные отношения и внешняя привлекательность облика партнера.

В исследовании Т.А. Хабалашвили «Психологические особенности отношений в семейной системе без детей» [12] были изучены особенности структуры семей без детей и с детьми. Семьи с детьми были более сплочены, тогда как семейной системе без детей была присуща относительная взаимная дистанцированность супругов. Адаптация семей с детьми характеризовалась тремя ее разновидностями: в наибольшей мере хаотичным, а также гибким, в меньшей – структурным. В семейных системах без детей наблюдался хаотичный тип адаптации. В семьях без детей лидерские функции были либо разделены между супругами, либо принимались каждым из них попеременно и даже совместно. В них не было жестких, закреплённых по определенному признаку, функционально-ролевых предпочтений [13].

Однако в настоящий момент нет однозначных исследований, рассматривающих супружеские отношения и ожидания ребенка в зависимости от опыта родительства. В данной работе впервые изучается данная проблема, актуальность которой обозначена в обзоре теоретического анализа психологической литературы. Исходя из актуальности проблемы, мы сформулировали цель и задачи данного исследования. Основная цель заключалась в изучении особенностей супружеских взаимоотношений в семье, ждущей первого или второго ребенка.

Объектом исследования стали отношения между супругами в период беременности жены, а *предметом* – особенности супружеских отношений в семьях, имеющих разный опыт родительства.

Цель исследования заключалась в выявлении различий во взаимоотношениях супругов во время ожидания ребенка, динамики супружеских отношений в различные триместры беременности, а также отношений супругов в семьях с разным опытом родительства (имеющих детей и ждущих первенца).

Задачи исследования:

1. Исследовать особенности супружеских отношений в период беременности (вся выборка).
2. Исследовать особенности супружеских отношений в период беременности (по триместрам).
3. Исследовать особенности отношений супругов с разным опытом родительства в период беременности.
4. Изучить показатели супружеских отношений по триместрам беременности (в выборке мужей).
5. Изучить показатели супружеских отношений по триместрам беременности (в выборке жен).

Гипотезы исследования:

1. Существуют различия показателей супружеских отношений и общения в семье во взаимных оценках мужа и жены (в период ее беременности).
2. Существуют различия показателей супружеских отношений и общения в семьях, ожидающих первого и второго ребенка.
3. Показатели супружеских отношений и общения в семье различны в разные триместры беременности жены.

Организация исследования

Для проверки гипотез и решения задач исследования использовался следующий психологический инструментарий: тест «Методика диагностики супружеских отношений» (В.П. Левкович, О.Э. Зуськова), опросник «Общение в семье» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская), опросник «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES-3) (Д.Х. Олсон, Дж. Портнер и И. Лави в адаптации Э.Г. Эйдемиллера, И.В. Добрякова, И.Н. Никольской).

В исследовании приняли участие 50 супружеских пар (100 человек в возрасте от 20 до 43 лет). Средний возраст мужчин $29,4 \pm 4,8$ лет. Средний возраст женщин $27,7 \pm 5,1$. Двенадцать супружеских пар исследовались в первом триместре беременности супруги, 14 пар – во втором триместре и 24 пары – в третьем триместре беременности. Из них 14 пар – супруги, ожидающие первого ребенка, 36 пар – второго ребенка. Диагностика проводилась на базе ГБУЗ ПК «Городская клиническая поликлиника № 4» (подразделение «Женская консультация № 1») и в Центре рождения «Школа успешной беременности» г. Перми. Участникам исследования был выдан пакет методик, проведен устный инструктаж по заполнению бланков.

Эмпирические данные были обработаны методами математической статистики: критерий знаковых рангов Уилкоксона и *U*-критерий Манна – Уитни. Статистическая обработка выполнена в программе Statistika 10.0.

Обсуждение результатов

Результаты сравнительного анализа показателей (*по критерию знаков для зависимых переменных*) супружеских отношений в мужской и женской выборках (таблица) свидетельствуют о том, что по шкале «защита Я-концепции» оценка жен самими себя выше, чем оценка себя мужьями ($p \leq 0,01$; $z = 2,69$), ожидания жен по поводу мужей также выше по сравнению с ожиданиями мужей по поводу жен ($p \leq 0,01$; $z = 2,76$).

Сравнение показателей супружеских отношений в мужской и женской выборках (по критерию знаков для зависимых переменных)

Методика		Переменные (Муж)	Переменные (жена)	No. Of Non-ties	v < V, %	Z	p-value	
«Методика диагностики супружеских отношений» Левкович В. П., Зуськова О. Э.	Роли	Оценка жены мужем	Оценка мужа женой	47	44,68	0,58	0,560	не значимо
		Самооценка мужа	Самооценка жены	43	62,79	1,52	0,127	не значимо
		Ожидания мужа по поводу жены	Ожидания жены по поводу мужа	47	63,83	1,75	0,080	не значимо
		Индекс симметрии	Индекс симметрии	0				не значимо
	Защита Я-концепции	Оценка жены мужем	Оценка мужа женой	45	55,56	0,60	0,551	не значимо
		Самооценка мужа	Самооценка жены	40	72,50	2,69	0,007	**
		Ожидания мужа по поводу жены	Ожидания жены по поводу мужа	38	73,68	2,76	0,006	**
		Индекс симметрии	Индекс симметрии	0				не значимо
	Уровень моральной мотивации	Оценка жены мужем	Оценка мужа женой	39	51,28	0,00	1,000	не значимо
		Самооценка мужа	Самооценка жены	39	66,67	1,92	0,055	не значимо
		Индекс симметрии	Индекс симметрии	0				не значимо
	Частота конфликтов	Оценка жены мужем	Оценка мужа женой	27	48,15	0,00	1,000	не значимо
		Ожидания мужа по поводу жены	Ожидания жены по поводу мужа	29	31,03	1,86	0,063	не значимо
		Индекс симметрии	Индекс симметрии	0				не значимо
	Способы разрешения конфликтов	Оценка жены мужем	Оценка мужа женой	36	38,89	1,17	0,243	не значимо
		Самооценка мужа	Самооценка жены	44	52,27	0,15	0,880	не значимо
		Ожидания мужа по поводу жены	Ожидания жены по поводу мужа	36	50,00	-0,17	0,868	не значимо
		Индекс симметрии	Индекс симметрии	0				не значимо
Опросник «Общение в семье» Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М.	Доверит(себе).	Доверит(себе).	38	55,26	0,49	0,626	не значимо	
	Доверит(супругу)	Доверит(супругу)	44	20,45	3,77	0,000	***	
	Взаимоп(себе)	Взаимоп(себе)	35	60,00	1,01	0,310	не значимо	
	Взаимоп(супругу)	Взаимоп(супругу)	42	30,95	2,31	0,021	*	
	Сходство	Сходство	31	54,84	0,36	0,719	не значимо	
	Символы	Символы	37	43,24	0,66	0,511	не значимо	
	Легкость	Легкость	38	55,26	0,49	0,626	не значимо	
	Психотерапевтичность	Психотерапевтичность	35	42,86	0,68	0,499	не значимо	
Опросник "Шкала семейной адаптации и сплоченности"	Сплоченность	Сплоченность	38	55,26	0,49	0,626	не значимо	
	Адаптация	Адаптация	42	61,90	1,39	0,165	не значимо	

Примечание: условные обозначения: * $v < V$ (%): v – % в мужской выборке; V – % в женской выборке.

Предположительно, беременность повышает самооценку женщины, в то же время ее ожидания по поводу мужа во время беременности выше, чем его ожидания по поводу жены. Показатель «доверительность общения» выше у мужчин, мужья более доверительны к своим женам ($p \leq 0,001$; $z = 3,77$). Со стороны мужчин показатель «взаимопонимание между супругами» также выше, чем у женщин ($p \leq 0,05$; $z = 2,31$). Вероятно, беременность жены требует от супруга больше внимания и доверия, определяемых социальными нормами и установками на беременность.

Сравнение показателей супружеских отношений в мужской и женской выборках в первом триместре беременности женщин выявило значимое различие по шкале «защита Я-концепции». Самооценка жены значительно выше самооценки мужа ($p \leq 0,05$; $z = 2,41$). Почему это происходит? Мы предполагаем, что сам факт беременности перестраивает психику будущей матери. Ожидание новой социальной роли, изменений в жизни, мотивационно-потребностной сферы, привычного жизненного уклада, формирование новых установок, понимание самого факта, что женщина рождает новую жизнь, значительно повышают ее самооценку.

Сравнительный анализ показателей супружеских отношений в мужской и женской выборках во втором триместре беременности жены показал только

одно значимое различие. Результаты сравнения говорят о том, что во втором триместре мужчины оценивают женщин выше по шкале «способы разрешения конфликтов», чем женщины – мужчин ($p \leq 0,05$; $z = 2,21$). Мы предполагаем, что мужчины уверены, что их беременные жены более успешно разрешают супружеские конфликты, стремясь сохранять и стабилизировать собственные эмоции.

Результаты сравнительного анализа показателей супружеских отношений в мужской и женской выборках в третьем триместре беременности показали, что мужья оценивают жен выше по шкале «доверительность общения», чем жены – мужей. По мнению мужей, жены более доверительны ($p \leq 0,001$; $z = 3,62$). По шкале «взаимопонимание между супругами» мужчины оценивают женщин выше ($p \leq 0,01$; $z = 2,91$). Вероятно, приближение срока рождения ребенка, по мнению мужчин, формирует более высокую степень взаимопонимания и доверия жен к ним.

Рассмотрим далее результаты сравнительного анализа показателей супружеских отношений и общения в семье в мужской и женской выборках в связи с опытом родительства. Анализ результатов показателей супружеских отношений и общения в семье, ожидающей первого ребенка, (по критерию знаков для зависимых переменных) в мужской и женской выборках показал, что по шкале «защита Я-концепции» оценка беременными женщинами самих себя выше, чем оценка себя мужьями ($p \leq 0,01$; $z = 2,97$), ожидания жен по поводу мужей также выше по сравнению с ожиданиями мужей по поводу жен ($p \leq 0,05$; $z = 2,40$). Показатель «доверительность общения» выше у мужчин, мужчины больше доверяют своим женам ($p \leq 0,01$; $z = 2,79$). Данный факт можно объяснить тем, что, возможно, беременность повышает самооценку женщины, ожидания женщины по поводу мужа становятся выше. Мужья более доверительны со своими женами, так как беременность, в связи с принятыми в обществе установками, подразумевает оберегать и поддерживать во всем беременную жену.

Результаты анализа показателей супружеских отношений и общения в семье, ожидающей второго ребенка, в мужской и женской выборках показали, что женщины оценивают себя выше по шкале «уровень моральной мотивации», чем мужчины ($p \leq 0,01$; $z = 2,67$). Вероятно, это связано с тем, что у женщин повышается уровень самоконтроля, удовлетворенность браком, чувство ответственности за себя, за детей и за будущее их семьи. Показатель «доверительность общения» выше у мужчин, также как в сравнении мужской и женской выборок при ожидании первого ребенка мужчины больше доверяют своим женам ($p \leq 0,05$; $z = 2,00$), они заботятся, оберегают и поддерживают на всем протяжении беременности жены.

При сравнении показателей по *U*-критерию Манна – Уитни (для независимых переменных) супружеских отношений и общения в семьях, ждущих первого или второго ребенка, выявлены следующие различия: значение по шкале «доверительность общения» в оценке мужчинами собственных жен, ожидающих первенца, выше, чем у мужчин, в семье которых уже есть ребенок ($p \leq 0,05$; $z = 2,42$). Значение по шкале «символы» выше

у мужчин, ждущих первого ребенка, чем у мужчин, в семье которых уже есть ребенок ($p \leq 0,05$; $z = 2,48$), что говорит о снижении символического «семейного языка» с появлением детей [12]. Чем объяснить эти факты? Мы предполагаем, что совместный опыт ухода за маленьким ребенком формирует определенные стереотипы взаимодействия супругов, они становятся сами собой разумеющимися, привычными, не акцентируемыми супругом, как это происходит в процессе ожидания первого ребенка.

В результате сравнения показателей супружеских отношений и общения в семье в выборках жен (ожидание первого и второго ребенка) наблюдается различие в доверительности общения женщин по отношению к себе (значения по шкале «доверительность общения» ($p \leq 0,05$; $z = 2,03$). Что это может означать? Чем объяснить данные особенности? Мы полагаем, что рождение и воспитание первого ребенка сформировало определенный опыт и понимание женщиной того, что полагаться на себя и доверять только себе недостаточно, необходима помощь, поддержка мужа и других людей в трудный период вскармливания и ухода за ребенком, особенно в первый год жизни.

Рассмотрим далее результаты анализа показателей супружеских отношений в мужской выборке на разных сроках беременности женщин. В сравнении показателей супружеских отношений, общения в семье, семейной адаптации и сплоченности (по U -критерию Манна – Уитни для независимых переменных) в выборках мужчин, чьи жены находятся в первом, втором и третьем триместрах беременности, выявлено следующее: по шкале «доверительность общения» в первом триместре беременности жены значение показателя выше, чем во втором триместре ($p \leq 0,05$; $z = 2,07$). Также в первом триместре значение по шкале «сходство во взглядах супругов» по сравнению со вторым триместром выше ($p \leq 0,05$; $z = 2,37$). В первом триместре значение показателя по шкале «символы» выше, чем во втором ($p \leq 0,05$; $z = 2,30$). Следовательно, в первом триместре больше оснований говорить о существовании «семейного языка».

По результатам сравнительного анализа показателей супружеских отношений мужей (первый и третий триместры беременности жены) значение по шкале «символы» в третьем триместре меньше, чем в первом ($p \leq 0,01$; $z = 2,97$). Значение по шкалам «сплоченность» ($p \leq 0,05$; $z = -2,21$) и «адаптация» ($p \leq 0,01$; $z = -2,96$) возрастает к третьему триместру. Результаты сравнительного анализа показателей супружеских отношений мужей (второй и третий триместры беременности жены) не выявили значимых различий.

Далее мы сравнивали изучаемые показатели супружеских отношений, общения в семье, семейной адаптации и сплоченности в выборках женщин, находящихся в первом, втором и третьем триместрах беременности. Было обнаружено, что в первом и втором триместре беременности значение по шкале «сходство во взглядах супругов» в первом триместре у женщин выше, чем во втором ($p \leq 0,01$; $z = 2,62$). Также в первом триместре значение показателя по шкале «символы» выше, чем во втором ($p \leq 0,05$; $z = 3,03$). Значения по этим двум шкалам сходятся у мужчин и у женщин при сравнении показателей в первом и втором триместрах беременности женщин.

Выяснилось, что в первом триместре по шкале «роли» жены оценивают своих мужей выше, чем в третьем триместре ($p \leq 0,05$; $z = 2,15$). Ожидания жен по шкале «частота конфликтов» также выше в первом триместре ($p \leq 0,01$; $z = 2,59$). Ожидания жен по поводу мужей по шкале «способы разрешения конфликтов» в первом триместре ниже, чем в третьем ($p \leq 0,05$; $z = -2,30$). Значение показателя по шкале «символы» выше, чем в третьем ($p \leq 0,01$; $z = 3,23$). Значение по шкале «адаптация» повышается к третьему триместру ($p \leq 0,05$; $z = -2,02$). В результате сравнения выраженности показателей у женщин во втором и третьем триместре беременности наблюдается значимое различие по шкале «адаптация», в третьем триместре значение выше, чем во втором ($p \leq 0,01$; $z = -2,61$).

Заключение

Таким образом, задачи, поставленные в исследования, были решены. На основании результатов исследования сделаны следующие выводы.

1. Выявлены различия показателей супружеских отношений и общения в семье по шкале «защита Я-концепции»: самооценка жены и ожиданий жены по отношению к мужу выше, чем у мужа по отношению к жене. В семьях, ждущих второго ребенка, жены оценивают себя выше по шкале «уровень моральной мотивации», чем мужья.

2. Обнаружено, что показатели «доверительность общения в семье» и «взаимопонимание между супругами» выше у мужа, чем у жены. Показатель «доверительность общения» выше у мужчин, ожидающих как первого, так и второго ребенка. Мужчины больше доверяют своим женам, оберегают и поддерживают их на всем протяжении беременности.

3. В семьях, ждущих второго ребенка, у жен выше, чем у мужей, показатель «уровень моральной мотивации», но ниже показатель «доверительность общения». У женщин, ждущих второго ребенка, показатель «доверительность общения» ниже, чем у женщин, ждущих первого ребенка.

4. Показатель «доверительность мужа к жене» (в выборке мужей) снижается во втором триместре (по сравнению с первым). Ко второму триместру в обеих выборках уменьшается показатель «сходство во взглядах супругов», снижается символический «семейный язык» по сравнению с первым триместром беременности. Исчезает новизна ситуации беременности, происходит привыкание к ожиданию новой социальной роли и будущего ребенка.

5. К третьему триместру и у мужчин и у женщин (по сравнению с первым триместром) снижается символический «семейный язык», но повышается показатель семейной адаптации. У мужчин повышается показатель сплоченности как предиктор ответственности за жизнь и здоровье жены и будущего ребенка.

6. В выборках беременных женщин (к третьему триместру по сравнению с первым) снижается ролевая значимость супруга, снижается частота конфликтов и повышается показатель «способы разрешения конфликтов в семье».

7. К третьему триместру у мужчин (по сравнению со вторым триместром) значимых различий не выявлено. В выборке женщин к третьему триместру (по сравнению со вторым) повышается показатель семейной адаптации.

Список литературы

1. Бибикова Е.А., Добряков И.В. Особенности психологического компонента гестационной доминанты у женщин с различными типами сбалансированности семейной системы // Медицинская психология, психиатрия, психотерапия. – 2012. – № 4(45). – С. 56–60.
2. Блох М.Е. Динамика супружеских отношений в течение беременности // Репродуктивное здоровье семьи в перинатальной психологии: материалы междунар. науч.-практ. конф. – СПб, 2013. – С. 37–41.
3. Голубых А.И., Савеньшиева С.С. Эмоциональные особенности беременных женщин и их отношение к будущему ребенку и супругу // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. – 2014. – Т. 2. – С. 72–78.
4. Добряков И.В. Перинатальная психология. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – 234 с.
5. Дольто Ф. На стороне ребенка. – Екатеринбург: Рама Паблишинг, 1998.
6. Коваленко Н.П. Перинатальная психология. – СПб., 2000.
7. Ковпак И.С., Савеньшиева С.С. Отношение к супругу и ребенку у беременных женщин и последующее психическое развитие младенца // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. – 2014. – Т. 2. – С. 135–141.
8. Корниенко Д.С., Радостева А.Г. Личностные черты как предикторы типа психологической компоненты гестационной доминанты в связи с опытом материнства // Вестник Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2018. – Вып. 3. – С. 393–405.
9. Савеньшиева С.С. Особенности супружеских отношений и отношения к будущему ребенку в период беременности // Вестник СПбГУ. Сер. 12. – 2010. – № 4. – С. 106–112.
10. Савеньшиева С.С. Удовлетворенность браком и отношение к беременности и ребенку у беременных женщин // Проблемы современного педагогического образования. – 2016. – № 53-11. – С. 239–246.
11. Семяшкина И.С. Психологические особенности отношений супругов в молодой семье с детьми и без детей // Педагогический опыт: теория, методика, практика: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 22 янв. 2017 г.). В 2 т. Т. 2 / ред. кол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 247–249.
12. Хабалашвили Т.А. Психологические особенности отношений в семейной системе без детей: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – М., 2009. – 128 с.
13. Шамилова Н.В. Психологические причины нарушения адаптации к беременности и материнству // Проблемы современного педагогического образования. – 2016. – № 50 (2). – С. 226–232.

14. *Шишкина Т.В.* Психологические особенности периода беременности и подготовки к родам как одного из этапов организации жизненного пути женщины // Психология и педагогика в Крыму: пути развития / АНО «Крым. многофункционал. патриот. и реабилитацион. центр “Новая Альтернатива”». – Феодосия, 2018. – С. 43–49.

15. *Belsky J., Rovine M.* Patterns of marital change across the transition to parenthood: Pregnancy to three years postpartum // Journal of Marriage and the Family. – 1990. – Vol. 52. – P. 5–19.

16. *Crohan S.* Marital quality and conflict across the transition to parenthood in African American and White couples // Journal of marriage and the family. – 1996. – Vol. 58 (4). – P. 933–944.

17. *Kurdek L.* Nature and prediction of changes in marital quality for first-time parent and nonparent husbands and wives // Journal of family psychology. – 1993. – Vol. 6 (3). – P. 255–265.

18. Marital Satisfaction Across the Transition to Parenthood / E. Lawrence, A.D. Rothman, R. Cobb et al. // Journal of Family Psychology. – 2008. – Vol. 22 (1). – P. 41–50.

УДК 316.346.2-055.2:159.9.072.59

DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10105

Радостева Анна Геннадьевна

старший преподаватель кафедры педагогики и психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Сибирская, 24, (342) 215-18-76 (доб. 418)
e-mail: batagen@gmail.com*

УРОВЕНЬ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ ЖЕНЩИН ПРИ СОВМЕСТНОМ ВЛИЯНИИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ И ОПЫТА МАТЕРИНСТВА

Anna G. Radosteva

Senior Lectural, Department of Pedagogical and Psychological Sciences

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaya, 614990, Perm, Russia
e-mail: batagen@gmail.com*

THE LEVEL OF WOMEN'S SUBJECTIVE CONTROL UNDER JOINT INFLUENCE OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS AND EXPERIENCE OF MOTHERHOOD

Аннотация. Описываются особенности и различия в уровнях субъективного контроля у женщин при совместном влиянии разного опыта материнства и ряда социально-психологических факторов.

Ключевые слова: опыт материнства, родительство, локус контроля, интернальность, экстернальность.

Abstract. The article describes the features and differences in the levels of subjective control in women under the combined influence of different experiences of motherhood and a number of socio-psychological factors.

Key words: experience of motherhood, parenting, locus of control, internality, externality.

Материнство – одна из основных женских ролей. Общественные нормы и ценности, культура и традиции, социальные требования и воспитание – все это оказывает определенное влияние на формирование материнского отношения. Находясь под влиянием времени и социального контекста, материнские установки постоянно претерпевают изменения, а вместе с ними меняется и личность женщины.

С помощью методики «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера (в адаптации Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, Л.М. Эткинда) нами были изучены показатели локуса контроля женщин с разным опытом материнства: беременные, имеющие и не имеющие детей. Всего 590 испытуемых в возрасте от 18 до 45 лет.

С помощью двухфакторного дисперсионного анализа изучалось совместное влияние ряда социально-психологических факторов в сочетании с опытом материнства.

В качестве социально-психологических факторов были рассмотрены:

- семейное положение: замужем, не замужем, сожительствует;
- стаж брачных отношений (для женщин, состоящих в зарегистрированном браке): до 5 лет, 5–10 лет, более 10 лет;
- образование: имеющие и не имеющие высшее образование;
- трудоустроенность: трудоустроена или не трудоустроена;
- место жительства: в центре или в агломерации;
- условия проживания: отдельно или с родителями;
- состав семьи, в которой воспитывалась женщина: полная или неполная;
- наличие сиблингов у испытуемой: единственный ребенок в семье, старшая или младшая.

В ходе анализа рассматривались и сопоставлялись значения показателей по каждой переменной при разных уровнях социально-психологических факторов и опыта материнства.

Исследовались значения каждой переменной при разных комбинациях независимых факторов. Вывод о совместном влиянии факторов делался в том случае, когда один фактор «вмешивался» во влияние другого фактора на показатели опросника и изменял направление этого влияния.

Из всех проанализированных показателей были обнаружены следующие совместные влияния социально-психологических факторов и опыта материнства:

1. Совместное влияние (взаимодействие) факторов семейного положения и опыта материнства обнаружили пять показателей:

- Общая интернальность ($p < 0,07$) – женщины, не имеющие детей и состоящие в браке, имеют значимые различия с группами женщин, не имеющих детей, в браке не состоящих и сожительствующих, а также с беременными женщинами, состоящими в браке и сожительствующими. Не имеющие детей женщины, находящиеся в сожительстве, значительно отличаются от групп имеющих и не имеющих детей замужних женщин, а также от беременных женщин, не состоящих в браке.

- Интернальность в области достижений ($p < 0,07$) – замужние женщины, не имеющие детей, демонстрируют более низкие показатели интернальности в области достижений, в сравнении с незамужними и состоящими в сожительстве женщинами, не имеющими детей, а также в сравнении с беременными замужними и состоящими в сожительстве женщинами. Незамужние имеющие детей женщины демонстрируют значимые различия с не имеющими детей и беременными женщинами, находящимися в сожительстве.

- Интернальность в семейных отношениях ($p < 0,7$) – все группы испытуемых имеют интернальный уровень семейных отношений. Беременные женщины, состоящие в браке, значительно отличаются от не состоящих в браке женщин, не имеющих детей, демонстрируя более высокие показатели.

- Интернальность в межличностных отношениях ($p < 0,07$) – все группы испытуемых имеют интернальный уровень межличностных отношений. Беременные замужние женщины значительно отличаются от беременных незамужних и не имеющих детей замужних женщин. Имеющие детей замужние женщины значительно отличаются от незамужних беременных и не имеющих детей женщин. Имеющие детей незамужние женщины отличаются от не имеющих детей замужних женщин.

- Интернальность в отношениях здоровья и болезни ($p < 0,3$) – замужние женщины с детьми имеют значимые различия с женщинами, имеющими и не имеющими детей и проживающими в сожительстве, и с незамужними не имеющими детей женщинами.

По показателям «интернальность в области неудач», «интернальность в области производственных отношений» различия не были обнаружены.

На основе полученных различий можно сделать следующие выводы:

1. Не имеющие детей и не состоящие в официальном браке (незамужние или сожительствующие) женщины демонстрируют себя как более независимые, имеющие большее ощущение свободы и самостоятельности. Поскольку данная категория испытуемых более свободна в определении круга своего общения, интересов, планировании времени и досуга, то это способствует формированию ощущения самостоятельности.

2. Замужние женщины без детей ощущают себя более нерешительными, неуверенными, зависимыми от обстоятельств или других людей, склонны относить свои успехи и достижения к случаю или содействию других людей. Готовы брать на себя ответственность за установление межличностных отношений, но ожидая при этом ответных действий от окружающих.

3. Беременные женщины, не состоящие в браке, склонны рассчитывать на собственные силы в достижении успехов, планировании своей жизни и не испытывают существенного влияния своих знакомых или коллег. Данная группа испытуемых, имеющая меньшее количество опор в личной жизни (отсутствие супруга и фактического существования ребенка), в большей степени полагается на собственные ресурсы, в том числе и в производственной сфере. Тем не менее данная категория испытуемых обнаруживает некоторую несамостоятельность и неуверенность в собственных ресурсах.

4. Беременные женщины, состоящие в зарегистрированном или незарегистрированном браке, ощущают относительную свободу в принятии своих решений, в достижении целей рассчитывают на собственные силы, готовы брать на себя ответственность за установление межличностных отношений, но при этом все же рассчитывают на обратную связь и поддержку. В семейных отношениях замужние беременные женщины склонны брать на себя ответственность за внутрисемейные события.

5. Замужние и незамужние женщины, имеющие детей, демонстрируют наибольшую ответственность в межличностных отношениях. При этом замужние женщины, имеющие детей, в случае необходимости предпочитают обращаться за квалифицированной медицинской помощью. Для незамужних женщин, имеющих детей, характерно приписывание своих успехов обстоятельствам и сторонним влияниям.

6. Результаты анализа по переменной «интернальность в межличностных отношениях» свидетельствуют о том, что: во-первых, все группы испытуемых имеют интернальный уровень межличностных отношений, т.е. принимают на себя ответственность за построение межличностных отношений с окружающими. Во-вторых, находясь в зоне интернальности, наиболее выраженное значение по данному показателю имеют незамужние женщины с детьми. А наименьшее значение по данному показателю демонстрирует группа беременных незамужних женщин. Данная группа испытуемых имеет значимое различие с беременными или имеющими детей и состоящими в браке женщинами. На основе данных различий можно предположить, что в данном показателе решающим является фактор «наличие ребенка». Его присутствие или ожидание может стимулировать женщину как к установлению взаимоотношений с самим ребенком, так и к принятию позиции посредника между ребенком и другими членами семьи в установлении контакта и развитии межличностных отношений. Беременные незамужние женщины имеют меньшее значение интернальности в межличностных отношениях, поскольку отсутствуют объекты стимуляции.

В работе П.М. Хозяиновой, З.И. Рябикиной были получены данные, сообщающие о том, что у женщин в неполных семьях (т.е. незамужние женщины, имеющие детей) выше показатели экстернальности, т.е. они чаще склонны приписывать ответственность за события, происходящие в их жизни, другим людям или считать их результатом случая, тогда как женщины в полных семьях (замужние женщины, имеющие детей) проявляют большую интернальность по отношению к событиям и ситуациям в жизни [3], что не вполне согласуется с полученными нами данными. Стоит отметить, что в работе П.М. Хозяиновой учитывался лишь один фактор – семейное положение женщины как влияющий на уровень субъективного контроля. Таким образом, можно предположить, что чем больше семейных связей имеет женщина, тем выше ее зависимость от этих взаимоотношений. Тем большую ответственность она берет за установление и поддержание межличностных взаимоотношений и тем больше ориентирована на мнение окружающих людей, склонна к разделению или передаче ответственности.

II. Совместное влияние (взаимодействие) факторов стажа брачных отношений и опыта материнства обнаружили четыре показателя:

- Общая интернальность ($p < 0,3$) – беременные женщины со стажем брачных отношений более 10 лет значительно отличаются от имеющих и не имеющих детей женщин, состоящих в браке менее 5 лет.

- Интернальность в области достижений ($p < 0,5$) – женщины, не имеющие детей, состоящие в браке менее 5 лет, значимо отличаются от беременных женщин, чей стаж брачных отношений – менее 5 лет или более 10 лет.

- Интернальность в межличностных отношениях ($p < 0,02$) – беременные женщины со стажем брачных отношений менее 5 лет значимо отличаются от беременных женщин со стажем брачных отношений более 10 лет, а также от женщин, имеющих детей и состоящих в браке менее 5 лет. Не имеющие детей женщины, состоящие в браке менее 5 лет, значимо отличаются от беременных женщин со стажем 5–10 лет и более 10 лет брачных отношений и от женщин, имеющих детей, со стажем брачных отношений менее 5 лет.

- Интернальность в отношениях здоровья и болезни ($p < 0,7$) – женщины, имеющие детей, чей брачный стаж составляет от 5 до 10 лет, значимо отличаются от беременных женщин со стажем брачных отношений более 10 лет.

По показателям «интернальность в области неудач», «интернальность в производственных отношениях», «интернальность в семейных отношениях» значимых различий обнаружено не было.

В данном случае представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Беременные женщины, имеющие стаж брачных отношений более 10 лет, показали наибольшее количество значимых различий с другими группами испытуемых. Данной группе испытуемых соответствует высокий уровень субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями. Такие женщины считают, что большинство важных событий в их жизни является результатом их собственных действий, что они могут ими управлять. Таким образом, они чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом.

В группе беременных женщин стаж брачных отношений вносит существенный вклад в ощущение собственного достоинства, самоуважения, развитие чувства субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, формирование социальной зрелости и самостоятельности, в принятии на себя ответственности за установление межличностных отношений и в отношении здоровья.

2. В группе женщин, имеющих детей, стоит отметить тех, чей стаж брачных отношений менее 5 лет, как менее контролирующих развитие событий, полагающихся на действия других людей, в том числе в установлении и поддержании межличностных взаимодействий (в сравнении с беременными женщинами).

3. Среди женщин, не имеющих детей, отличной группой явилась та, чей стаж брачных отношений не достигает 5 лет, продемонстрировав более низкий уровень ответственности в отношении значимых событий, достижений и меньшее стремление к самостоятельности в установлении контактов.

III. Совместное влияние (взаимодействие) факторов уровня образования и опыта материнства обнаружили три показателя:

- Интернальность в семейных отношениях ($p < 0,2$) – беременные женщины, имеющие высшее образование, значимо отличаются от бездетных,

имеющих высшее образование женщин и не имеющих высшего образования беременных и имеющих детей женщин.

- Интернальность в межличностных отношениях ($p < 0,4$) – обнаружено одно значимое различие между женщинами, не имеющими высшего образования, с разным опытом материнства: имеющие и не имеющие детей.

- Интернальность в отношении здоровья и болезней ($p < 0,02$) – беременные женщины, не имеющие высшего образования, значимо отличаются от имеющих высшее образование беременных женщин, а также от бездетных женщин с разным уровнем образования; женщины, имеющие детей и высшее образование, значимо отличаются от беременных женщин с высшим образованием и бездетных женщин, не имеющих высшего образования.

По показателям «общая интернальность», «интернальность в области достижений», «интернальность в области неудач», «интернальность в области производственных отношений» различий обнаружено не было.

На основе полученных различий можно сделать следующие выводы:

1. Беременные женщины, имеющие высшее образование, демонстрируют большую ответственность за свое здоровье, чем не имеющие высшего образования беременные женщины, и более интернальны в отношении событий, происходящих в семейной жизни, чем беременные или имеющие детей женщины без высшего образования, и не имеющие детей, но имеющие высшее образование женщины.

В исследовании Л.Г. Бузуновой было обнаружено, что женщины с высшим образованием осуществляют интернальный уровень субъективного контроля в семейных отношениях, в отличие от женщин со средним образованием со свойственным им экстернальным уровнем контроля [1].

2. Беременные женщины, не имеющие высшего образования, более экстернальны в вопросах своего здоровья, т.е. больше ориентированы на мнение врачей, чем не имеющие детей женщин с разным уровнем образования.

3. Женщины, не имеющие ни детей, ни высшего образования, в большей степени перекладывают ответственность на окружающих за установление межличностных отношений, чем женщины, не имеющие высшего образования, но имеющие детей, но более интернальны в вопросах собственного здоровья, чем женщины, имеющие детей и высшее образование.

IV. Совместное влияние (взаимодействие) факторов трудоустроенности и опыта материнства обнаружили три показателя:

- Общая интернальность ($p < 0,19$) – обнаружены значимые различия группы безработных женщин, имеющих детей, с группами работающих беременных и имеющих детей женщин и с группами не имеющих детей безработных женщин.

- Интернальность в области достижений ($p < 0,19$) – безработные женщины, имеющие детей, и работающие, не имеющие детей женщины значимо отличаются от безработных, не имеющих детей, и работающих беременных женщин.

- Интернальность в межличностных отношениях ($p < 0,5$) – безработные женщины, не имеющие детей, значимо отличаются от имеющих детей работающих женщин.

По показателям «интернальность в области неудач», «интернальность в области производственных отношений», «интернальность в семейных отношениях», «интернальность в отношении здоровья и болезней» различий обнаружено не было.

В результате полученных различий обнаружено, что:

1. По показателю общей интернальности все подгруппы испытуемых продемонстрировали экстернальный уровень, т.е. испытуемые не видят связи между своими действиями и значимыми для них событиями их жизни, не считают себя способными контролировать их развитие и полагают, что большинство их является результатом случая или действия других людей. При этом максимально экстернальной оказалась группа безработных женщин, имеющих детей.

2. В области межличностных отношений и достижений все подгруппы испытуемых демонстрируют интернальный уровень. При этом работающие женщины, имеющие детей, демонстрируют самый высокий уровень ответственности за установление межличностных отношений. Можно предположить, что чем больше личных отношений (семейных и профессиональных) имеет женщина, тем с большей ответственностью она подходит к установлению взаимодействия. Данное предположение подкрепляется значимым отличием данной подгруппы от безработных и не имеющих детей женщин, демонстрирующих самый низкий уровень по данному показателю. Тогда как по показателю интернальности в области достижений группа безработных, не имеющих детей женщин, напротив, имеет наиболее высокий уровень субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями. То есть считают, что они сами добились всего, что было и есть в их жизни, и что они способны с успехом добиваться своего в будущем.

В исследовании Д.А. Закировой и М.В. Даниловой описаны согласующиеся с нашими данные, сообщающие о том, что общая и частная удовлетворенность трудом тесно связана с интернальностью в межличностных отношениях и в отношении достижений: при удовлетворении трудовой деятельностью данные показатели выше. Кроме того, было обнаружено, что более высокой общей и профессиональной интернальностью обладают женщины в период ранней взрослости (в нашей выборке это соответствует выборке безработных, не имеющих детей женщин). Также была подтверждена гипотеза о том, что высокий показатель специфического профессионального уровня субъективного контроля теснее связан с удовлетворенностью трудом, чем общий уровень интернальности [2].

V. Совместное влияние (взаимодействие) факторов места проживания и опыта материнства обнаружили три показателя:

- Интернальность в межличностных отношениях ($p < 0,2$) – женщины, не имеющие детей и живущие в центре, значимо отличаются от женщин,

имеющих детей с разным местом жительства, и от беременных женщин, проживающих в отдаленных районах.

- Интернальность в отношении здоровья и болезни ($p < 0,8$) – женщины, не имеющие детей и живущие в агломерации, значительно отличаются от женщин, имеющих детей и проживающих в центре.

По показателям «общая интернальность», «интернальность в семейных отношениях», «интернальность в области достижений», «интернальность в области неудач», «интернальность в производственных отношениях» значимых различий обнаружено не было.

Полученные различия сообщают о том, что не имеющие детей женщины, проживающие в центральных районах, проявляют максимальную интернальность в отношении своего здоровья, но при этом берут на себя минимальную ответственность в установлении межличностных контактов. Наиболее заинтересованными в установлении межличностных отношений показали себя женщины, имеющие детей, проживающие в центральных районах, а также имеющие ребенка или беременные женщины из агломерации.

VI. Совместное влияние (взаимодействие) факторов условий проживания и опыта материнства обнаружили три показателя:

- Общая интернальность ($p < 0,2$) – женщины, имеющие детей и проживающие совместно с родителями, значительно отличаются от женщин, не имеющих детей, проживающих отдельно, и от беременных женщин с разными условиями проживания.

- Интернальность в области достижений ($p < 0,01$) – женщины, имеющие детей и проживающие совместно с родителями, значительно отличаются от всех подгрупп испытуемых.

- Интернальность в семейных отношениях ($p < 0,18$) – женщины, имеющие детей и проживающие совместно с родителями, значительно отличаются от всех подгрупп испытуемых, кроме проживающих с родителями, имеющих детей женщин. Проживающие с родителями, имеющие детей женщины значительно отличаются от имеющих детей и беременных женщин, проживающих отдельно.

- Интернальность в межличностных отношениях ($p < 0,6$) – женщины, не имеющие детей и проживающие отдельно от родителей, значительно отличаются от женщин, имеющих детей и проживающих отдельно.

- Интернальность в отношении здоровья и болезни ($p < 0,4$) – женщины, не имеющие детей и проживающие с родителями, значительно отличаются от беременных и имеющих детей женщин, проживающих отдельно.

По показателям «интернальность в области неудач», «интернальность в производственных отношениях» значимых различий обнаружено не было.

Основные выводы, полученные из данных различий, следующие:

1. При совокупном влиянии факторов опыта материнства и условий проживания наибольшее количество значимых различий продемонстрировала группа женщин, имеющих детей и проживающих с родителями. Данная группа испытуемых демонстрирует экстернальный уровень контроля за значимыми

в их жизни событиями, характеризуясь неуверенностью и несамостоятельностью в принятии решений. Как в области семейных отношений, так и в вопросах достижений ориентируются на окружающих людей или доверяют случаю.

2. Не имеющие детей женщины, проживающие совместно с родителями, демонстрируют зависимость от членов семьи, но высокую степень ответственности за свое здоровье и самостоятельность в области достижений.

3. Имеющие детей женщины, проживающие отдельно, демонстрируют высокий (интернальный) уровень субъективного контроля в области межличностных и семейных отношений, т.е. берут на себя обязательства по установлению и поддержанию контактов, но при этом демонстрируют самый низкий (экстернальный) уровень ответственности за свое здоровье, т.е. в профилактике и лечении заболеваний ориентируются на мнение специалистов.

А.Н. Яковлевой при изучении связи локуса контроля с взаимоотношениями в семье было обнаружено, что многие родители длительное время сохраняют неуверенность в ребенке и в его социальной самостоятельности, стремятся защитить от трудностей, что не способствует формированию интернальности личности, а, напротив, формирует безответственность и развивает социальную инфантильность [4]. Полученные нами данные вполне согласуются с результатами исследования А.Н. Яковлевой и демонстрируют сохранение экстернальности у женщин в зрелом возрасте, проживающих совместно с родителями, в области значимых событий и в отношениях.

VII. Совместное влияние (взаимодействие) факторов состава семьи, в которой воспитывалась женщина, и опыта материнства обнаружили два показателя:

- Интернальность в межличностных отношениях ($p < 0,02$) – женщины, не имеющие детей, воспитывающиеся в полных семьях, значительно отличаются от беременных и имеющих детей женщин, воспитывающихся в полных семьях, и имеющих и не имеющих детей женщин, воспитывающихся в неполных семьях. Женщины из неполных семей, имеющие ребенка, значительно отличаются от беременных женщин из неполных семей.

- Интернальность в отношении здоровья и болезней ($p < 0,2$) – женщины, не имеющие детей, воспитывающиеся в неполных семьях, значительно отличаются от беременных женщин, воспитывающихся в неполных семьях, и имеющих детей, воспитывающихся в полных семьях женщин.

По показателям «общая интернальность», «интернальность в области достижений», «интернальность в области неудач», «интернальность в семейных отношениях», «интернальность в производственных отношениях» значимых различий обнаружено не было.

В результате полученных различий нами обнаружено, что все группы испытуемых имеют высокий (интернальный) уровень контроля в области межличностных отношений. При этом самый низкий уровень, значительно отличающийся от ряда подгрупп, имеют бездетные женщины, воспитывающиеся в полных семьях. Тогда как наиболее высокий уровень по данному показателю, как и по показателю отношения к здоровью,

продемонстрировали не имеющие детей женщины, воспитывающиеся в неполных семьях.

Таким образом, для женщин, воспитывающихся в полных семьях, наличие или ожидание ребенка является значимым фактором в стремлении к установлению межличностных отношений. Для женщин, не имеющих детей, определяющим фактором является состав семьи, в которой воспитывалась женщина.

VIII. Совместное влияние (взаимодействие) факторов наличия сиблингов у женщин и опыта материнства обнаружили показатели:

- Общая интернальность ($p < 0,2$) – женщины, имеющие детей и являющиеся младшими в семье, значимо отличаются от беременных старших и младших, имеющих детей старших и не имеющих детей единственных в семье женщин.

- Интернальность в области достижений ($p < 0,5$) – женщины, имеющие детей и являющиеся младшими в семье, значимо отличаются от беременных старших.

- Интернальность в области неудач ($p < 0,5$) – женщины, имеющие детей и являющиеся младшими в семье, значимо отличаются от имеющих детей старших.

- Интернальность в семейных отношениях ($p < 0,5$) – старшие в семье беременные женщины значимо отличаются от единственных в семье, беременных или не имеющих детей женщин и от младших в семье имеющих детей женщин.

- Интернальность в межличностных отношениях ($p < 0,88$) – единственные в семье женщины, имеющие детей, значимо отличаются от единственных в семье не имеющих детей женщин.

- Интернальность в отношении здоровья и болезни ($p < 0,1$) – единственные в семье беременные женщины значимо отличаются от старших и младших беременных женщин и не имеющих детей единственных младших в семье женщин.

По показателю «интернальность в производственных отношениях» значимых различий обнаружено не было.

По полученным результатам было обнаружено, что наибольшее количество различий с другими группами продемонстрировала группа женщин, имеющих детей и являющихся младшими детьми в своих родительских семьях. Данные испытуемые демонстрируют самый низкий уровень общей интернальности, т.е. проявляют себя как более зависимые, несамостоятельные, инфантильные личности. Данная подгруппа экстернальна в вопросах достижений и неудач, т.е. свои успехи или промахи больше соотносят с внешними обстоятельствами или действиями других людей, нежели со своими собственными. По вопросам семейных отношений и отношения к здоровью имеют интернальный уровень контроля, т.е. готовы брать на себя ответственность в решении семейных задач и контроле самочувствия.

Таким образом, по результатам совместного влияния социально-психологических факторов и опыта материнства на показатели уровня субъективного контроля было обнаружено:

1. Наибольшее влияние на показатели локуса контроля в совокупном воздействии с опытом материнства оказывают такие социально-психологические факторы, как семейное положение, стаж брачных отношений, условия проживания и сиблинговая позиция женщины.

2. Все рассмотренные социально-психологические факторы оказали большее или меньшее влияние на уровень интернальности в области межличностных отношений.

3. Ни один из социально-психологических факторов в совокупности с опытом материнства не продемонстрировал значимого влияния на уровень интернальности в производственных отношениях.

4. Разные подгруппы испытуемых при совместном влиянии различных комбинаций рассмотренных социально-психологических факторов и опыта материнства демонстрируют интернальный уровень в межличностных отношениях, преимущественно интернальный уровень семейных отношений и в области достижений.

5. Разные подгруппы испытуемых при различных сочетаниях рассмотренных социально-психологических факторов и опыта материнства демонстрируют преимущественно экстернальный уровень по показателю общей интернальности.

Список литературы

1. Бузунова Л.Г. Жизненные стратегии женщин российской провинции // Психологическая наука и образование. – 2007. – Т. 12, № 3.
2. Закирова Д.А., Данилова М.В. Удовлетворенность профессиональной деятельностью в связи с выраженностью уровня субъективного контроля личности в период ранней юности. – СПб., 2018.
3. Хозяинова П.М., Рябикина З.И. Особенности личности женщины, воспитывающей ребенка в неполной семье // Научный журнал КубГАУ. – 2018.
4. Яковлева А.Н. Локус контроля и взаимоотношения в семье // Сибирский педагогический журнал. – 2012.

РАЗДЕЛ 3. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.356.2-058.8:618.1

DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10106

Баландина Людмила Леонидовна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и клинической психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, (342) 239-66-17*

Кузнецова Екатерина Викторовна

медицинский психолог

*Соликамский филиал ГБУЗ ПК «Краевая психиатрическая больница № 10»,
Соликамск, Россия
618548, Соликамск, ул. Культуры, 3, (34253) 4-74-77
e-mail: katyakuzya96@mail.ru*

РОДИТЕЛЬСКИЕ УСТАНОВКИ И ОСОБЕННОСТИ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ У ЖЕНЩИН С ГИНЕКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Lyudmila L. Balandina

Ph. D., Associate Professor at Department of General and Clinical Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia*

Ekaterina V. Kuznetsova

Medical Psychologist

*Solikamsk branch GBUZ PK «Regional psychiatric hospital № 10»
3, Cultura St., 618548, Solikamsk, Russia
e-mail: katyakuzya96@mail.ru*

PARENTAL ATTITUDES AND SPECIFIC FEATURES OF SPOUSAL RELATIONSHIPS OF WOMEN WITH GYNECOLOGICAL ILLNESSES

Аннотация. Представлены результаты исследования женщин с гинекологической патологией. Показано, что у пациенток независимо

от состояния здоровья более выражены конструктивные установки, направленные на поддержание оптимального эмоционального контакта с ребенком. В то же время женщинам с гинекологическими расстройствами присущи установки на чрезмерную заботу и вмешательство в мир ребенка, склонность жертвовать своими интересами ради семьи. Отмечаются менее благоприятные супружеские отношения по сравнению с женщинами без гинекологической патологии. Данные исследования подтверждают необходимость рассмотрения изучаемой проблемы с позиций биопсихосоциального подхода с опорой на психологические и социальные факторы в профилактике и лечении гинекологических заболеваний.

Ключевые слова: оптимальный эмоциональный контакт, концентрация на ребенке, удовлетворенность браком, доверительность отношений, взаимопонимание, гинекологические заболевания.

Abstract. The article represents the results of the survey carried among women with gynecological illnesses. It is proved that the patients regardless of their state of health demonstrate constructive parental attitudes with a child aimed to maintain optimal emotional contact. Moreover, the women with gynecological illnesses are characterized by the extreme childcare and intrusion in children's world as well as the women's will to sacrifice their own interests for the family's needs. The women maintain less favourable spousal relationships in comparison with those women who do not experience any gynecological illnesses. The results of this research show the necessity to study the problem from the point of biopsychosocial approach with consideration psychological and social factors in prevention and treatment gynecological illnesses.

Key words: optimal emotional contact, child-concentration, marriage satisfaction, trustfulness in relationships, mutual understanding, gynecological illnesses.

В современном обществе уделяется большое внимание вопросам психологии семьи. Одной из проблем, связанных с функционированием семьи, является репродуктивное здоровье женщин. Отмечается увеличение частоты возникновения гинекологической патологии и омолаживание контингента женщин, обращающихся за помощью. Гинекологические заболевания включают в себя широкий спектр нарушений, многие из которых имеют социально значимые последствия, поскольку способствуют возникновению нарушений репродуктивной сферы.

Данная проблема в целом рассматривается в контексте медицинской науки и практики, но в настоящее время возрастает интерес к ее психологическим аспектам. Вместе с тем остается недостаточно изученной роль психологических и социальных факторов в возникновении и развитии гинекологических заболеваний, что требует дальнейших исследований.

Особый интерес представляет биопсихосоциальная модель Дж. Энгеля, основанная на системной теории [13]. У человека различные уровни биопсихосоциальной иерархии оказывают взаимное влияние друг на друга,

и результат (в виде болезни, расстройства) зависит от многих составляющих, не может быть предсказан на основе линейных закономерностей, в рамках биологических редукционистских моделей. Продуктивной представляется идея теоретиков данного подхода о роли синдромов, обусловленных социальными влияниями [12].

Биопсихосоциальный подход получил признание и в отечественной науке. Так, Б.Д. Карвасарский (1999) отмечал, что соматическая болезнь обусловлена не только биологическими факторами, но также окружающей средой и социальными условиями. Е.А. Потемкина утверждает, что личность пациента при психосоматических и невротических заболеваниях должна быть в центре причин их возникновения и сохранения, а также лечения, прежде всего в психотерапии [9].

Многие современные исследования рассматривают гинекологические заболевания не только как медицинскую, но и как психологическую проблему. Авторами выделяются различные психологические переменные, способствующие возникновению и течению гинекологических заболеваний или возникающие на фоне заболевания. Отмечается, что тяжесть различных клинических вариантов гинекологического заболевания, его хронизация, наличие осложнений связаны с психическим состоянием, личностными характеристиками женщин, неблагоприятными отношениями в родительской семье, протеканием беременности их матерей (М.Е. Блох, И.К. Богатова, О.К. Семенова, А.С. Кочарян, Н.В. Кулагина, Е.А. Потемкина, Е.Л. Сенькина, И.А. Стенникова, Н.В. Гафарова и др.) [1, 2, 5, 7, 9, 10, 11]. Результаты проведенных исследований подтверждают необходимость психологического сопровождения женщин с гинекологическим диагнозом.

Исследователями признается, что нарушение репродуктивного здоровья, в том числе в результате гинекологической патологии, является серьезным стрессором для семьи. Что создает нервно-психическую нагрузку для обоих супругов, играет существенную роль в развитии внутрисемейной напряженности, приводит к изменению межличностных отношений, психологического климата в семье (Е.С. Дьячкова, Е.Л. Сенькина) [3, 10].

Сложившаяся ситуация со здоровьем женщины неблагоприятно влияет на супружеские отношения, а именно: на удовлетворенность браком, качество межличностного общения между супругами и др. [4]. Супружеская подсистема и связанная с ней детско-родительская подсистема являются составляющими социальной ситуации развития ребенка (А.И. Захаров, 1982; Т.К. Хозяинова, Л.А. Макухина, 2008) и создают основу эффективности функционирования семьи.

В контексте семейных отношений психологи изучают родительские установки [6]. Установки родителей на воспитание детей представляют собой готовность действовать тем или иным образом (В.С. Торохтий), проявляются в родительских позициях, а также транслируются через родительские предписания.

Р.В. Овчарова рассматривает родительские установки как составляющие феномена родительства. Родительские установки – это определенный взгляд на

свою роль родителя, основанный на когнитивном, эмоциональном и поведенческом аспектах. Выделяет три уровня установок: 1) «мы – родители» (включает репродуктивные установки супругов в аспекте их отношений, определяет субъективную удовлетворенность браком); 2) «мы – родители нашего ребенка» (установки в детско-родительских отношениях, реализуется в стиле семейного воспитания); 3) «это – наш ребенок» (установки в отношении ребенка / детей, находит свое выражение в родительском отношении) [8].

Формирование родительских установок складывается задолго до рождения ребенка. Эти структуры образуются в детстве потенциального родителя в зависимости от раннего опыта его взаимоотношений в собственной семье, включая опыт взаимодействия с собственной матерью (Д. Винникотт, 1998). Большинство сценариев человек перенимает из родительской семьи, наследуя модели поведения из-за постоянного восприятия установок или родительских инструкций (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис, 2008).

В ряде работ, посвященных данной теме, обсуждаются особенности супружеских отношений, специфика периода жизни пациенток в родительской семье, но практически нет исследований, посвященных изучению родительских установок женщин с гинекологическими заболеваниями. При организации исследования мы полагали, что у женщин с гинекологическими расстройствами качество супружеских отношений ниже, чем у женщин без гинекологической патологии, а родительские установки отличаются своеобразием.

Целью исследования стало выявление особенностей родительских установок и супружеских отношений у женщин с гинекологическими заболеваниями.

Организация и методы исследования

Обследование проводилось на базе гинекологического отделения городской клинической больницы г. Перми. Участники: 35 женщин с гинекологическими заболеваниями (экспериментальная группа) и 35 женщин без диагностированной гинекологической патологии (контрольная группа) в возрасте от 20 до 46 лет.

Для изучения родительских установок был использован тест-опросник PARI (Е.С. Шефер, Р.К. Белл, адапт. Т.В. Нещерет). Авторы методики в понятие «установка», помимо отношения к ребенку, включают отношение к семейной роли (жены, матери, хозяйки дома). Выделяют четыре фактора, характеризующих родительские установки испытуемых: демократичность (оптимальный эмоциональный контакт), авторитарность (излишняя эмоциональная дистанция с ребенком), опека (излишняя концентрация на ребенке) и отношение к семейной роли.

Изучение супружеских отношений осуществлялось с помощью опросников: удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко); ПЭА (понимание, эмоциональное притяжение, авторитетность) (А.Н. Волкова); «Общение в семье» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская).

Полученные в ходе исследования данные обрабатывались методами математической статистики: *t*-критерия Стьюдента и коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты исследования

Сравнительный анализ показателей родительских установок и у женщин с гинекологическими заболеваниями и у женщин без гинекологической патологии позволил выявить некоторые различия по изучаемым показателям (табл. 1).

Таблица 1

Результаты сравнения родительских установок женщин с гинекологическими заболеваниями и женщин, гинекологически здоровых (методика PARI)

Показатели	Женщины с гинекологическими заболеваниями	Женщины без гинекологической патологии	<i>t</i> -value	<i>p</i>
Жертвенность	13,60	11,89	2,90	0,005**
Сверхавторитет	13,09	11,89	2,05	0,044*
Неудовлетворенность ролью хозяйки	12,46	11,23	2,01	0,050*
Чрезмерная забота, установление зависимости	13,57	11,91	2,37	0,021*
Подавление агрессивности	13,11	12,00	1,83	0,071
Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка	13,26	12,23	1,57	0,122
Стремление ускорить развитие ребенка	11,20	12,49	-2,49	0,014**

Примечание: условные обозначения: * - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$.

Выявлены значимые различия между группами по следующим показателям родительских установок, связанных с *отношением к семейной роли*: «ощущение самопожертвования» ($p \leq 0,01^{**}$), «сверхавторитет» ($p \leq 0,05^{*}$), «неудовлетворенность ролью хозяйки» ($p \leq 0,05^{*}$) – эти показатели оказались выше в экспериментальной группе. Женщины воспринимают материнство как долг, более склонны поступаться своими интересами, готовы жертвовать своим счастьем ради блага собственных детей и в свою очередь они ждут благодарности и заботы от детей за материнский труд. Им более свойственно требовать от ребенка признания своего безоговорочного авторитета, полного доверия по отношению к родителям, признания и уважения к себе. По сравнению женщинами без гинекологической патологии, они менее удовлетворены ролью хозяйки дома, чувствуют себя более обремененными обязанностями по дому, их тяготит недоступность каких-либо вещей, отсутствие свободного времени для любимых занятий.

По параметру *отношение матери к ребенку* рассмотрим три группы переменных, характеризующих: 1) оптимальный эмоциональный контакт, 2) излишнюю эмоциональную дистанцию, 3) излишнюю концентрацию на ребенке.

В ходе анализа результатов установлены следующие факты. Для всех испытуемых экспериментальной и контрольной групп по среднему значению показателя ведущими родительскими установками (с различным порядком ранжирования) являются установки на *«уравнительные отношения родителей и ребенка»*, *«развитие активности ребенка»*, характеризующие оптимальный эмоциональный контакт с ребенком. Современные матери ориентированы на равноправные, открытые отношения с детьми, совместные обсуждения и дела, проявление интереса к их переживаниям без осуждения. Они считают, что ребенок должен многому научиться в жизни, ценить время, находить интересные занятия, получить в детстве опыт достижения успехов.

У всех матерей также проявляется установка на *«создание безопасности, опасение обидеть»* с ориентиром на излишнюю опеку, концентрацию на ребенке, которая проявляется в опасениях за его жизнь и здоровье; по их мнению, главная забота матери – благополучие и безопасность ребенка.

Помимо сходных родительских установок имеют место различия по ряду показателей, направленных на повышенную концентрацию на ребенке. Так, у женщин с гинекологическими заболеваниями выше показатели, характеризующие *«чрезмерную заботу и установление зависимости»* ($p \leq 0,02^*$), *«чрезвычайное вмешательство в мир ребенка»* ($p \leq 0,1$). Это проявляется в стремлении оберегать детей от трудностей, разочарований и тяжелой работы; проникать в тайны и мысли своего ребенка.

Отражающая эмоциональную дистанцию с ребенком установка *«подавление агрессивности»* ($p \leq 0,07$) также более выражена у женщин с гинекологическими расстройствами. Они не поощряют агрессивные виды спорта и считают, что ребенка нужно учить избегать драк, обращаться к взрослым в конфликтных ситуациях.

У женщин без диагностированной гинекологической патологии значимо выше только одна установка – на *ускорение развития ребенка* ($p \leq 0,01^{**}$), это характеризует стремление к преждевременному развитию ребенка с первых лет жизни, формированию самостоятельности, что не всегда соответствует возрасту ребенка.

Сравнительный анализ показателей супружеских отношений представлен в табл. 2. Согласно полученным данным (средние значения показателей), можно говорить об определенном благополучии супружеских отношений в обеих выборках. Однако выявленные значимые различия по нескольким показателям свидетельствуют о менее благоприятных отношениях у женщин с гинекологической патологией, по сравнению с женщинами, гинекологически здоровыми.

В экспериментальной группе значимо ниже показатели *«удовлетворенность браком»* ($p \leq 0,02$), *«понимание»* ($p \leq 0,001$), *«эмоциональное притяжение»* ($p \leq 0,001$), *«доверительность общения»* ($p \leq 0,01$; $p \leq 0,01$), *«взаимопонимание (оценка супруга)»* ($p \leq 0,05$), *«психотерапевтичность общения»* ($p \leq 0,05$).

Таблица 2

Результаты сравнения показателей супружеских отношений женщин с гинекологическими заболеваниями и женщин, гинекологически здоровых

Показатели	Женщины с гинекологическими заболеваниями	Женщины без гинекологической патологии	<i>t-value</i>	<i>p</i>
1. Удовлетворенность браком	26,31	30,51	-2,38	0,020*
2. Понимание	20,06	24,54	-4,92	0,000***
3. Эмоциональное притяжение	19,00	23,97	-6,56	0,000***
4. Доверительность общения (самооценка)	14,74	16,97	-3,12	0,003**
5. Доверительность общения (оценка супруга)	13,94	16,14	-2,69	0,009**
6. Взаимопонимание между супругами (оценка супруга)	14,20	16,23	-2,27	0,026*
7. Психотерапевтичность общения	15,51	17,31	-2,21	0,030*

Примечание: условные обозначения: * - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$; *** - $p \leq 0,001$. Показатели: 1 – тест-опросник удовлетворенности браком; 2, 3 – опросник ПЭА, 4–7 – методика «Общение в семье».

Женщины с гинекологическими заболеваниями менее удовлетворены браком; у них менее выражено субъективное ощущение знаний индивидуальных особенностей супруга, понимания его личности, больше затруднений в интерпретации его мыслей, чувств, поступков. Более низкий показатель эмоционального притяжения указывает на некоторые сложности в общении, сниженную эмоциональную привлекательность партнера, а возможно, и чувство усталости от супруга.

Они дают более низкую оценку доверительности в общении как со своей стороны, так и со стороны супруга, что характеризует более слабое стремление к глубокому самораскрытию перед партнером, меньшую склонность доверять друг другу свои тайны, опасаясь неприятия информации. Недостаток взаимопонимания связывают с позицией супруга, склонного к осуждающему и недостаточно принимающему поведению. Межличностное общение с супругом является менее «психотерапевтичным», способствующим созданию комфортной и интимной атмосферы в семье. Полученные результаты согласуются с данными исследований других авторов относительно менее благоприятных супружеских отношений у женщин с гинекологическими заболеваниями.

Анализ корреляционных связей между родительскими установками и показателями супружеских отношений. При разнообразии значимых корреляционных связей между показателями родительских установок и супружеских отношений обнаружены общие тенденции в обеих группах.

Выявлены положительные связи в разных диадах между родительскими установками с *оптимальным эмоциональным контактом* («партнерские отношения», «уравнительные отношения родителя и ребенка») и характеристиками благополучия супружеских отношений («удовлетворенность браком», «доверительность общения», «общие символы семьи», «психотерапевтичность общения с партнером») ($p \leq 0,05$; $p \leq 0,001$) (табл. 3).

Таблица 3

Корреляционные связи между родительскими установками с оптимальным эмоциональным контактом и показателями супружеских отношений в группах женщин с гинекологическими заболеваниями и без гинекологической патологии

Женщины с гинекологическими заболеваниями				Женщины без гинекологической патологии		
Показатели	Удовлетворенность браком	Доверительность общения с супругом (самооценка)	Общие символы семьи	Показатели	Удовлетворенность браком	Психотерапевтичность общения супругов
Партнерские отношения с ребенком			0,39*	Партнерские отношения с ребенком	0,33*	0,38*
Уравнительные отношения с ребенком	0,61***	0,33*				

Примечание: условные обозначения: * - $p \leq 0,05$; *** - $p \leq 0,005$; **** - $p \leq 0,001$.

Наиболее важным параметром, который согласуется с позитивными признаками супружеских отношений, в экспериментальной группе является установка на уравнительные отношения, а в контрольной группе – установка на партнерские отношения с ребенком.

И наоборот, неконструктивные родительские установки, отражающие *излишнюю эмоциональную дистанцию* («излишняя строгость к ребенку», «раздражительность») и/или *излишнюю концентрацию на ребенке* («подавление сексуальности», «чрезмерное вмешательство в мир ребенка», «исключение внутрисемейных влияний»), отрицательно связаны с качественными отношениями супругов (табл. 4, 5).

Таблица 4

Корреляционные связи между родительскими установками с *излишней эмоциональной дистанцией* и показателями супружеских отношений в группах женщин с гинекологическими заболеваниями и без гинекологической патологии

Женщины с гинекологическими заболеваниями			Женщины без гинекологической патологии			
Показатели	Эмоциональное притяжение	Сходство во взглядах супругов	Показатели	Взаимопонимание между супругами	Доверительность общения (супруг)	Сходство во взглядах супругов
Излишняя строгость	-0,38*	-0,47**	Излишняя строгость	-0,34*		
			Раздражительность		-0,34*	-0,41*

Таблица 5

Корреляционные связи между родительскими установками с *излишней концентрации на ребенке* и показателями супружеских отношений в группах женщин с гинекологическими заболеваниями и без гинекологической патологии

Женщины с гинекологическими заболеваниями				Женщины без гинекологической патологии	
Показатели	Понимание супруга	Доверительность общения с супругом (самооценка)	Авторитетность супруга	Показатели	Сходство во взглядах супругов
Подавление сексуальности	-0,48**	-0,58***		Подавление сексуальности	-0,43**
Чрезмерное вмешательство в мир ребенка		-0,40*	-0,42*	Исключение внутрисемейных влияний	-0,36*

Примечание: условные обозначения: * - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$.

Таким образом, в обеих группах благополучие супружеских отношений сопряжено с оптимальной эмоциональной направленностью на ребенка, а неблагополучие в супружеских отношениях взаимосвязано с неконструктивными родительскими установками, которые проявляются как излишняя концентрация на ребенке и излишняя эмоциональная дистанция с ним.

Зоной напряжения для всех женщин являются родительские установки «излишняя строгость» ($p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$) и «подавление сексуальности»

($p \leq 0,01$; $p \leq 0,001$), которые отрицательно связаны с рядом показателей супружеских отношений. Возможно, что эти установки определенным образом проявляются и в супружеских отношениях, что приводит к ухудшению качества этих отношений, или являются отражением неблагополучия в отношениях между супругами.

Чрезмерное вмешательство в мир ребенка женщин с гинекологической патологией усиливается при снижении доверительности общения и авторитетности супруга. Можно предположить, что излишняя концентрация на ребенке представляет собой попытку скомпенсировать неудовлетворенность в супружеских отношениях. Возможно, что эмоциональное состояние женщин, обусловленное состоянием их здоровья, становится опосредующим фактором, участвующим в формировании данной установки.

Выводы

1. Конструктивные установки, направленные на поддержание оптимального эмоционального контакта с ребенком, являются ведущими у женщин как в экспериментальной, так и контрольной группе.

2. Родительские установки по отношению к ребенку у женщин с гинекологическими расстройствами и без гинекологической патологии имеют свою специфику. Различия наблюдаются по показателям, свидетельствующим об излишней концентрации на ребенке: у женщин с гинекологическими заболеваниями более выражена установка на чрезмерную заботу и вмешательство в мир ребенка, а у женщин без диагностируемой гинекологической патологии наблюдается излишнее стремление ускорить развитие ребенка.

3. Установки по отношению к семейной роли у женщин с гинекологическими заболеваниями отражают склонность жертвовать своими интересами ради семьи, требовать от ребенка признания авторитета родителя и уважения к себе.

4. Женщины с гинекологическими заболеваниями менее удовлетворены браком и оценивают супружеские отношения как менее благоприятные по сравнению с женщинами без гинекологической патологии. В этих отношениях меньше эмоционального притяжения, взаимопонимания, доверительности, теплоты и комфортности общения.

5. В обеих группах благополучие супружеских отношений связано с оптимальной эмоциональной направленностью на ребенка, а неблагополучие в супружеских отношениях – с неконструктивными родительскими установками, которые проявляются как излишняя концентрация на ребенке и излишняя эмоциональная дистанция с ним.

6. Результаты исследования подтверждают необходимость рассмотрения психосоциальных факторов в профилактике и лечении гинекологических заболеваний.

Список литературы

1. Блох М.Е. Личностные и социально-психологические характеристики женщин репродуктивного возраста с гинекологической патологией на этапе

планирования беременности: автореф. ... дис. канд. мед. наук: 19.00.04. – СПб., 2012. – 30 с.

2. *Богатова И.К., Семенова О.К.* Психологические особенности женщин с генитальным эндометриозом // Вестник новых медицинских технологий. – 2008. – № 1. – С. 61–63.

3. *Дьячкова Е.С.* Психологические особенности семей с нарушениями репродуктивного здоровья // Вестник Тамбов. гос. ун-та. – 2013. – Вып. 9 (125). – С. 199–207.

4. *Котова М.А., Сурьянинова Т.И.* Особенности супружеских отношений и личности женщин с гинекологическими заболеваниями // Междунар. журн. прикладных и фундаментальных исследований. – 2018. – № 2. – С. 192–196.

5. *Кочарян А.С., Макаренко А.А., Дин Шао Цзе.* Психологические особенности женщин с гинекологической патологией // Перспективы науки и образования. – 2015. – 5 (17). – С. 88–92.

6. *Крайлюк А.И.* Родительские установки: теоретические аспекты // Вестник Киев. гос. ун-та. – 2015. – Т. 21, № 3. – С. 78–82.

7. *Кулагина Н.В.* Миома матки: иммунологическая и психосоматическая концепция развития, индивидуальный прогноз и тактика ведения: автореф. ... дис. канд. мед. наук: 14.00.01. – СПб., 2008. – 49 с.

8. *Овчарова Р.В.* Психологическое сопровождение родительства. – М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2003. – 319 с.

9. *Потемкина Е.А.* Особенности медико-психологических характеристик и симптоматика непсихотических психических расстройств при хронических гинекологических заболеваниях: автореф. ... дис. канд. мед. наук: 19.00.04, 14.01.06. – СПб., 2012. – 25 с.

10. *Сенькина Е.Л.* Гинекологические заболевания у женщин репродуктивного возраста как медико-социальная проблема (распространенность, факторы риска, прогнозирование и профилактика): автореф. ... дис. канд. мед. наук: 14.00.33. – Рязань, 2003. – 24 с.

11. *Стенникова И.А., Гафарова Н.В.* Психологическое сопровождение женщин с гинекологической патологией // Психолог. вестник Урал. гос. ун-та. – Екатеринбург, 2009. – Вып. 7. – С. 164–180.

12. *Холмогорова А.Б., Рычкова О.В.* 40 лет биопсихосоциальной модели: что нового? // Социальная психология и общество. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 8–31.

13. *Engel G.L.* The Need for a New Medical Model: A Challenge for Biomedicine // Science. – 1977. – Vol. 196.

УДК 159.964:616.33/.34

DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10107

Бячкова Наталия Борисовна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общей
и клинической психологии
e-mail: nota_bene@psu.ru

Шустова Ирина Юрьевна

студентка философско-социологического факультета, специальность
«Клиническая психология», 4-й курс
e-mail: iris-irisha2012@yandex.ru

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, (342) 239-66-17*

**ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ЛЮДЕЙ
С ЗАБОЛЕВАНИЯМИ ЖКТ**

Nathalia B. Biachkova

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department
of General Medicine and Clinical Psychology
e-mail: nota_bene@psu.ru

Irina Y. Shustova

Student of the Faculty of Philosophy and Sociology, Specialty
«Clinical Psychology», 4th year
e-mail: iris-irisha2012@yandex.ru

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia*

**FEATURES OF CO-OPERATING PEOPLE'S BEHAVIOR
WITH DISEASES OF GIT**

Аннотация. Анализируется понятие психосоматического заболевания. Исследуются факторы возникновения и развития психосоматических заболеваний. Обобщаются результаты эмпирического исследования, проведенного на выборке условно здоровых людей и лиц, страдающих заболеваниями ЖКТ. Результаты исследования обсуждаются с позиции связи форм агрессивного поведения и копинг-стратегий.

Ключевые слова: психосоматическое заболевание, факторы психосоматических заболеваний, агрессия, совладающее поведение, копинг-стратегии.

Abstract. The article analyzes the concept of psychosomatic disease. The factors of occurrence and development of psychosomatic diseases are investigated. The results of an empirical study conducted on a sample of relatively healthy people and those suffering from gastrointestinal diseases are summarized. The results of the study are discussed from the perspective of the relationship of forms of aggressive behavior and coping strategies.

Key words: psychosomatic disease, factors of psychosomatic diseases, aggression, coping behavior, coping strategies.

Проблема исследования

Изучение теоретических подходов к проблеме психосоматических заболеваний позволяет нам говорить о том, что в современной науке и практике не существует единого мнения в понимании природы психосоматического заболевания, существует достаточное количество классификаций психосоматических заболеваний; мнения о факторах, способствующих развитию данных заболеваний, также очень разнообразны. В нашем исследовании мы будем опираться на наиболее общую классификацию психосоматических заболеваний: «чикагскую семерку», сформулированную Ф. Александером еще в 30-е гг. XX в. Ф. Александер утверждал, что возникновение и течение болезни связано с тремя переменными, такими как: личностная диспозиция («психодинамическая конфигурация с соответствующими процессами психологической защиты»), складывающаяся с детства; провоцирующая эмоциогенная жизненная ситуация; соматические условия, составляющие определенную конституцию [2]. Правомерность данной концепции неоднократно изучалась применительно ко всем заболеваниям, вошедшим в «чикагскую семерку». Рассмотрим результаты разработок, необходимых для постановки проблемы нашего исследования.

По мнению Л. Лекрона, психосоматическими реакциями могут выступать:

- конфликт: «...эмоциональные “занозы” эти не исчезают, они продолжают тайно мстить нам, отравляя жизнь болезнями, об истинных причинах которых мы часто и не подозреваем» [9, с. 38];
- элементы органической речи: «болезнь есть физическое воплощение какой-то фразы или мысли» [9, с. 71];
- мотивация: «выявить причину заболевания – значит понять ту скрытую цель, которую подсознание “за наш счет” пытается достичь» [9, с. 42];
- опыт прошлого: «...в большинстве описанных случаев причины заболеваний были так или иначе связаны с переживаниями детских лет» [9, с. 43];

- идентификация: физический симптом может образовываться вследствие идентификации с человеком, имеющим подобный же симптом или заболевание;

- внушение: Л. Лекрон ссылается на А.А. Токарского, который указывал, что «внушение открыло могучее влияние психического воздействия, которое может быть поставлено наряду с воздействием факторов физических» [Цит. по: 9, с. 5];

- самонаказание: «...иногда подсознание, не удовлетворяясь “просто” раскаянием, еще и назначает отдельную меру наказания за тот или иной проступок» [9, с. 42]. Л. Лекрон связывает самонаказание с виной, реальной или воображаемой.

Концепция Л. Лекрона нашла свое отражение в результатах многих исследований. Так, например, по данным Е.А. Некрасовой, о наличии психического фактора в возникновении заболевания могут говорить следующие симптомы:

- ✓ Заболевание начинается после психической травмы.
- ✓ Симптомы реагируют на жизненную ситуацию: усиливаются в трудных обстоятельствах и ослабевают в благополучных.
- ✓ Симптомы быстро возникают, быстро исчезают или быстро сменяют друг друга.
- ✓ При обследовании организма (анализы, ЭКГ, ЭЭГ, компьютерная томография и пр.) не выявляется достоверных отклонений от нормы.
- ✓ Телесно ориентированное лечение (в том числе у разных специалистов) не дает эффекта [10].

Интересны результаты исследований особенностей личности людей, страдающих заболеваниями желудочно-кишечного тракта (ЖКТ). Имеется много указаний на своеобразие личности больных, страдающих язвенной болезнью и предъязвенными состояниями. Эти больные отличаются конфликтностью, эксцентричностью поведения, что осложняет их лечение, так как они ссорятся со сверстниками или персоналом лечебного учреждения, нарушают режим и диету, считаются «трудными» пациентами, а также имеют ряд общих черт характера: замкнутость, повышенную ранимость, тревожность, «гиперсоциальность», неуверенность в себе. Еще М.В. Черноруцкий отмечал повышенную возбудимость, склонность к тревоге, страху, внешнюю сдержанность, непереносимость этими больными неудач и трудностей [Цит. по: 8]. Больных язвенной болезнью часто считают «чрезмерно реагирующими личностями», отмечают у них преобладание шкал невротической триады. Так, по мнению О.Т. Жужанова, для больных язвенной болезнью характерны преобладание паранойяльных, психастенических и шизоидных черт; педантического, дистимического и застревающих типов акцентуации [5].

Лица с язвенной болезнью отличаются от здоровых общей высокой акцентуированностью и большей частотой эмоционально-лабильного и лабильно-истероидного типов акцентуаций. Это свидетельствует о повышенной вероятности возникновения в их жизни стрессовых ситуаций, чрезмерной впечатлительности и повышенной чувствительности к отношению

и оценкам окружающих. Кроме того, часто встречаются психастенические личности, с возрастом увеличивается количество юношей с астено-невротическими особенностями характера [5].

В.А. Ананьев указывает, что профиль личности с язвенной болезнью характеризуется тревожно-ипохондрическими тенденциями, склонностью к замкнутости, повышенной тревожностью, особенно личностной [3]. При этом ученый считает, что нет единого специфического личностного профиля, свойственного больным с предъязвенными состояниями и язвенной болезнью двенадцатиперстной кишки. Психологическую дезадаптацию он объясняет проявлениями эмоциональных расстройств в виде тревожного и сниженного настроения. Избегание неуспеха, характерное для этих больных и сочетающееся с тревогой, формирует пассивно-оборонительные стереотипы эмоционального реагирования на трудные жизненные обстоятельства.

К числу расстройств желудочно-кишечного тракта наряду с язвенной болезнью относят функциональные расстройства желудка и хронический гастродуоденит. В.А. Ананьев считает, что этот тип заболеваний определяется сходством личностных особенностей, однотипностью реагирования на стресс, стереотипностью развития психопатологических расстройств, формированием особых психогенно-соматогенных циклов, которые и определяют хронизацию патологического процесса [3].

Также В.А. Ананьев обращает внимание на сочетание астенических черт личности с прямолинейностью, на склонность язвенных больных к депрессии и указывает, что для лиц с отягощенной наследственностью по язвенной болезни характерны выраженная невротичность, педантичный, застревающий, дистимичный и эмотивный типы акцентуаций, скрытность, стеснительность, настойчивость. Больные язвенной болезнью отличаются педантичностью и вязкостью эффекта, склонностью к ипохондрии и подавленному настроению. У больных хроническим гастритом часто отмечают явления соматогенной астении, но с адекватной оценкой заболевания, активным участием в обследовании и лечении. Реже наблюдаются больные со снижением активности в отношении лечения, как бы безразличием, при сохранной, критической оценке состояния своего здоровья. Возможна чрезмерная фиксация внимания на соматических ощущениях, загруженность ими, переоценка их значимости, опасения рака желудка.

По мнению Л. Берковица, лица с психосоматическими расстройствами ЖКТ характеризуются более высокой тревожностью и более склонны применять неадаптивные копинг-стратегии. В то же время здоровые чаще используют стратегии, позволяющие восстановить физические и психические силы, чаще обращаются за поддержкой к близким, используют творческие ресурсы. Анализ взаимосвязанности исследованных показателей психической адаптации показал, что повышенная тревожность возникает, когда защитные механизмы не справляются с уровнем стрессового воздействия, способы совладания неадаптивны и не способствуют избавлению от повышенной тревоги [4].

В исследовании «Формирование совладающего поведения у детей младшего школьного возраста с психосоматическим расстройством ЖКТ» авторы – Н.А. Кибиткина и Т.А. Плешкова – пришли к выводу, что дети, имеющее данное расстройство, более тревожны и склонны применять неадаптивные копинг-стратегии [12].

В исследованиях И.Р. Абитова и В.Д. Менделевича «Особенности совладающего поведения при психосоматических и невротических расстройствах», Е.Р. Исаевой и М.И. Фещенко «Психологические механизмы адаптации к стрессу у больных психосоматическими и невротическими связанными со стрессом расстройствами» сделаны выводы о предпочтении лиц с психосоматическими расстройствами таких неадаптивных копинг-стратегий как «конфронтация», «дистанцирование», «бегство / избегание» [1, 6].

Наличие достаточно «пестрых» результатов приводит нас к необходимости продолжить исследования этой проблемы. Помимо этого, отметим, что за последние десятилетия возросло количество людей с заболеваниями ЖКТ. Мы считаем, что при достаточной изученности отечественными и зарубежными специалистами данная тема нуждается в новых исследованиях, новых эмпирических данных, которые будут уточнять различные аспекты проблемы особенностей людей, страдающих соматическими заболеваниями.

Итак, целью нашего исследования является изучение особенностей форм агрессивного поведения и неэффективных копинг-стратегий у лиц, страдающих болезнями ЖКТ.

В качестве гипотез исследования выдвинуты следующие предположения:

- существуют значимые различия проявлений форм агрессивного поведения и копинг-стратегий у лиц, имеющих и не имеющих заболевания ЖКТ;
- существуют особенности взаимосвязей агрессивного поведения и копинг-стратегий у лиц с болезнями ЖКТ и условно здоровых.

Исследование и полученные результаты

Исследование было проведено в 2019 г. на базе одной из больниц г. Перми. В исследовании принял участие 51 человек в возрасте от 20 до 48 лет. Двадцать четыре испытуемых имели диагнозы ЖКТ: 1 с диагнозом язва, 2 с диагнозом панкреатит, 21 с диагнозом гастрит. Двадцать семь испытуемых не имели диагнозов заболеваний ЖКТ.

В соответствии с целью и гипотезами исследования были выбраны следующие психодиагностические методики: тест Ассингера [11], тест агрессивности (опросник Л.Г. Почебут) [13], копинг-тест Лазаруса [7].

При первичной обработке полученных в ходе исследования показателей были определены такие структурные средние значения выборки, как: мода (M_o), медиана (M_e), среднее значение ($\bar{X}$), а также верхний и нижний квартили (Q_1 , Q_3). С определенной долей вероятности можно утверждать, что полученные в ходе исследования характеристики выборки носят характер ненормального распределения. Анализ распределения позволил нам сделать вывод о возможности использования U -критерия Манна – Уитни для анализа значимых различий проявлений совладающего поведения у людей, имеющих

и не имеющих заболевания ЖКТ, и корреляционного анализа Пирсона для выявления значимых взаимосвязей проявлений форм совладающего поведения у лиц с болезнями ЖКТ и условно здоровых людей.

Таблица 1

Значимые различия показателей копинг-стратегий и форм агрессивного поведения в экспериментальной и контрольной группе

Шкалы	Ср. ранг гр. больных	Ср. ранг. гр. здоровых	<i>U</i> Манна – Уитни	Значимость
Вербальная агрессия	30,61	20,43	173,5	0,012
Пассивная агрессия	30,52	20,5	175,5	0,013
Сумма шкал	30,25	20,72	181,5	0,02
Конфронтация	31,84	19,43	146,5	0,002

Результаты *U*-критерия Манна – Уитни показывают, что лица, страдающие заболеваниями ЖКТ, в конфликтных ситуациях значительно чаще склонны к вербальной ($U = 173$, p -уровень = 0,012) и пассивной ($U = 168$, p -уровень = 0,008) формам агрессии. Они чаще используют копинг-стратегию «конфронтация» ($U = 147$, p -уровень = 0,002). Важно также отметить, что испытуемые, страдающие заболеваниями ЖКТ, имеют значимо больший уровень агрессии по всем шкалам ($U = 183$, p -уровень = 0,022), чем условно здоровые испытуемые (табл. 1).

Анализируя результаты корреляционного анализа Спирмена, важно отметить, что значимых взаимосвязей форм агрессивного поведения и копинг-стратегий в группе лиц, страдающих заболеваниями ЖКТ, значительно больше, чем в группе условно здоровых людей: 21 и 6 соответственно.

Рассмотрим значимые взаимосвязи в экспериментальной группе подробнее (табл. 2).

Таблица 2

**Значимые корреляции Спирмена в группе испытуемых
с заболеваниями ЖКТ**

Шкалы	Вербальн. агрессия	Физич. агрессия	Пассив. агрессия	Эмоц. агрессия	Само- агрессия	Сумма шкал
Конфронтация	,830**	,600**	,598**	,597**		,684**
Дистанцирование	,598**		,566**	,730**		,621**
Самоконтроль				,467*		
Поиск социальной поддержки	,488*					
Принятие ответственности	,723**	,516*	,720**	,703**		,728**
Бегство / избегание	,722**		,746**	,760**	,468*	,765**
Планирование					-,441*	

Итак, наибольшее количество взаимосвязей установлено у показателей таких копинг-стратегий, как «конфронтация», «бегство / избегание», «принятие ответственности»:

- копинг-стратегия «конфронтация» значимо коррелирует с показателями «вербальная агрессия» ($r = 0,830$; $p = 0,000$), «физическая агрессия» ($r = 0,600$; $p = 0,003$), «пассивная агрессия» ($r = 0,598$; $p = 0,003$), «эмоциональная агрессия» ($r = 0,597$; $p = 0,003$), «общая агрессивность» ($r = 0,484$; $p = 0,000$);

- копинг-стратегия «бегство / избегание» значимо коррелирует с показателями «вербальная агрессия» ($r = 0,722$; $p = 0,000$), «пассивная агрессия» ($r = 0,746$; $p = 0,000$), «самоагрессия» ($r = 0,468$; $p = 0,028$), «эмоциональная агрессия» ($r = 0,760$; $p = 0,000$), «общая агрессивность» ($r = 0,765$; $p = 0,000$);

- копинг-стратегия «принятие ответственности» значимо коррелирует с показателями «вербальная агрессия» ($r = 0,598$; $p = 0,003$), «физическая агрессия» ($r = 0,516$; $p = 0,014$), «общая агрессивность» ($r = 0,728$; $p = 0,000$), «пассивная агрессия» ($r = 0,720$; $p = 0,000$), «эмоциональная агрессия» ($r = 0,703$; $p = 0,000$).

Также достаточно большое количество связей установлено с копинг-стратегией «дистанцирование»: «вербальная агрессия» ($r = 0,600$; $p = 0,000$), «пассивная агрессия» ($r = 0,566$; $p = 0,006$), «эмоциональная агрессия» ($r = 0,730$; $p = 0,000$), «общая агрессивность» ($r = 0,621$; $p = 0,002$).

Копинг-стратегии «планирование», «поиск социальной поддержки», «самоконтроль» имеют по одной значимой взаимосвязи с различными показателями агрессии: «самоагрессия» ($r = 0,441$; $p = 0,040$), «поиск социальной поддержки» ($r = 0,488$; $p = 0,021$), «эмоциональная агрессия» ($r = 0,703$; $p = 0,000$) соответственно.

Это может означать, что лица, страдающие заболеваниями ЖКТ, используют в конфликтном взаимодействии различные копинг-стратегии, при этом наблюдается повышение и проявление различных видов агрессии, в том числе пассивной, эмоциональной и самоагрессии, которые могут способствовать развитию психосоматических заболеваний. Однако отметим, что при использовании такой конструктивной копинг-стратегии, как «планирование», самоагрессия снижается.

Выше уже было указано, что у испытуемых контрольной группы взаимосвязей копинг-стратегий с показателями агрессии значительно меньше. Результаты корреляционного анализа Спирмена показывают наличие следующих значимых взаимосвязей показателей агрессивного поведения и копинг-стратегий в группе условно здоровых людей (табл. 3).

Таблица 3

Значимые корреляции Спирмена в группе условно здоровых испытуемых

Шкалы	Агрессия в отношениях	Пассивная агрессия	Самоагрессия	Сумма шкал
Поиск социальной поддержки		,396*		
Принятие ответственности			,580**	,446*
Избегание		,401*		
Планирование	,402*			
Положительная переоценка	,448*			

Наибольшее количество значимых взаимосвязей установлено с копинг-стратегией «принятие ответственности»: «самоагрессия» ($r = 0,580$; $p = 0,002$) и «общая агрессивность» ($r = 0,446$; $p = 0,029$).

По одной связи у копинг-стратегий «планирование» и «поиск социальной поддержки», «избегание». Они значимо коррелируют с показателем «пассивная агрессия»: $r = 0,396$; $p = 0,041$ и $r = 0,401$; $p = 0,038$ соответственно; а также у копинг-стратегий «избегание» и «положительная переоценка». Они значимо связаны с формой агрессии «агрессия в отношениях»: $r = 0,402$; $p = 0,038$ и $r = 0,448$; $p = 0,019$.

Можно предположить, что испытуемые, не страдающие заболеваниями ЖКТ, в конфликтных ситуациях склонны в основном использовать конструктивные копинг-стратегии. Использование ими совладающего поведения в меньшей степени связано с проявлением различных форм агрессии, нежели у испытуемых, страдающих заболеваниями ЖКТ.

Обсуждение результатов

Исходя из полученных результатов можно сказать, что лица с заболеваниями ЖКТ склонны чаще, чем условно здоровые, реагировать негативно на возникшие трудности, а в сложной ситуации склонны намного чаще, чем лица, не страдающие заболеваниями ЖКТ, применять устную агрессию против другого лица. Помимо этого, они чаще применяют агрессию, которая напрямую не связана с объектом агрессии: сплетни, распускание слухов, оскорбления «за спиной» другого человека. Лица с заболеваниями ЖКТ чаще склонны откладывать дела, стремятся избегать прямых конфликтов. При этом они испытывают чувство вины, угрызения совести, могут демонстрировать самоуничижение, стремятся принести себе вред (до самоповреждающего поведения), т.е. направляют агрессию на себя. Отметим, что все вышеперечисленное поведение используется для активной конфронтации с партнерами по общению. То есть лица, страдающие заболеваниями ЖКТ, могут использовать собственное внутренне состояние, точнее его ухудшение, для демонстрации окружающим собственной позиции в сложной ситуации. Важно отметить, что лица, страдающие заболеваниями ЖКТ, пытаются контролировать вспышки негативных эмоций, активно

подавляя их, а в случаях использования различных видов агрессии в отношениях с другими людьми, как правило, берут ответственность на себя, снижая значимость своих переживаний, уменьшая эмоциональную вовлеченность путем обесценивания.

Лица, относящиеся к группе условно здоровых, демонстрируют в целом те же формы агрессивного поведения, но предпочитают прямое взаимодействие с партнерами по общению. Они стремятся в сложных ситуациях планировать решение проблемы, ищут плюсы в сложившейся ситуации, всегда готовы к принятию ответственности за свое поведение и отношения, признают свою роль в случившейся проблемной ситуации и попытках ее решения.

Таким образом, лица с психосоматическими расстройствами ЖКТ и лица, не имеющие таких заболеваний, по-разному переживают проблемные ситуации: лица с психосоматическими расстройствами ЖКТ более склонны к применению неадаптивных копинг-стратегий на общем фоне повышенного уровня агрессивного поведения.

Таким образом, результаты нашего исследования соотносимы с концепцией общих факторов психосоматических заболеваний Л. Лекрона, выводами О.Т. Жузжанова, В.А. Ананьева, Л. Берковица, И.Р. Абитова, В.Д. Менделевич, Т.А. Плешковой, Н.А. Кибиткиной.

Список литературы

1. *Абитов И.Р., Менделевич В.Д.* Особенности совладающего поведения при психосоматических и невротических расстройствах // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. – 2008. – № 4. – С. 1–15.
2. *Александр Ф.* Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение: пер. с англ. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 352.
3. *Ананьев В.А.* Дифференциальная диагностика психосоматических особенностей у больных язвенной болезнью двенадцатиперстной кишки // Психогенные и психосоматические расстройства: тез. науч. конф. Ч. 1. – Тарту, 1988.
4. *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль: учеб. пособие. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – С. 512.
5. *Жузжанов О.Т.* Психосоматические особенности личности больного язвенной болезнью // Клиническая медицина. – 1985. – № 9. – С. 71–76.
6. *Исаева Е.Р., Фещенко М.И.* Психологические механизмы адаптации к стрессу у больных психосоматическими и невротическими связанными со стрессом расстройствами // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Психология. – 2010. – № 27 (203). – С. 91–96.
7. *Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В., Хазова С.А.* Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – Т. 1. – С. 209–211.
8. *Кулаков С.А.* Практикум по психотерапии психосоматических расстройств. – СПб.: Речь, 2007. – 294 с.
9. *Лекрон Л.* Добрая сила (самогипноз). – М., 1992. – С. 63.
10. *Некрасова Е.А.* Краткий справочник по психотерапии. – Ростов н/Д, 2008. – С. 192.

11. Опросник Ассингера [Электронный ресурс] // А. Я. Психология. – URL: http://azps.ru/tests/tests_assinger.html
12. Плешкова Т.А., Кибиткина Н.А. Формирование совладающего поведения у детей младшего школьного возраста с психосоматическим расстройством желудочно-кишечного тракта // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Психология». – 2015. – Т. 8, № 3. – С. 112–119.
13. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология. – СПб., 2012. – С. 336.

УДК 159.923.3:343.82

DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10108

Харламова Татьяна Михайловнакандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы
и конфликтологии*ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, (342) 239-66-30
e-mail: tanyahar@yandex.ru***СМЫСЛ ЖИЗНИ, ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И СВОЙСТВА
ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ
В ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ
(РЕЗУЛЬТАТЫ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА)****Tatiana M. Kharlamova**

Ph. D., Associate Professor at the Department of Social Work and Conflictology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia
e-mail: tanyahar@yandex.ru***VIEWS ON THE MEANING OF LIFE, VALUE ORIENTATIONS AND
PERSONALITY TRAITS OF CONVICTED FELONS INCARCERATED
IN A CORRECTIONAL FACILITY
(RESULTS OF CORRELATION ANALYSIS)**

Аннотация. Представлено исследование смысла жизни, ценностных ориентаций и свойств личности осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии по статьям против личности и против имущества (две выборки по 30 человек, всего 60 респондентов мужского пола). Результаты эмпирического исследования показали, что у испытуемых первой выборки в качестве системообразующих показателей личности выступают аффективность, неудовлетворенность жизнью, отсутствие стабильности в интересах и отношениях, необъективная оценка ситуации, а у испытуемых второй выборки, соответственно, эмоциональная ригидность, нереальные жизненные цели, избегание трудностей, подверженность влиянию случая и обстоятельств. Также установлено, что осужденные по статьям против личности способны дифференцировать жизненные смыслы и ценности, но не склонны принимать их как личностно значимые, а для осужденных по статьям

против имущества смысл жизни является социально и личностно значимым. Обнаружены и другие интересные факты, в том числе наличие стабильного личностного конструкта, не связанного со спецификой противоправных действий осужденных.

Ключевые слова: ценностные ориентации, смысл жизни, личность, осужденные.

Abstract. This article examines the views on the meaning of life, value orientations and personality traits of convicted felons serving sentences in a correctional facility for committing crimes against the person or property crimes (two samples of 30 participants each, for a total of 60 male participants). Results of the empirical investigation revealed that participants in the first sample demonstrated such foundational personality traits as affectivity, dissatisfaction with life, lack of stable interests or relationships, and incorrect assessment of the current state of affairs; meanwhile, participants in the second sample showed emotional rigidity, unrealistic life goals, avoidance of challenge, and susceptibility to the influence of chance or circumstances. Results also indicated that the felons convicted for crimes against the person were capable of differentiating the meaning and values of life but did not consider such concepts to be important at the personal level; in contrast, the felons who committed property crimes considered the meaning of life to be important both at the society level and the personal level. Other important findings are also reported, including the presence of a stable personality construct that is independent of the nature of the crime.

Key words: value orientations, the meaning of life, personality, convicted felons.

Проблема изучения личности преступника сохраняет свою актуальность, что подтверждается стабильным интересом науки и практики к ее исследованию. В контексте нашей работы несомненный интерес представляют труды об особенностях криминальной личности Н.А. Полянина (2015), Ю.М. Антоняна и В.Е. Эминова (2018, 2019), А.М. Киселева и Е.В. Дежуровой (2017), Э.В. Зауторовой (2018), Т.В. Быстровой (2016), А.Ю. Маркова (2014), а также работы о смысловых и ценностных ориентациях осужденных А.А. Калиненко (2012), Е.Ф. Штефана (2018), А.А. Истомина, М.К. Гайдай и Ю.Р. Герасимовой (2013), Е.Л. Сучковой (2015) [1–12], Е.Ш. Ахмедовой (2011), К.С. Тумарова (2010) и многих других.

Например, Н.А. Полянин в статье об опыте применения личностного опросника Р. Кеттелла представил результаты исследования индивидуальных психологических особенностей осужденных мужчин в исправительном учреждении строгого режима [9], а в соавторстве с А.Ю. Марковым – личности осужденного-иностранца [10]. Ю.М. Антонян и В.Е. Эминов в своих монографических трудах представили личность преступника с криминологических и психологических позиций [1, 2]. А.М. Киселев и Е.В. Дежурова рассмотрели специфические личные качества преступника, в том числе ошибочность мышления, в контексте криминального профессионализма [8]. Э.В. Зауторова

выявила такие особенности личности осужденных на пожизненное лишение свободы, как повышенная импульсивность, проблемы с самоконтролем, конфликтность, психопатические черты, некритичность в оценке собственной личности и агрессивное поведение [5]. Т.В. Быстрова сделала исследовательский акцент на жизнестойкости как личностном качестве осужденных различного возраста с длительными сроками отбывания наказания [3].

В свою очередь, А.А. Калинин представил результаты исследования ценностно-мотивационных факторов жизненных предназначений и намерений осужденных с учетом их этнокультурной принадлежности [7]. Е.Ф. Штефан констатировал у осужденных на пожизненное лишение свободы низкий уровень общей осмысленности жизни, его узость и слабую структурированность, малую опосредованность жизненными целями и планами [12]. А в соавторстве с Е.Л. Сучковой рассмотрел проблему психологической коррекции ценностно-смысловой сферы осужденных, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы [11]. А.А. Истомин в диссертационном исследовании представил результаты теоретико-эмпирического изучения структурно-психологических особенностей системы ценностных ориентаций осужденных мужского пола, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях общего и строгого режима содержания [6].

Организация исследования

Целью нашей работы стало изучение ценностных ориентаций, смысла жизни и свойств личности осужденных, отбывающих наказание в мужской исправительной колонии общего режима с приговором по статьям против личности (30 чел.) и против имущества (30 чел.). Всего 60 испытуемых, разделенных на две соответствующие выборки (средний возраст 36,5 лет). В сформированный нами диагностический комплекс вошли: «Стандартизованный многофакторный личностный опросник» Р.Б. Кеттелла (16 РР, № 187, версия А); методика «Ценностные ориентации» Ш. Шварца (ЦО), в адаптации В.Н. Карандышева; тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (СЖО). Первичные данные были подвергнуты обработке с помощью корреляционного анализа (по К. Пирсону) для выявления взаимосвязей исследуемых показателей.

Результаты исследования

Сравнительный анализ взаимосвязей исследуемых показателей позволил установить следующие интересные факты. В выборке осужденных по статьям против личности в качестве системообразующих (имеют наибольшее количество корреляций) выступили показатели процесса жизни (СЖО), универсализма (ЦО) и уровня эмоциональной устойчивости (фактор С по Кеттеллу). В выборке осужденных по статьям против имущества, соответственно, показатели целей в жизни (СЖО), доброты и безопасности (ЦО), эмоциональной устойчивости и социальной доминантности (факторы С и G по Кеттеллу). Можно предположить, что индивидуальные особенности испытуемых первой выборки детерминируются такими психологическими характеристиками, как неудовлетворенность своей жизнью в настоящем, потребности выживания, эмоциональная неустойчивость, легкость развития

аффективной реакции в ответ на слабые и умеренные раздражители, переменчивость в интересах и отношениях, пониженная способность объективно оценивать ситуацию.

В отличие от осужденных по статьям против личности, индивидуальные особенности испытуемых второй выборки детерминируются такими жизненными целями и планами, которые не имеют реальной опоры в настоящем и не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию в будущем, а также мотивами полезности, лояльности, снисходительности по отношению к близкому окружению и безопасности по отношению к себе. Из личностных свойств осужденных по статьям против имущества системообразующими являются эмоциональная ригидность, избегание трудностей, подверженность влиянию случая и обстоятельств, безответственность и неорганизованность. Следует отметить, что данные характеристики, по мнению разных авторов, часто являются детерминантами антисоциального поведения.

Остановимся более подробно на сравнительном анализе выявленных корреляций: общими для обеих выборок являются 18, в том числе 15 положительных и 3 отрицательных. Если абстрагироваться от взаимосвязей внутри методик и сделать акцент на корреляциях показателей разных методик, то можно утверждать, что чем более конформны осужденные по статьям против личности и против имущества, чем более они сдерживают свои негативные социальные наклонности, тем менее доминантны, агрессивны, склонны к бунту и проявлению неуступчивости. Возможна и обратная тенденция: чем менее испытуемым обеих выборок свойственна склонность к сдерживанию действий, которые могут причинить вред другим людям, тем они более властны, самоуверенны и враждебны по отношению к ним (отрицательная корреляция показателей «конформность» – ЦО и «подчиненность – доминантность» – фактор *E* по Кеттеллу, $p \leq 0,01$).

Установлено также, что чем более осужденные стремятся к новизне и глубоким переживаниям с целью поддержания оптимального уровня активности, тем менее они безучастны, скептически и жестки в групповом общении. Соответственно, чем менее испытуемые обеих выборок стремятся к разнообразию и глубине переживаний, тем более они обособлены, критичны и холодны в общении (отрицательная корреляция показателей «стимуляция» – ЦО и «замкнутость – общительность» – фактор *A* по Кеттеллу, $p \leq 0,05$). Факт выявления общих корреляций исследуемых показателей подтверждает наличие стабильного личностного конструкта, не связанного со спецификой противоправных действий осужденных.

Все остальные выявленные взаимосвязи специфичны (в первой выборке – 45, в том числе 29 положительных и 16 отрицательных; во второй выборке – 50, в том числе 29 положительных и 21 отрицательная). Например, рассмотренный выше показатель конформности (ЦО) имеет не только общие для обеих выборок, но и специфичные корреляции. Их наличие позволяет утверждать, что чем более осужденные по статьям против личности следуют требованиям сдерживать собственные негативные социальные действия, тем менее они

склонны к свободе мысли, критическому восприятию действительности, и наоборот, чем менее они конформны, тем более критичны по отношению к существующим общественным институтам и авторитетам (отрицательная корреляция показателей «конформность» – ЦО и «консерватизм – радикализм» – фактор Q1 по Кеттеллу, $p \leq 0,05$).

Для сравнения, чем более конформны испытуемые второй выборки, тем менее они подозрительны, внутренне напряжены, центрированы на неудачах, эгоистичны, и наоборот, чем менее подвержены влиянию со стороны другого человека или группы людей, тем более небрежно относятся к замечаниям в свой адрес, тем выше их самомнение и подозрительность (отрицательная корреляция показателей «конформность» – ЦО и «доверчивость – подозрительность» – фактор L по Кеттеллу, $p \leq 0,01$).

Специфичными являются и корреляции показателя результативности жизни (СЖО) с показателями свойств личности испытуемых. Например, установлено, что чем более высоко осужденные по статьям против личности оценивают пройденный жизненный этап, тем менее они социально опытные, способны к контролю собственных действий, предусмотрительны, и наоборот, чем ниже данные испытуемые оценивают этот отрезок жизни, тем более опытные в анализе собственных мотивов, честлюбивы, осторожны и тем более у них выражена склонность к внутриличностным конфликтам (отрицательная корреляция показателя «результативность жизни» – СЖО с показателями «прямолинейность – дипломатичность» и «самоконтроль личности» – факторы N и Q3 по Кеттеллу, $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$ соответственно).

Для сравнения, чем больше смысла в пройденном отрезке жизни видят осужденные по статьям против имущества, тем менее они самостоятельны в собственных действиях и реалистичны в их оценке, тем менее управляют собственной жизненной ситуацией, тем менее им свойственна эмоциональная зрелость, и наоборот, чем ниже данные испытуемые оценивают результативность прожитых лет, тем более независимо и объективно анализируют обстановку и тем успешнее к ней адаптируются, проявляя эмоциональную устойчивость (отрицательная корреляция показателя «результативность жизни» – СЖО с показателями «самостоятельность» – ЦО и «уровень эмоциональной устойчивости» – фактор C по Кеттеллу, $p \leq 0,001$ и $p \leq 0,05$ соответственно).

Интересным нам представляется и тот факт, что в выборке осужденных по статьям против личности показатели смысложизненных ориентаций наиболее тесно связаны с показателями ценностных ориентаций, а осужденных по статьям против имущества – с показателями свойств личности. Например, в первой выборке системообразующий показатель «процесс жизни» (СЖО) отрицательно коррелирует с такими показателями ценностных ориентаций, как «традиции» ($p \leq 0,05$), «универсализм» ($p \leq 0,001$), «самостоятельность» ($p \leq 0,05$), «стимуляция» ($p \leq 0,05$) и «достижения» ($p \leq 0,05$). Можно предположить, что чем больше данные осужденные видят смысла в своей жизни и чем более они ориентированы на полноценное будущее, тем менее склонны игнорировать социально одобряемые традиции и способы поведения, универсальные

ценности понимания и терпимости, самостоятельность мышления и действий, социальные источники активности и одобрения. Возможна и обратная тенденция: чем менее осужденные по статьям против личности видят смысла в своей настоящей, прошлой и будущей жизни, тем более они игнорируют социальные ценности и традиции, собственную независимость, важность поддержания активности и развития социальной компетентности. По нашему мнению, испытуемые данной выборки способны дифференцировать жизненные смыслы и ценности, но не принимают их как личностно значимые.

Соответственно, в выборке осужденных по статьям против имущества показатель «процесс жизни» (СЖО) отрицательно коррелирует с показателями «уровень эмоциональной устойчивости», «социальная доминантность» (факторы *C* и *G* по Кеттеллу, $p \leq 0,05$) и положительно – с показателем «уверенная адекватность – интрапунитивность» (фактор *O* по Кеттеллу, $p \leq 0,05$). Полученные данные позволяют предположить, что чем более осмысленна жизнь данных испытуемых, тем менее они подвержены влиянию чувств, переменчивы в отношениях и неустойчивы в интересах, тем реже проявляют несогласие с общепринятыми моральными нормами и стандартами, тем менее они беспринципны, безответственны и тем более у них развито чувство долга. Обратная тенденция может проявляться в следующем: чем менее позитивно воспринимают свою жизнь осужденные по статьям против имущества, тем более они эмоционально неустойчивы, тем чаще уклоняются от взаимодействия с близким социальным окружением, тем более игнорируют свои обязанности, демонстрируют антисоциальное поведение и тем менее они склонны к самообвинению.

Следует отметить также, что у осужденных по статьям против имущества в несколько большей степени, чем у осужденных по статьям против личности, выражен адаптивный потенциал, что подтверждается более выраженной тенденцией к амбивалентным вариантам выбора ценностей, жизненных принципов и способов личностного реагирования на изменения в социальном окружении (больше отрицательных корреляций между исследуемыми показателями).

Выводы

1. Психологические особенности осужденных по статьям против личности детерминируются такими системообразующими личностными свойствами, как аффективность, неудовлетворенность жизнью, потребности выживания, отсутствие стабильности в интересах и отношениях, необъективная оценка ситуации. Соответственно, у осужденных по статьям против имущества в качестве личностных детерминант выступают эмоциональная ригидность, нереальные и не подкрепленные личной ответственностью жизненные цели, мотивы снисходительности по отношению к другим и безопасности по отношению к себе, стремление к избеганию трудностей, подверженность влиянию случая и обстоятельств.

2. Психологическое содержание стабильного личностного конструкта, не связанного со спецификой противоправных действий осужденных, носит амбивалентный характер и проявляется в том, что чем более конформны

испытуемые обеих выборок, тем менее агрессивны, неуступчивы, склонны к бунту, и наоборот, чем менее они сдерживают действия, причиняющие вред другим людям, тем более властны, самоуверенны и враждебны. А также чем более осужденные по статьям против личности и против имущества стремятся к оптимальному уровню активности, тем менее они безучастны, скептически, жестки в групповом общении, и наоборот, чем менее они заинтересованы в социальной активности, тем более обособлены, критичны и холодны в общении с другими.

3. Специфика взаимосвязей исследуемых показателей проявляется в том, что осужденные по статьям против личности способны дифференцировать жизненные смыслы и ценности, но не склонны принимать их как личностно значимые. В отличие от них для осужденных по статьям против имущества смысл жизни является не только социально, но и личностно значимым.

4. Установлено также, что чем более конформны испытуемые обеих выборок, тем менее осужденные по статьям против личности склонны к свободе мысли и критическому восприятию действительности, а осужденные по статьям против имущества – тем менее подозрительны, центрированы на неудачах и эгоистичны. При наличии противоположной тенденции чем менее конформны осужденные обеих выборок, тем более осужденные по статьям против личности критичны по отношению к существующим общественным институтам и авторитетам, а осужденные по статьям против имущества – тем более небрежно относятся к замечаниям в свой адрес и тем выше оценивают собственное мнение.

5. Специфика корреляций показателя результативности жизни проявляется в том, что чем более высоко осужденные по статьям против личности оценивают пройденный жизненный этап, тем менее они социально опыты, а осужденные по статьям против имущества – тем менее эмоционально зрелы, и наоборот, чем ниже оценивается этот отрезок жизни, тем более честолюбивы, осторожны и склонны к внутриличностным конфликтам осужденные по статьям против личности и тем более эмоционально устойчивы, адаптивны осужденные по статьям против имущества.

Результаты исследования и сформированный нами диагностический комплекс будут интересны специалистам в области дифференциальной, превентивной и пенитенциарной психологии.

Список литературы

1. *Антонян Ю.М., Эминов В.Е.* Личность преступника. Криминологическое исследование: моногр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 368 с.
2. *Антонян Ю.М., Эминов В.Е.* Портреты преступников: криминологический анализ: моногр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 240 с.
3. *Быстрова Т.В.* Особенности жизнестойкости осужденных различного возраста с длительными сроками отбывания наказания // Материалы II Междунар. науч. конф. «Психология: традиции и инновации» (март 2016 г., г. Самара). – Самара: АСГАРД, 2016. – С. 45–48.

4. *Гайдай М.К., Герасимова Ю.Р.* Ценностные ориентации осужденных к лишению свободы // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2013. – № 14. – С. 88–92.
5. *Зауторова Э.В.* Особенности личности осужденных, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы // Образование и наука в России и за рубежом. – 2018. – № 9 (44). – С. 48–52.
6. *Истомин А.А.* Система ценностных ориентаций осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06. – Рязань, 2011. – 220 с.
7. *Калиненко А.А.* Смыслжизненные ориентации осужденных пенитенциарных учреждений, находящихся в условиях длительной социальной депривации // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения (Новосибирск). – 2012. – № 26. – С. 188–122.
8. *Киселев А.М., Дежурова Е.В.* К вопросу об особенностях личности профессионального преступника // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Воспитательная, социальная и психологическая работа в уголовно-исполнительной системе». – 2017. – Ч. 1. – С. 78–80.
9. *Полянин Н.А.* Опыт применения опросника Кеттелла в исправительном учреждении строгого режима // NOVAINFO.RU. – 2015. – Т. 1, № 35. – С. 259–264.
10. *Полянин Н.А., Марков А.Ю.* Некоторые особенности личности осужденного-иностранца // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 4. – С. 101–106.
11. *Сучкова Е.Л., Штефан Е.Ф.* Психологическая коррекция ценностно-смысловой сферы осужденных, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление (Вологда). – 2015. – № 1 (29). – С. 58–62.
12. *Штефан Е.Ф.* Смыслжизненные ориентации осужденных, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление (Вологда). – 2018. – № 4 (44). – С. 127–133.

РАЗДЕЛ 4. ПУБЛИКАЦИИ МАГИСТРАНТОВ. НАПРАВЛЕНИЕ «ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА». К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 159.947.5:378.14

DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10109

Димухаметова Анна Сергеевна

магистрант кафедры психологии и педагогики, 1-й курс

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия*

614990, Пермь, Сибирская, 24, (342) 215-19-40 (доб. 409)

e-mail: annadimukhametova@yandex.ru

ПЕРФЕКЦИОНИЗМ В СВЯЗИ С УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИЕЙ И УЧЕБНОЙ УСПЕШНОСТЬЮ У СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ ПРОФИЛЕЙ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Anna S. Dimukhametova

Master's Student of the Department of Pedagogy and Psychology, 1st year

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education

«Perm State Humanitarian Pedagogical University»

24, Sibirskaya, 614990, Perm, Russia

e-mail: annadimukhametova@yandex.ru

PERFECTIONISM IN THE RELATIONSHIP BETWEEN ACADEMIC MOTIVATION AND ACADEMIC SUCCESS OF STUDENTS OF VARIOUS PROFILES (TO THE PROBLEM STATEMENT)

Аннотация. Представлен теоретический анализ феномена «перфекционизм» и мотивации достижения, рассматривается их взаимосвязь и влияние на учебную успешность студентов вуза. Методологической основой исследования является дифференциально-психологический подход к перфекционизму, представленный в работах ряда ученых (Н.Г. Гаранян, А.А. Золотарева, А.Б. Холмогорова, Д. Хамачек и др.). Особый вклад в теоретико-методологические основания исследования внесли интегративно-системные представления о перфекционизме, реализованные в идеях Н.Г. Гаранян, П. Хьюитта, Г. Флетта, С.Н. Ениколопова и др.

Ключевые слова: перфекционизм, мотивация достижения, академическая успешность.

Abstract. In the framework of this article, a theoretical analysis of the phenomenon of perfectionism and achievement motivation is carried out, their relationship and impact in the academic success of university students is examined. The methodological basis of the study is based on the differential psychological

approach, represented by the ideas of (N.G. Garanyan, A.A. Zolotareva, A.B. Kholmogorova, D. Hamachek, etc.). A special contribution to the theoretical and methodological foundations of the study was made by the integrative-systemic ideas about perfectionism, implemented in the ideas of N.G. Garanyan, P. Hewitt, G. Fletta, S.N. Enikolopova and etc.

Key words: perfectionism, achievement motivation, academic success.

В настоящее время возрастает интерес к понятию «перфекционизм». Это обусловлено особенностями современного общества. Влияние социально-экономических и культурных факторов, среди которых отмечаются возрастание требований социума к молодым людям, которых хотят видеть активными, конкурентоспособными людьми, ориентированными на достижение успеха во всех жизненных сферах, может приводить к проявлению перфекционистских тенденций [1]. В данной связи феномен «перфекционизм» стал важным предметом исследования среди зарубежных и отечественных ученых (А.Б. Гаранян, А.А. Низовцева, Н.Г. Холмогорова, Д. Хамачек и др.).

Детерминанты этого явления, по мнению ученых, могут развиваться еще в детском возрасте (Д. Хамачек). Студенческий период может являться плодотворной почвой для развития данной личностной особенности, это связано со стремлением становиться успешнее, добиваться лучших результатов в деятельности.

Актуальность нашего исследования связана с тем, что в современных работах перфекционизм мало изучен в контексте мотивации достижения, поскольку ранее изучался с позиций когнитивного подхода или теории личностных черт [2]. Также немногочисленны исследования о взаимосвязи перфекционизма с мотивацией достижения и успеваемостью в студенческой среде. Это позволяет выявить противоречие между необходимостью теоретического изучения взаимосвязи перфекционизма и мотивации достижения и его недостаточной исследованностью в теории и практике психологической науки.

Особый интерес в рамках нашей исследовательской работы представляет рассмотрение феномена перфекционизма в контексте мотивации достижения и учебной успешности в период студенческой жизни. Поскольку студенты, руководствуясь мотивом достижения, ставят для себя сложные задачи и цели, стараясь решить их наиболее эффективно, опираясь на высокие требования и личные стандарты. При этом мотивация достижения в учебе и желание осуществлять свою деятельность как можно лучше, ориентируясь на высокие, а иногда и завышенные критерии качества и личные стандарты, может быть связана с перфекционизмом.

Вышесказанное определило цель эмпирической части настоящей работы: выявление перфекционистских тенденций среди студентов факультета физической культуры и филологического факультета. Выбор двух групп студентов в качестве исследуемых выборок связан с тем, что представители данных факультетов имеют существенные отличия, связанные с различиями в стремлениях к достижению. У студентов-филологов достижения

обеспечиваются умственной деятельностью, у студентов факультета физической культуры – не только умственной, но и спортивной деятельностью.

Для решения поставленных задач нами подобран комплекс методов, включающий теоретические методы, такие как анализ научной литературы, синтез, классификацию. Также в перспективе дальнейшего исследования, которое планируется осуществить в рамках выпускной квалификационной работы, будут включены эмпирические методы, предполагающие тестирование с помощью психологических методик, методы статистической обработки первичных результатов и математическая обработка данных.

Термин «перфекционизм» образован от латинского *perfectio* – абсолютное совершенство. В современной психологической науке перфекционизм связывают с мотивацией достижения. В определение перфекционизма включают стремление субъекта к совершенству, высокие личные стандарты, потребность в совершенствовании собственной деятельности.

Изначально проблема перфекционизма привлекала внимание зарубежных и отечественных авторов в контексте невротического стремления личности к совершенству (Д. Бернс, М. Холендер, П. Хьюитт, Г. Флетт, Н.Г. Гаранян и др.). Позже эта проблема стала выходить за рамки психиатрии и клинической психологии, становясь предметом рассмотрения психологии личности. Д. Хамачек, основываясь на клиническом опыте, одним из первых применил типологический подход, выделив два типа перфекционизма: нормальный и патологический. В последнее время появляется все больше исследований, которые опираются на работы Д. Хамачека и в которых рассматриваются не только патологические, но и нормальные аспекты перфекционизма (А.А. Золотарева, В.А. Ясная, С.Н. Ениколопов и др.).

Границы исследовательского поля, связанного с проблематикой диагностики перфекционизма, расширила в своей работе А.А. Золотарева. Автор дифференцировала «нормальный» и «патологический» перфекционизм как независимые характеристики личности, с разным соотношением и характеристиками саморегуляции, психологического благополучия личности и другими психологическими переменными [4].

На основании работ современных зарубежных и отечественных авторов в нашем исследовании мы придерживаемся мнения о существовании двух форм перфекционизма: нормальной (конструктивной) и патологической (деструктивной). Патологическая форма перфекционизма связана с нарушением саморегуляции личности, проявляющейся в чувстве недовольства и разочаровании в себе, чрезмерной критике своего поведения. В то время как нормальная форма выступает в качестве психологического ресурса, отражающего стимул личности к совершенству и непрерывному саморазвитию, признанию собственных возможностей и ограничений.

Теоретический анализ работ (Д. Атkinson, Х. Хекхаузен, Е.Т. Соколова, П.В. Цыганкова и др.), связанный с мотивационной деятельностью личности, показал, что мотивация достижения имеет потребность в достижении высоких результатов в разных сферах деятельности (в том числе и учебной), целью которой является достижение результата, измеряемого по критерию

успешности, в связи с чем ее можно рассматривать в качестве одного из компонентов перфекционизма.

Представления о содержании и структуре мотивации достижения в учебной сфере деятельности разрабатывались в работах Т.О. Гордеевой. Согласно Т.О. Гордеевой, мотивация учебной деятельности включает в себя не только мотивы, цели, но и стратегии реагирования на неудачи, настойчивость, когнитивные составляющие механизмы. Автор отмечает, что ориентация на результативность, на успех, уверенность человека в себе, осознание ценности любого дела, настойчивость в достижении целей, самокритичность и самостоятельность связаны с высокой внутренней мотивацией личности [3].

Таким образом, на основании анализа научных мнений мы делаем вывод, что личностный фактор перфекционизма у студентов может иметь нормальные (здоровые) проявления, если он соотносится с высоким мотивом к достижению успеха, с положительным отношением к деятельности, уверенностью в ситуациях конкуренции и в целом с позитивными характеристиками. Патологические проявления мы связываем с высоким уровнем перфекционизма в сочетании с низкой мотивацией достижения, выраженным мотивом к избеганию неудачи в деятельности, повышением напряженности, снижением уверенности в себе и нарушениями саморегуляции. Соответственно, высокие академические достижения и успешность в учебе могут быть связаны со здоровой формой перфекционизма, высокой внутренней мотивацией, проявляющейся в конструктивном стремлении к совершенствованию деятельности, и позитивным самоотношением личности.

Для практического подтверждения наших выводов мы планируем проведение эмпирического исследования в рамках выпускной квалификационной работы с обозначенной выборкой студентов разных профилей.

Список литературы

1. Биктина Н.Н., Дикарева Ю.Н. К вопросу проявления перфекционизма в студенческом возрасте // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2017. – Т. 6, № 1 (18).
2. Гаранян Н.Г., Низовцева А.А. Структура мотива достижения у студентов с разным уровнем перфекционизма [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование: электрон. науч. журн. – 2012. – № 1. – URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n1/50229.shtml
3. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. – М.: Смысл, 2006. – 336 с.
4. Золотарева А.А. Диагностика индивидуальных различий перфекционизма личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2012.

УДК 159.922.72:37.018.26

DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10110

Куклина Нина Андреевна

магистрант кафедры педагогики и психологии, 1-й курс

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия**614990, Пермь, Сибирская, 24, (342) 215-18-76 (доб. 418)**e-mail: ninasonina2012@yandex.ru***ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ, ПСИХОЛОГА И КЛАССНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ****Nina A. Kuklina**

Master's Student of the Department of Pedagogy and Psychology, 1st year

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education**«Perm State Humanitarian Pedagogical University»**24, Sibirskaya, 614990, Perm, Russia**e-mail: ninasonina2012@yandex.ru***FORMATION OF VALUABLE RELATIONS OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN IN JOINT ACTIVITIES OF PARENTS, PSYCHOLOGIST AND CLASSROOM TEACHER**

Аннотация. Рассматриваются особенности воспитания у младших школьников ценностных отношений, а также формы организации совместной деятельности семьи, психолога и учителя начальной школы.

Ключевые слова: ценностные отношения, семейные ценности, нравственное развитие, младший школьный возраст, воспитание.

Abstract. This article discusses the features of educating young schoolchildren of value relationships, as well as the forms of organizing joint activities of the family, psychologist and primary school teacher.

Key words: value relations, family values, moral development, primary schoolchildren, upbringing.

В настоящее время одной из приоритетных задач и важнейшей составляющей школьного образования в Российской Федерации является формирование ценностных отношений и нравственное развитие личности учащихся младших классов, особенно это касается семейных ценностей [1].

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года определила приоритетной задачей в сфере воспитания детей

в Российской Федерации развитие высоконравственной личности. При этом в качестве одной из целей Стратегия предусматривает поддержку семейного воспитания путем содействия укреплению семьи и защиты приоритетного права родителей на воспитание детей перед всеми иными лицами, а также создание условий для просвещения и консультирования родителей по правовым, экономическим, медицинским, психолого-педагогическим и иным вопросам семейного воспитания [2].

Ценности играют важную роль в человеческой жизни, выступая важнейшим фактором, определяющим мотивацию личности. Существуют разные точки зрения и разные подходы ученых на то, что считать ценностью, так как одно и то же явление или предмет может иметь различные свойства. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. ценности стали предметом изучения не только ученых-философов, но и социологов, психологов, педагогов. Так, советский и российский педагог В.А. Караковский из всего спектра общечеловеческих ценностей выделяет восемь, таких как: человек, семья, труд, знания, культура, Отечество, Земля, мир, и показывает их значение для содержания и организации воспитательного процесса [5, с. 2].

В Концепции духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России среди ведущих национальных ценностей названы: патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, труд и творчество, наука, традиционные российские религии, литература и искусство, природа, человечество [3]. При этом в данном документе подчеркивается, что базовые национальные ценности лежат в основе целостного пространства духовно-нравственного развития и воспитания школьников.

В проекте Примерной программы воспитания школьников, разработанной коллективом Института стратегии развития образования РАО, подчеркивается, что выделение данного приоритета связано с особенностями детей младшего школьного возраста: с их потребностью самоутвердиться в своем новом социальном статусе – статусе школьника, т.е. научиться соответствовать предъявляемым к носителям данного статуса нормам и принятым традициям поведения. Такого рода нормы и традиции задаются в школе педагогами и воспринимаются детьми именно как нормы и традиции их поведения. Знание тех норм и традиций, которые передает детям учитель, станет базой для развития социально ценных отношений школьников при условии, что знание будет принято ребенком, пережито на эмоциональном уровне и закреплено в поведении. А это возможно только при условии совместной деятельности семьи, психолога и учителя начальных классов.

Семья как ценность занимает ведущее место. И это не случайно, поскольку ценности личности формируются прежде всего в семье. Вместе с тем в Концепции подчеркнуто: наиболее системно, последовательно и глубоко духовно-нравственное развитие и воспитание личности происходят в сфере общего образования, где развитие и воспитание обеспечено всем укладом школьной жизни.

Таким образом, воспитание «высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного будущего гражданина России»

невозможно без совместных целенаправленных действий семьи и школы (психолога и классного руководителя) по воспитанию ценностных отношений. Семья – это самый важный социальный институт, в который человек «вступает» с рождения. Формирование личностных ценностей человека происходит в течение всей жизни, но именно в семье каждый получает первый жизненный опыт и осваивает первые социальные роли. Суть творческого взаимодействия классного руководителя и семьи заключается в том, что обе стороны должны быть заинтересованы в раскрытии и развитии в ребенке лучших качеств и свойств [6, с. 3]. И здесь, на наш взгляд, необходимо решить две задачи: сформировать ценностное отношение к семье, которое, согласно Концепции, включает в себя любовь и верность, здоровье, достаток, уважение к родителям, заботу о старших и младших, заботу о продолжении рода, а затем создать условия для активной роли семьи в формировании ценностных отношений к Родине, труду, природе и т.д. В проекте Примерной программы воспитания школьников определен круг качеств, которые связаны с формированием ценностного отношения детей младшего школьного возраста к семье: быть любящими, послушными и отзывчивыми сыном или дочерью, братом или сестрой, внуком или внучкой; уважать старших и заботиться о младших членах семьи; выполнять посильную для ребенка домашнюю работу, помогая старшим.

С целью изучения уровня сформированности семейных ценностей и значимости семьи в жизни младшего школьника мы разработали карту педагогических наблюдений и определили три уровня сформированности ценностных отношений у школьников экспериментального класса к семье. В соответствии с характеристиками уровней провели опрос 20 школьников третьего класса по теме «Я и моя семья». Анкета состояла из 20 вопросов.

В результате обработки ответов выяснилось, что у 14 учеников сформированы такие семейные ценности, как почитание родителей, уважение старших, забота о младших. Например, на вопрос, часто ли вы слушаетесь своих родителей, 16 учащихся ответили, что слушаются практически всегда, и только 4 – иногда. Анализ ряда ответов показал, что 15 школьников в целом положительно оценивают свою семью, а 2 ученика чувствуют себя в семье отверженными. Только 13 учеников хотели бы, чтобы их будущая семья была похожа на ту, в которой они воспитываются. В четырех семьях школьники имеют средний уровень сформированных семейных ценностей: в целом существуют взаимопонимание и взаимопомощь в семье, но такие ценности, как забота о членах своей семьи, стремление внести свой вклад в создание благоприятной атмосферы в семье, переживание ответственности за старших и младших ее членов, проявляются не всегда. Такие дети достаточно благополучно чувствуют себя в семье, однако бывают разногласия и непонимание, конфликты с отстаиванием своих интересов. Эти дети по большей части ориентированы на получение удовольствий и не готовы нести груз ответственности за свою семью и ее членов. Так, у четырех из 20 опрошенных учащихся нет желания выполнять домашние обязанности: мыть полы и посуду, выносить мусор и т.д.; два ученика неохотно помогают родителям приглядывать за младшими и без желания выполняют другие свои

обязанности в семье. Низкий уровень сформированности семейных ценностей имеют 2 ученика, в этих семьях дети чувствуют себя некомфортно, отсутствует поддержка и сопровождение со стороны родителей, между членами семьи нет доверительных отношений. Наши наблюдения демонстрируют следующее: семья воспринимается этими детьми как враждебная среда, пребывание в которой для них невыносимо. В подобных ситуациях ведущая роль в решении проблем принадлежит психологу. Опираясь на сотрудничество с психологом, классный руководитель должен особое внимание уделить семьям, в которых наблюдается низкий уровень сформированности семейных ценностей. Психолог с этими семьями ведет индивидуальную работу: консультирует, анализирует возникающие проблемы, помогает родителям их конструктивно решать.

При этом следует отметить, что мощное воспитывающее и социализирующее влияние, причем не всегда позитивное, оказывают на младших школьников средства массовой информации. Поэтому первостепенная задача педагога и родителей – не просто дать набор ценностей, а помочь ребенку их осмыслить, принять основные (общечеловеческие) как собственные жизненные регуляторы и научиться использовать их практически.

Основной педагогической целью по формированию ценностных отношений у детей младшего школьного возраста является воспитание нравственного, ответственного, инициативного и компетентного будущего гражданина России [4, с. 442].

Исходя из этого одна из важнейших задач учителя начальных классов – способствовать формированию ценностного отношения к семье и гражданскому обществу в целом, единению, сплоченности, установлению взаимопонимания в семье и школе, воспитывать ответственность, законопослушность, создавать комфортные, благоприятные условия для развития ребенка, фундаментом которых выступают нравственные ценности. Учитель во взаимодействии с психологом должен поддерживать стремление детей во всем разобраться, помогать им в выборе правильной оценки взаимоотношений людей, их связей друг с другом, с обществом, правильно понимать и оценивать такие понятия, как благо, добро и зло, долг и ответственность, честь и счастье. Основная проблема в этой связи: как, в каких формах и через какое содержание должна быть организована совместная деятельность родителей, детей и педагогов по формированию ценностных отношений к семье. Именно это отношение мы считаем фундаментом духовно-нравственного воспитания и развития в этот возрастной период.

Прежде всего, на наш взгляд, учителем должна быть разработана система классных часов по формированию ценностных отношений к семье. На этих классных часах дети будут осмысливать такие понятия, как любовь, долг, верность, забота, ответственность, доброта и т.д. В их подготовке и проведении активное участие примут родители и другие члены семьи. Классный руководитель организует обмен опытом создания в семьях традиций, связанных с семейными ценностями, психолог проведет индивидуальные консультации и поможет родителям проанализировать представленный опыт. Важно, чтобы дети в совместной с родителями деятельности под руководством учителя не просто поняли значимость семейных ценностей в жизни человека, но и пережили и приняли их.

Труд – основа человеческого бытия и одна из наиболее значимых ценностей. Воспитание ценностного отношения к труду – важная задача школы и семьи. Труд, будучи общей ценностью, становится в свою очередь средством развития ценностных отношений к семье. Если трудовое воспитание будет включено в педагогическую систему, то воздействие на развивающуюся личность будет богаче, эффективнее. С этой целью важно организовать совместный с родителями и педагогом труд детей. Это могут быть совместные проекты по благоустройству школьной или придомовой территории, волонтерская деятельность по созданию зон отдыха и многое другое. Важно, чтобы дети получили удовольствие от совместной с родителями и учителем деятельности, пережили радость успеха. Только в этом случае мы создаем условия для формирования ценностного отношения к труду.

Для формирования ценностных отношений у школьников младших классов в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года планируется поддержка создания семейных клубов, клубов по месту жительства, семейных и родительских объединений, которые будут содействовать укреплению семьи, сохранению и возрождению семейных и нравственных ценностей с учетом роли религии и традиционной культуры местных сообществ. Духовное и нравственное воспитание детей в семье на основе российских традиционных ценностей должно осуществляться за счет развития у детей нравственных чувств: чести, долга, справедливости, милосердия и дружелюбия; формирования выраженной в поведении школьника нравственной позиции [2]. С этой целью важно организовать в классе совместную содержательную деятельность педагога, родителей и детей, создать условия для диалога, нравственного осмысления детьми опыта старших поколений. Это могут быть круглые столы, брейн-ринги, интеллектуальные игры, праздники и т.д.

Таким образом, младший школьный возраст является началом важного и ответственного периода развития нравственных качеств. Семья и школа закладывают в каждого ребенка базу норм, правил и ценностей: первые привычки, первые навыки общения, начало понимания ребенком нормы поведения, структуры отношений к себе и к окружающим. Формирование ценностных ориентаций учащихся, системы их установок и убеждений не может происходить с помощью авторитарного навязывания мнения педагога, оно должно строиться на взаимном сотрудничестве и заинтересованности общим делом. Поэтому для принятия ценностей младшим школьником важно создание системной организации различных видов нравственно и ценностно ориентированной деятельности в тесном взаимодействии родителей, учителя (классного руководителя) и психолога.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп. от 06.02.2020 г. № 10-ФЗ) // Российской газета. – 1996. – № 17.

2. Российская Федерация. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – URL: <http://garant.ru>products/ipo/prime/doc/70957260>

3. Российская Федерация. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 35. – Ст. 4811.

4. Слизкова Е.В., Шарайкина А.Н. Формирование ценностных отношений у младших школьников в воспитательном процессе начальной школы // Концепт: науч.-метод. электрон. журн. – 2013. – Т. 7, № 25. – С. 441–445.

5. Ценности и смыслы системы Караковского: диалог с современностью // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2017. – № 1.

6. Шишлянникова С.А. Роль классного руководителя в воспитании и обучении детей младшего школьного возраста [Электронный ресурс]. – URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/vospitatelnaya-rabota/2013/08/29/rol-klassnogo-rukovoditelya-v-vospitanii-i>

УДК 37.018.26:316.356.2-058.8
DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10111

Меньшакова Татьяна Юрьевна

магистрант кафедры педагогики и психологии, 1-й курс

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Сибирская, 24, (342) 215-18-76 (доб. 418)
e-mail: tanya.menshakova.77@mail.ru*

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Tatiana Y. Menshakova

Master's Student of the Department of Pedagogy and Psychology, 1st year

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaya, 614990, Perm, Russia
e-mail: tanya.menshakova.77@mail.ru*

THE MAIN APPROACHES TO THE ORGANIZATION OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE FORMATION OF FAMILY VALUES OF A YOUNG FAMILY

Аннотация. Рассматривается деятельность детско-родительского сообщества – семейного клуба, созданного в МАОУ «Усть-Качкинская средняя школа» с. Усть-Качка Пермского муниципального района, его роль в формировании семейных ценностей молодой семьи. Проанализированы особенности организации проектной деятельности в рамках семейного клуба, в осуществлении которой принимают активное участие родители, дети и педагоги. Особое внимание уделяется анализу результативности деятельности семейного клуба.

Ключевые слова: семья, семейный клуб, детско-родительское сообщество, педагогическая компетентность родителей, традиции.

Abstract. The article reviews the activities of the community of children and parents – a family club established in Ust-Kachka secondary school in Ust-Kachka (Perm municipal district), its role in the formation of family values of a young family. The article analyzes the features of organizing project activities within the family club, in which parents, children and teachers take an active part. Special attention is paid to the analysis of effectiveness of performance of the Family club.

Key words: family, family club, community of children and parents, parent's pedagogical competence, traditions.

Семья – один из важнейших социальных институтов, который образует, по определению С.Л. Соловейчика, «базовое предусловие функционирования социума, благодаря физическому и социокультурному замещению поколений, посредством рождения детей и поддержания существования всех членов семьи» [12]. Известный психолог С.Л. Рубинштейн утверждал, что «без семьи, без воспроизводства населения и семейной социализации потомства невозможно восполнение всех социальных институтов, обеспечение социальной жизни» [11].

Семья и как социальный институт, и как малая социальная группа исследовалась многими учеными, как зарубежными, так и отечественными. В изучение семьи большой вклад внесли такие отечественные психологи и педагоги, как А.И. Антонов, П.И. Бабочкин, Н.Н. Замотина, П.Р. Костин, А.М. Черемизов, С.В. Холодов и др. [2–6, 10, 13, 14].

Одна из наименее исследованных проблем – это возможность психолого-педагогической поддержки семей через клубные объединения, где восполняется недостаток общения членов семьи друг с другом и с другими семьями, формируются нравственные выборы и семейные ценности. И все это происходит в активном, деятельностном взаимодействии взрослых и детей при участии психолога как модератора и координатора этого взаимодействия.

Семейными ценностями можно считать систему духовно-нравственных и морально-этических норм конкретной семьи, которые регламентируют не только взаимодействие между ее членами, но и их поведение в обществе [7–9].

Для каждой стадии развития семьи характерна особая структура отношений, уклад и образ жизни. Каждый период характеризуется своими задачами, своими типичными проблемами. Любое нарушение благоприятного течения стадий семейного цикла с неизбежностью ведет к возникновению кризисной ситуации. Специфические задачи должны быть решены своевременно и в полном объеме. Только тогда семейная система сформирует собственные ценности и естественным образом передаст их детям.

Именно в эти периоды семьям как никогда необходима поддержка в виде общения с другими семьями, обмен опытом, проведение общих мероприятий, сближающих членов семьи, снимающих напряжение, позволяющих по-новому увидеть друг друга, и форма семейного клуба органично и эффективно позволяет осуществить поддержку и расширить опыт создания семейных ценностей и передачи их детям.

Если в процессе семейного консультирования с профессиональным психологом семья решает проблемы, но при этом находится в положении пассивного, ведомого участника, то при общении в кругу таких же семей часть проблем находит решение естественным путем, часть – просто исчезает, определенные пути решения молодая семья может позаимствовать из опыта своих знакомых, с которыми тесно общается.

Исходя из этого можно сформулировать основные задачи, которые должны решаться в процессе психологической поддержки молодой семьи.

1. Преодоление кризисной ситуации, когда супругам необходимо осознать, что проблемы и кризисы в семейной жизни имеют определенные закономерности, лежащие в основе супружеских отношений, и следует проявлять терпение, уважение друг к другу, понимание и тем самым избегать опрометчивых поступков и решений.

2. Расширение информированности о закономерностях супружеских отношений, межличностном общении; формирование системы взаимодействия с детьми на основе взаимоуважения и уважения к личности ребенка; формирование семейных традиций и ритуалов.

3. Нарботка навыков бесконфликтного общения, формирование умения конструктивно разрешать конфликты в рамках совместной деятельности, в том числе и с ребенком.

4. Привлечение семьи к осуществлению психологической поддержки других семей, вовлечение в дальнейшую работу в качестве инициативной группы в рамках деятельности семейного клуба.

Согласно словарю В.И. Даля, клуб – «это собрание, постоянное общество, которое собирается в особом помещении для беседы и увеселений» [1]. Семейный клуб демократичен, в нем есть место как молодым семьям, так и семьям с большим стажем. Такое разнообразие позволяет создать уникальную культурную среду для реализации потребностей в общении и для передачи ценного практического опыта.

Все это делает клубную деятельность доступной и эффективной формой организации информационно-консультационной работы, в первую очередь с молодыми семьями. Именно программы клубной деятельности позитивной направленности способствуют сплочению молодых семей, позволяют задействовать мощный фактор взаимной психологической поддержки и являются одной из самых привлекательных форм мотивации на последующую профилактическую и коррекционную работу.

Семейный клуб «Счастливы вместе» организован по инициативе активной семейной группы при Усть-Качкинской средней школе и при методической поддержке АНО «Институт поддержки семейного воспитания» совместно с ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет». Это детско-родительское сообщество учащихся 5 «в» класса с участием социального педагога и классного руководителя.

Основное направление деятельности клуба – организация клубных встреч, конференций для молодых родителей, семинаров, выставок, семейных конкурсов, культурно-развлекательных мероприятий и экскурсий.

Основными целями деятельности клуба являются укрепление престижа института семьи и семейных ценностей, воспитание у обучающихся духовности и нравственности, уважения к российским традициям супружества, формирование родительских качеств, пропаганда здорового образа жизни.

Ключевая стратегия участников клуба – создание гармоничных родительно-детских отношений, развитие личности ребенка, его психоэмоционального благополучия через формирование и выбор семейных ценностей и разнообразную, содержательную по формам совместную семейную деятельность.

Цели и задачи деятельности клуба достигаются путем выполнения следующих функций:

- создание системы обмена информацией и общения членов клуба;
- создание условий для воспитания у обучающихся ценностного отношения к семье;
- создание образовательного, исследовательского, проектного и культурного сотрудничества семей, входящих в состав клуба;
- профессиональная, психологическая, творческая, юридическая и личностная поддержка членов клуба, создание условий для их самореализации, развития в них инициативности, креативности, партнерского отношения друг к другу;
- представление на всех уровнях интересов членов клуба;
- обеспечение возможности участия членов клуба и других заинтересованных лиц в различных мероприятиях.

Среди наиболее эффективно зарекомендовавших себя форм работы клуба необходимо отметить клубные встречи, конференции, лекции, семинары, психологические тренинги, выставки, информационные стенды, викторины, конкурсы, культурно-развлекательные мероприятия во время государственных и национальных праздников, диспуты, беседы, дебаты, экскурсии.

Формирование семейных ценностей в рамках клубной работы происходит через разработку и реализацию проектов, участие в которых принимают и дети, и родители. При этом происходит обмен ценностными выборами между семьями – участниками клуба и таким образом обогащаются семейные традиции, возникают новые традиции и ритуалы, способствующие укреплению семьи и формированию семейных отношений на основе уважения и взаимопонимания всех членов семьи.

Семьи – участники клуба за 2019 г. провели круглый стол на тему «Наши семейные традиции», который своей прямой целью ставил возрождение и развитие семейных традиций, создание среды, дружественной детям, благоприятной для развития семьи и семейных отношений. Данное мероприятие позволило семьям-участникам обменяться опытом; проект «Счастливые истории», в рамках которого члены клуба должны были рассказать о семейных традициях, создать и представить видеоролик о своей семье, положил начало формированию семейного архива в клубе. Участвуя во Всероссийской акции «Я помню, я горжусь», посвященной 75-летию Победы, родители и дети собрали материал о своих родственниках – участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла и оформили его на стенде школы, показав тем самым, насколько важно чтить память предков и свою историю.

Проект «Семейная мастерская», на котором был проведен мастер-класс по изготовлению талисмана – оберега семьи, дал возможность детям, родителям и другим членам семьи более старшего поколения продемонстрировать изобретательность, чувство сплоченности и уважения друг к другу и зародил еще одну семейную традицию.

Все это позволяет осуществлять более тесное взаимодействие молодых семей, а также воспитывать чувство гордости за свою семью, увеличивать привлекательность форм совместной семейной деятельности.

Семьи объединились для реализации проектов проведения дней здоровья, конкурса «Папа, мамочка и я – мы здоровая семья» и квест-игры «Здоровым быть здорово», определив для себя одну из важнейших семейных ценностей, оказывающих благоприятное влияние на развитие детей, – следование принципам здорового образа жизни.

Круглый стол – одна из наиболее эффективных форм работы клуба, так как дает возможность интерактивного взаимодействия участников, позволяет в деятельностном режиме получать новые навыки семейного общения и закладывать семейные традиции уважения взрослых и детей. «Кто в семье главный» – эта тема одна из актуальных для семьи, так как процессы феминизации, социального и статусного перераспределения ролей в семье нарушают гармонию отношений, поэтому актуально восстановление такой ценности, как выполнение ролевых семейных функций, в которых каждый член семьи на определенном этапе может быть «главным».

По мнению участников клуба, такие виды деятельности очень эффективно способствуют появлению и развитию семейных ценностей: чувству общности, сплочения семьи, повышают чувство гордости детей за своих родителей и представителей старшего поколения, учат молодых родителей взаимодействию со своими детьми и между собой на основе учета и уважения желаний и выборов членов семьи.

В целом все проводимые мероприятия учат молодую семью позитивному общению, формируют чувство удовольствия от совместной деятельности, от общественно полезного, активного времяпровождения, от здоровых форм досуга и, что крайне важно, убедительно показывают, что семейные ценности укрепляют семью, развивают отношения и увеличивают привязанность и уважение детей к родителям и старшим членам семьи.

Таким образом, анализ работы семейного клуба «Счастливы вместе» с. Усть-Качка Пермского края, наблюдения за деятельностью участников клуба и данные проведенного анкетирования показали, что деятельность семейного клуба результативна: выросло количество участников клуба от 12 человек в самом начале деятельности до 25; важным фактором является присутствие в числе участников молодых пап; выросла активность участия родителей в общешкольных мероприятиях, что в свою очередь повлияло на повышение активности и инициативности детей в рамках классного коллектива и школы. Родители также отмечают, что снизилось количество конфликтов между супругами и между родителями и детьми, повысился уровень педагогической компетентности родителей.

На основе полученных данных можно сделать вывод, что в основе работы семейного клуба «Счастливы вместе» лежит активное взаимодействие как внутрисемейного типа, так и формирование новых навыков межличностного взаимодействия молодых семей друг с другом. В результате деятельности клуба формируются новые взаимоотношения внутри семьи, между родителями, между родителями и детьми, повышается педагогическая компетентность родителей, психологическая комфортность в семье, развитие ребенка становится частью развития самой семьи. Повышается мотивация к участию

в деятельности клуба как взрослых, так и детей. Все это основывается на принятии и выборе семейных ценностей, таких как уважение, признательность друг к другу, бережное отношение к личности каждого члена семьи, желание как можно больше времени проводить в семейном взаимодействии, в проведении совместного досуга.

Список литературы

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://dal.slovaronline.com/13432-KLUB>
2. *Замотина Н.Н.* Семья в современной прессе: должное и реальное. – М., 2013. – С. 504.
3. *Климантова Г.* Государственная семейная политика современной России: учеб. пособие. – М.: Дашков и К, 2019. – 300 с.
4. *Коряковцева О.А, Рожков М.И.* Комплексная поддержка молодой семьи. – М.: Педагогика, 2017. – 340 с.
5. *Костин П.Р.* Семейные клубы и родительские объединения. – М.: Экоопром, 2017. – 300 с.
6. *Кущенко С.В., Станкевич О.В., Прокудина Е.П.* Воспитание у школьников семейных духовно-нравственных ценностей // Молодой ученый. – 2017. – № 39 (173). – С. 103–106.
7. Молодая семья: состояние, проблемы, перспективы: сб. Росстата. – М.: РОСТ, 2019.
8. Молодые семьи едут в Пермь [Электронный ресурс] / Междунар. центр семьи, молодежи и детей. – URL: <http://www.icfyc.ru/>
9. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. – URL: <http://government.ru/docs/14494/>
10. *Прокудина Е.П.* Семейные ценности // Молодой ученый. – 2017. – № 39 (173). – С. 103–106.
11. *Рубинштейн С.Л.* Общая психология. – М.: Психология и педагогика, 2011. – 500 с.
12. *Соловейчик С.Л.* Избранные статьи. – М.: Педагогика, 1977. – 390 с.
13. *Сухомлинский В.А.* Родительская педагогика. – М.: Просвещение, 1978.
14. *Черемизов А.М.* Молодая семья. Формы и виды поддержки. – СПб.: Логос, 2018. – 290 с.

УДК 159.922.8

DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10112

Митрюшина Наталья Борисовна

магистрант кафедры педагогики и психологии, 1-й курс

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Сибирская, 24, (342) 215-19-40 (доб. 409)
e-mail: postmaster@pspu.ru*

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Natalya B. Mitryushina

Master's Student of the Department of Pedagogy and Psychology, 1st year

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaya, 614990, Perm, Russia
e-mail: postmaster@pspu.ru*

FEATURES OF EMOTIONAL INTELLECT IN ADOLESCENCE (TO THE PROBLEM STATEMENT)

Аннотация. Представлен теоретический анализ изучения эмоционального интеллекта в зарубежной и отечественной психологии. Рассмотрены современные данные об особенностях эмоционального интеллекта в юношеском возрасте. Акцентируется внимание на проблеме взаимосвязи эмоционального интеллекта и выбора стратегий совладания у юношей и девушек.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, совладающее поведение, юношеский возраст.

Abstract. The article presents a theoretical analysis of the study of emotional intellect in foreign and domestic psychology. Modern data concerning the features of emotional intellect in youth are examined. Attention is focused on the problem of the relationship between emotional intellect and the choice of coping strategies at young age.

Key words: emotional intellect, coping behavior, youthful age

Ключевым моментом межличностных отношений является умение понимать, воспринимать и регулировать эмоции как свои, так и окружающих

людей. В настоящее время является актуальным вопрос изучения эмоционального интеллекта в юношеском возрасте, когда формируется эмоциональная культура человека, происходит становление жизненных и духовных ценностей, поиск своего места в мире.

Исследованием эмоционального интеллекта занимались такие зарубежные ученые, как Д. Гоулман (теория эмоциональной компетентности), Р. Бар-Он (некогнитивная теория эмоционального интеллекта), Дж. Майер, П. Сэловей, Д. Карузо (теория эмоционально-интеллектуальных способностей) и др.

Первые работы, посвященные «эмоциональному интеллекту» были опубликованы Р. Торндайком в 20-х гг. XX в. Автор считал, что составной частью общего интеллекта является интеллект «социальный». Под социальным интеллектом подразумевал способность понимать поведение других людей и управлять им, проявлять мудрость в человеческих взаимоотношениях.

Клинический физиолог и психолог Р. Бар-Он (1985) вводит термин EQ (Emotional Quotient) – коэффициент эмоциональности, который предсказывает успех людей и в будущем полностью заменит измерение интеллекта в образовании, в диагностике и коррекции психопатологии, при приеме на работу, обучении и аттестации сотрудников, а также в руководстве.

Впервые термин «эмоциональный интеллект» употребили Дж. Мейер и П. Сэловей (1990). Они рассматривали эмоциональный интеллект как компонент социального интеллекта, включающий в себя способность отслеживать собственные чувства и чувства окружающих людей, видеть в них отличия и использовать полученную информацию для управления мышлением и действиями. Ученые считали, что эмоциональный интеллект включает три типа способностей: 1) определение, понимание и выражение эмоций; 2) управление эмоциями; 3) использование полученной информации в мышлении и деятельности.

В своей работе ««Эмоциональный интеллект» Д. Гоулмен (1995) определяет эмоциональный интеллект как набор черт или способностей, позволяющий сдерживать эмоциональный порыв, угадывать сокровенные чувства другого человека, налаживать взаимоотношения, вырабатывать для себя мотивацию, настойчиво стремиться к достижению цели, несмотря на провалы, что в конечном итоге приводит к жизненным успехам.

В отечественной психологии идея единства аффекта и интеллекта появилась до возникновения теории эмоционального интеллекта в западных научных кругах. Л.С. Выготский пришел к выводу о единой системе аффективных и интеллектуальных процессов: «аффективные и интеллектуальные процессы представляют собой единство, но оно не есть неподвижное и постоянное». Развивая эту идею, С.Л. Рубинштейн отмечал, что мышление уже само по себе является единством эмоционального и рационального.

Современные исследования эмоционального интеллекта представлены в работах Д.В. Люсина (2004), И.Н. Андреевой (2011, 2015), А.И. Комарова (2011), О.В. Белоконь (2009) и др.

В начале XXI в. двухкомпонентная теория данного феномена была представлена в исследованиях Д.В. Люсина (2004). С точки зрения исследователя, эмоциональный интеллект имеет двойственную структуру: с одной стороны, когнитивные способности, с другой – личностные характеристики человека. Люсин рассматривал эмоциональный интеллект как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. Автор выделяет межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект, каждый из которых состоит из набора определенных способностей. Межличностный эмоциональный интеллект включает интуитивное понимание чужих эмоций, внутриличностный – осознание и понимание своих эмоций [7].

И.Н. Андреева рассматривает эмоциональный интеллект в контексте социального развития личности. Эмоциональный интеллект, по мнению исследователя, является особым качеством человека, которое формируется в процессе социального взаимодействия и общения. Автор отмечает, что высокоразвитый внутриличностный эмоциональный интеллект способствует естественности эмоциональных проявлений и позитивному самоотношению, которые в свою очередь дают возможность устанавливать глубокие и тесные взаимоотношения с другими людьми [1, 2].

Одним из немногих исследований эмоционального интеллекта в контексте культуры является работа А.И. Комаровой, которая отмечает, что эмоциональный интеллект взаимосвязан с традиционными ценностями культуры, с национальным характером народа.

О связи между эмоциональным интеллектом и деловым стилем лидерства говорит О.В. Белоконь. Лидеры с высоким эмоциональным интеллектом не только способны создавать благоприятный психологический климат в коллективе, но в первую очередь мотивировать сотрудников на выполнение задач организации.

В исследованиях, изучающих *эмоциональный интеллект в юношеском возрасте*, рассматривается специфика его проявления в данный период. Так, Ю.А. Кочетова отмечает, что современные юноши и девушки имеют средний уровень развития эмоционального интеллекта, это предполагает умение определять свои и чужие эмоции, но контролировать свое поведение для них затруднительно. Обнаружено, что ведущими компонентами эмоционального интеллекта являются эмпатия (сопереживание различным эмоциональным состояниям другого человека), эмоциональная осведомленность (понимание эмоций) и контроль экспрессии (контроль выражения собственных эмоций), что говорит о большей выраженности внутриличностного эмоционального интеллекта [5].

В исследовании К.А. Прохоровой, Ю.А. Кочетовой (2018) изучалась связь эмоционального интеллекта и группового статуса. Более популярные в группе юноши и девушки лучше понимают эмоции и чувства других людей и управляют ими. Следовательно, можно говорить о более развитом межличностном эмоциональном интеллекте, что помогает эффективно взаимодействовать в обществе. Менее популярные сверстники хорошо понимают и управляют своими собственными эмоциями: они более погружены

в свои переживания и, соответственно, лучше понимают себя, что характеризует более развитый внутриличностный эмоциональный интеллект.

Гендерным различиям, обуславливающим особенности эмоционального интеллекта, посвящено исследование Ю.А. Кочетовой, М.В. Климаковой. Основой различий являются биологические и социальные предпосылки: особенности воспитания, принятие заданных обществом гендерных ролей. У девушек более развит межличностный эмоциональный интеллект. Как правило, они более эмоциональны и склонны к сопереживанию и пониманию эмоций, переживаемых другими людьми. У юношей преобладает внутриличностный эмоциональный интеллект, направленный в основном на них самих. У юношей слабее выражена эмпатия, эмоциональная отзывчивость и способность проникнуть в переживания другого человека, тогда как у девушек эта способность, напротив, является ведущей [6].

В работе Л.Л. Баландиной представлены результаты исследования студентов с высоким и низким эмоциональным интеллектом. Полученные данные подтверждают специфику взаимосвязей свойств темперамента и показателей эмоционального интеллекта в двух кластерах испытуемых [3].

Научный интерес вызывает изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта и социальной адаптации личности. По мнению Д.И. Матренина (2018), юноши и девушки, обладающие способностью выражать и понимать эмоции окружающих и свои собственные, более эффективны в коммуникации и быстро адаптируются в новой среде.

Актуальной в юношеском возрасте является проблема *взаимосвязи эмоционального интеллекта и выбора стратегий совладания*. Умение конструктивно преодолевать сложные жизненные ситуации, владение набором стратегий и их использование в стрессовых ситуациях – вот условия успешной адаптации молодого поколения в социальном мире.

Исследуя молодых спортсменов, М.М. Воронина (2016) выявила, что уровень развития способностей к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей и управлению ими обуславливает выбор стратегии. При высоком эмоциональном интеллекте испытуемые чаще применяли конструктивные проблемно ориентированные стратегии и реже использовали стратегии совладания избегающего характера [4].

З.Х. Сиерральта (2000), сравнивая испытуемых двух групп – психологов и музыкантов, акцентировала внимание на сходстве полученных результатов. И те и другие обладают достаточно глубоким навыком понимания своих эмоциональных состояний, обладают высоким уровнем самообладания, негативные переживания преодолеваются за счет целенаправленного сдерживания эмоций.

Рассматривая особенности эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у магистрантов психологов, А.С. Дрыгина (2018) получила неоднозначность результатов. Автор предполагала, что причиной могли стать однородность, профессионализм и уровень образования испытуемых.

Таким образом, эмоциональный интеллект связывает воедино эмоции и интеллект, т.е. способности понимать свои эмоции и эмоции других,

способность управлять ими, и рассматривается как подструктура социального интеллекта.

Эмоциональный интеллект повышается по мере приобретения жизненного опыта. Изучение данного феномена приобретает особую значимость в юношеском возрасте, когда формируется эмоциональная культура человека. У юношей и девушек эмоциональный интеллект определяет качество социальной адаптации, эффективность общения, обладает спецификой в зависимости от пола и группового статуса испытуемых.

Проблема взаимосвязи эмоционального интеллекта и копинг-стратегий на этапе профессионального становления остается недостаточно изученной, но сохраняет свою актуальность.

Планируя проведение собственного исследования студентов педагогического университета, мы предполагаем, что особенности эмоционального интеллекта и выбор копинг-стратегий зависят от пола, возраста, профессиональной направленности и успешности обучения юношей и девушек.

Теоретической основой планируемого эмпирического исследования являются: теория эмоционально-интеллектуальных способностей, разработанная Дж. Майер, П. Сэловей, Д. Карузо, двухкомпонентная теория эмоционального интеллекта Д.В. Люсина, теоретические идеи процесса совладания Р. Лазаруса. Полученные результаты могут стать продолжением исследования заявленной темы, дополнить теоретические данные и быть использованы в профессиональной деятельности педагогов и психологов.

Список литературы

1. *Андреева И.Н.* О становлении понятия «эмоциональный интеллект» // Вопросы психологии. – 2015. – № 5. – С. 83–95.
2. *Андреева И.Н.* Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. – Новополюк: ПГУ, 2011. – 388 с.
3. *Баландина Л.Л.* Эмоциональный интеллект и его взаимосвязь с темпераментальными свойствами [Электронный ресурс] // Вестник ПГГПУ. Сер. № 1. Психологические и педагогические науки: электрон. науч. журн. – 2017. – Вып. 1 – С. 5–14.
4. *Воронина М.М.* Взаимосвязь эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у подростков, занимающихся экстремальными видами спорта: автореф. магистер. дис. Моск. гос. психол.-пед. ун-т. – М., 2016. – С. 16.
5. *Кочетова Ю.А.* Структура эмоционального интеллекта в юношеском возрасте // Горизонты зрелости: сб. тез. участников Пятой всерос. науч.-практ. конф. по психологии развития (г. Москва, 16–18 ноября, 2015 г.) / ГБОУ ВПО МГППУ. – М., 2015. – С. 55–63.
6. *Кочетова Ю.А., Климакова М.В.* Гендерные различия в эмоциональном интеллекте у старших подростков // Психолого-педагогические исследования 2017. – Т. 9, № 4. – С. 65–74.
7. *Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д. В.Ушакова. – М.: Ин-т психологии РАН, 2004. – С. 29–36.

УДК 159.922.8

DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10113

Панькова Анна Алексеевна

магистрант кафедры педагогики и психологии, 1-й курс

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Сибирская, 24, (342) 215-19-40 (доб. 409)
e-mail: 61579@pspu.ru*

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Anna A. Pankova

Master's Student of the Department of Pedagogy and Psychology, 1st year

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaya, 614990, Perm, Russia
e-mail: 61579@pspu.ru*

FEATURES OF SELF-ATTITUDE AND COPING STRATEGIES IN ADOLESCENCE (FOR PROBLEM DEFINITION)

Аннотация. Представлен теоретический анализ исследований самоотношения и копинг-стратегий в рамках концепции самоотношения В.С. Столина, теоретических идей С.Р. Пантеева, Р. Лазаруса, К.Ю. Ануфриюк. Рассмотрена специфика самоотношения и копинг-стратегий в юношеском возрасте. Изучены взгляды отечественных исследователей на данную проблему, особое внимание уделено взаимосвязи самоотношения и копинг-стратегий, выделены некоторые параметры, способные оказывать влияние на выбор копинг-стратегии. Полученные теоретические данные будут являться основой планируемого в дальнейшем экспериментального исследования.

Ключевые слова: самоотношение, копинг-стратегии, юношеский возраст.

Abstract. The article is aimed to the theoretical analysis of studies of self-attitude and coping strategies within the framework of the self-attitude's concept of V. Stolin, theoretical ideas of S. Pantileev, R. Lazarus, K. Anufriyuk. Specifics of self-attitude and coping strategies in adolescence are considered. In this article the views of national researchers on this problem were studied, special attention was paid

to the relationship between self-attitude and coping strategies, some parameters that can influence the choice of coping strategy were highlighted. The obtained theoretical data will form the basis of a further planned experimental study.

Key words: self-attitude, coping strategies, teen-age.

Юность – период становления человека как личности, в этом возрасте система самоотношения претерпевает существенные изменения и затрагивает важнейшие сферы жизни человека, те, которые определяют его будущее и дальнейшие жизненные перспективы.

Термин «самоотношение» был введен психологом Н.И. Сарджвеладзе (1974). Автор рассматривает самоотношение как установку, под которой понимает отношение субъекта потребности к ситуации его удовлетворения. В психологии существует несколько подходов к определению сущности данного феномена. Самоотношение рассматривается как единое целостное образование – обобщенная самооценка (М. Розенберг, 1965; С. Куперсмит, 1967; Х. Каплан, 1976; Р. Берне, 1986); как самопринятие (К. Роджерс, 1994); как вид эмоциональных переживаний (И.И. Чеснокова, 1997) [1].

Наиболее разработанной в отечественной психологии является концепция самоотношения, предложенная В.В. Столиным (1983). Автор понимает самоотношение как лежащее на поверхности сознания, непосредственно-феноменологическое выражение (или представленность) личностного смысла «Я» для самого субъекта. Эмоционально-ценностное отношение личности к себе, являющееся результатом и интегратором механизмов личностного самосознания, обладает сложной психологической структурой.

В.В. Столин характеризует самоотношение как процесс, в котором собственное «Я», собственные черты и качества оцениваются личностью по отношению к мотивам, выражающим потребность в самореализации. Отношение к себе проявляется в виде внутреннего диалога между «Я» и «не-Я», похожим и отличным от самого субъекта. Таким образом, для характеристики самоотношения субъекта необходимы три типа отношений, составляющих минимально диалоговую единицу: отношение к себе, отношение к другому и ожидаемое отношение от него. Учет этих составляющих внутреннего диалога позволяет выделить уровни самопринятия субъекта [5].

В.В. Столиным совместно с С.Р. Пантлеевым были выделены три основные подсистемы в структуре отношения к себе: система самооценок, обозначаемая термином «самоуважение», система эмоциональных отношений, совпадающая с термином «аутосимпатия», и система, служащая защитным механизмом самосознания, определяемая термином «самоуничуждение».

Разрабатывая теоретические положения и структуру самоотношения, С.Р. Пантлеев показал, что оно лежит на поверхности сознания и является непосредственно-феноменологическим выражением, или представленностью, личностного смысла «Я» для самого субъекта [4].

Также следует отметить исследования И.И. Чесноковой (1977), которая определяет самоотношение как эмоционально ценностное отношение к себе,

один из внутренних процессов самосознания, отражающий единство момента самопознания и системы переживаний. Переживание при этом понимается как внутренняя динамическая основа, способ существования самоотношения.

Исследованию *самоотношения в юношеском возрасте* посвящены работы Л.Е. Адамовой (2003), А.Н. Чернобровиной (2009), Е.А. Евтушенко (2014), Т.К. Слабко (2016), Н.В. Степановой (2017) и др. Авторами изучалось самоотношение в контексте различных психологических феноменов.

В учебной деятельности, согласно исследованиям Л.Е. Адамовой (2003), изменение самоотношения личности в наибольшей степени детерминировано ситуацией успеха и неуспеха, а также зависит от пола. Для абитуриентов важен не факт переживания успеха при сдаче вступительных экзаменов, а переход в новое качество – студента, которое дает преимущества взрослой жизни. В зависимости от пола в ситуации неуспеха у девушек проявляется склонность в большей степени винить себя в собственных неудачах, тогда как юноши склонны обвинять других людей или ситуацию [1]. Исследуя взаимосвязь самоотношения и адаптации юношей и девушек к обучению, Т.К. Слабко (2016) получает подтверждение о связи самоотношения и адаптации студентов. Чем выше их адаптированность, тем более выражено положительное отношение к собственному «Я».

В ходе исследований, проведенных Е.А. Евтушенко (2014), изучалось влияние самоотношения на профессиональное самоопределение. Было выявлено, что у подростков проявляется наличие склонности отдавать предпочтение определенным типам профессий в зависимости от качественного своеобразия в эмоционально-ценностном и когнитивном компонентах самоотношения.

По мнению А.Н. Чернобровиной (2009), самоотношение оказывает влияние на особенности поведения и общения юношей и девушек, а также подтверждает взаимосвязь между структурными компонентами самоотношения и проблемами в установлении эмоциональных отношений. Изучая особенности самоотношения и жизненной удовлетворенности в юношеском возрасте, Н.В. Степанова (2017) отмечает, что для испытуемых характерен средний уровень сформированности всех компонентов самоотношения (самоуважения, аутосимпатии, внутренней устойчивости), что свидетельствует о стабильности и зрелости самоотношения в данном возрасте. Также существует взаимосвязь между жизненной удовлетворенностью и компонентами самоотношения, что подтверждает понимание самоотношения и жизненной удовлетворенности как сложной системы отношений, характеризующей личность.

Вопрос о взаимосвязи самоотношения и копинг-стратегий представляет исследовательский интерес в рамках проблемы поиска жизненных ресурсов человека.

Понятие «копинг» происходит от английского *cope* – преодолевать. По одной из версий, понятие было введено Р. Лазарусом и С. Фолкманом, которые сделали акцент на осознанном характере стратегий совладания со стрессовыми нагрузками в отличие от психологических защит. Основная заслуга в изучении проблемы стресса и копинга принадлежит Р. Лазарусу

(1984). Им были разработаны теоретические идеи, классификация копинг-стратегий. Р. Лазарус определяет копинг как «стремление к решению проблем, которое предпринимает индивид, если требования имеют огромное значение для его хорошего самочувствия, поскольку эти требования активируют адаптивные возможности». В своей теории автор исходит из субъективного переживания стресса (в большей степени) и уделяет особое внимание когнитивным процессам и когнитивной оценке [6].

В отечественной психологической литературе существует широкая дифференциация термина *coping*. Психологи говорят о «преодолении» (В.А. Бодров, 2006), «совладании» (Т.Л. Крюкова, 2005; В.М. Ялтонский, 1995). В.М. Ялтонский понимает *coping* как индивидуальный способ совладания субъекта с затруднительной ситуацией, в соответствии с ее значимостью в жизни индивида и его личностно-средовыми ресурсами, которые во многом определяют поведение человека. Рассматривая в русле когнитивно-поведенческого подхода, Т.Л. Крюкова понимает совладание как социальное поведение или комплекс осознанных адаптивных действий (когнитивных, аффективных, поведенческих), которые позволяют человеку справляться с внутренним напряжением и дискомфортом способами, адекватными личностным особенностям и ситуации. В работах В.А. Бодрова процесс «поведения преодоления» является проявлением индивидуальных способов взаимодействия с окружающим миром, в котором проявляются особенности (возможности) субъекта и характеристики ситуации, отраженные в его сознании в категориях ценности, значимости, сложности и последствий конкретного события.

Актуальность изучения *копинг-стратегий в юношеском возрасте* определяется особенностями социальной ситуация развития, которая связана с выбором своего жизненного пути, адаптацией к новым условиям жизнедеятельности и может рассматриваться как стрессогенная. Умение справиться с такой ситуацией определяет решение задач данного возрастного периода.

При исследовании специфики копинг-стратегий в юношеском возрасте Е.Е. Бочаровой (2015) отмечается присутствие склонности к проблемно ориентированному копингу. Молодые люди и девушки редко уходят от проблем, к возникшей трудной ситуации относятся как к задаче и пытаются сосредоточиться на ее решении. А.Г. Илюхин (2011) говорит о том, что развитие копинг-стратегий происходит за счет расширения и усложнения, выбираемых копинг-стратегий, улучшения их контроля, а также появления новых. И.П. Стрельцова (2003) отмечает, что к концу ранней юности появляется возрастающее доминирование относительно проверенных личным опытом стратегий, составляющих общую направленность на разрешение проблем.

Факторами, которые влияют на выбор копинг-стратегии, могут выступать не только особенности возникшей ситуации, ее восприятие, но и особенности личности. *Взаимосвязь между самоотношением и выбираемыми копинг-стратегиями* существует, что находит свое подтверждение в ряде отечественных исследований.

А.В. Жигалова рассматривала проблему взаимосвязи копинг-стратегий и особенностей самоотношения у людей с ограниченными возможностями здоровья и людей, не имеющих инвалидности. Автор пришла к выводу, что представление личности о себе оказывает существенное воздействие на форму поведения человека в стрессовой ситуации и выбор копинг-стратегии [3].

Особенности самоотношения и его влияния на копинг-стратегии у юношей и девушек, придерживающихся и не придерживающихся разных религиозных канонов, обсуждались в работе Э.И. Муртазиной (2016). Для группы придерживающихся религиозных канонов характерна «самоценность», показывающая высокую оценку своего духовного потенциала. Для тех, кто не придерживается каких-либо религиозных канонов, присуще «саморуководство», они считают свое «Я» внутренним стержнем, который организует их личность, деятельность, общение.

Изучению самоотношения в связи с защитно-совладающим поведением в юношеском возрасте посвящена работа К.Ю. Ануфриук. Выявлены различия у юношей и девушек с разным уровнем самоотношения. Те, у кого высокий уровень самоотношения, в большей степени понимают и одобряют себя, интересуются собственными чувствами и мыслями, но при этом они имеют склонность к самообвинению: принятие себя не мешает им видеть в себе недостатки, обвинять себя в чем-либо. В то время как испытуемым с низким уровнем самоотношения свойственно вымещать негативные эмоции на более слабых и безопасных объектах, возвращаться в стрессовой ситуации к более незрелым онтогенетическим паттернам поведения и избегать проблем, в то же время они готовы принимать ответственность на себя за возникновение проблемной ситуации. Практически все копинг-стратегии, за исключением планирования и переоценки, сопряжены с негативными аспектами самоотношения [2].

Особый интерес и актуальность представляет исследование проблемы взаимосвязи самоотношения и копинг-стратегий на новом этапе социализации юношей и девушек: окончания школы и профессиональной подготовки в педагогическом университете.

Теоретическую основу предстоящего исследования определяет концепция самоотношения В.С. Столина, положения о структуре самоотношения С.Р. Пантеева, теоретические идеи Р. Лазаруса, К.Ю. Ануфриук.

Можно предположить, что имеется специфика показателей самоотношения и копинг-стратегий и взаимосвязи между ними в зависимости от пола, возраста и профиля обучения студентов; а также различий в выборе копинг-стратегий испытуемых с высоким и низким уровнем самоотношения.

Список литературы

1. *Адамова Л.Е.* Изменение самоотношения личности в ситуациях успеха и неуспеха в учебной и профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Ставрополь, 2003. – 24 с.

2. *Ануфриюк К.Ю., Постанина А.В.* Самоотношение в связи с защитно-совладающим поведением в юношеском возрасте [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2019. – № 26. – URL: <https://moluch.ru/archive/264/61302/>

3. *Жигалова А.В.* Исследование взаимосвязи копинг-стратегий и особенностей самоотношения людей с ограниченными возможностями: автореф. магистер. работы: 37.04.01. – Саратов, 2016. – 14 с.

4. *Пантилеев С.Р.* Самоотношение как эмоционально-оценочная система // Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара: ИД «Бахрах-М», 2020. – С. 208–242.

5. *Столин В.В.* Самосознание личности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 288 с.

6. *Lazarus R., Folkman S.* Stress, Appraisal and Coping. – N.Y., 1984.

УДК 159.928.23:371.385

DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10114

Перебатова Анастасия Николаевна

магистрант кафедры педагогики и психологии, 1-й курс

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Сибирская, 24, (342) 215-18-76 (доб. 418)
e-mail: perebatova2017@yandex.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ СПОСОБНОСТИ КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ ПОДРОСТКАМИ ИЗ ИНТЕРНЕТА

Anastasia N. Perebudova

Master's Student of the Department of Pedagogy and Psychology, 1st year

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaya, 614990, Perm, Russia
e-mail: perebatova2017@yandex.ru*

DEVELOPING THE ABILITY OF CRITICAL EVALUATION OF INFORMATION RECEIVED BY TEENAGERS FROM THE INTERNET

Аннотация. Представлено обоснование формирования способности критически оценивать информацию, полученную из Интернета, в системе основного образования, а также необходимости развития этого умения у подростков, получающих основное общее образование.

Ключевые слова: информация, Интернет, веб-сайт, критическое оценивание информации.

Abstract. The article presents the basis for the formation the ability to critical evaluation of information obtained from the Internet in the system of basic education and the need to develop this skill in adolescents during the basic General education.

Key words: information, Internet, web site, critical evaluation of information.

XXI век – век информации, и подросток этого века должен хорошо ориентироваться в огромном информационном потоке. ИКТ-технологии делают доступной информацию с любых сайтов Интернета. Без преувеличения можно сказать, что умение своевременно получать необходимую информацию для принятия после ее обработки и анализа соответствующего решения – ключ к успеху в карьере и жизни современного человека.

В нынешних условиях задача развития способности критической оценки информации школьниками становится особо актуальной. Сейчас важно не только овладеть информацией, но и критически ее оценить, осмыслить, применить. Встречаясь с новой информацией, подростки должны уметь рассматривать ее вдумчиво, критически, с различных точек зрения, делая выводы относительно ее точности и ценности [2].

Учить детей так, чтобы у них развивалась способность критически оценивать полученную информацию, труднее, чем просто сообщать им отдельные факты и закономерности. Важно, чтобы школьники учились работать с информацией: находить главное, анализировать, делать выводы, обосновывать их [3, с. 480–481].

Пользователям Интернета необходимо владеть навыками анализа качества найденной там информации. Основную работу при этом должен проделать именно пользователь, т.е. человек, ищущий информацию в Сети. Нельзя забывать, что в Интернете отсутствуют редакторы (в отличие от издательств печатных изданий), следовательно, никто не проверяет опубликованные там материалы. В этом заключается весь смысл Глобальной сети, и нам остается только научиться критически относиться к найденным информационным ресурсам и овладеть специальными навыками и инструментами для оценки качества веб-документов [1].

Умение критически оценивать найденную в Интернете информацию является одним из основных элементов информационной грамотности человека [4].

Компьютер прочно вошел в нашу жизнь. Технический прогресс остановить невозможно, и, хотим мы того или нет, компьютерная грамотность становится составляющей общей грамотности, свидетельством образованности человека. Около 70 % современных школьников, отвечая на вопрос о своих интересах и увлечениях, упоминают компьютер, всемирную сеть Интернет практически наравне с занятиями спортом, прогулками и общением с друзьями.

Вместе с тем проведенное нами среди подростков исследование показало: Интернет для большинства – прежде всего средство развлечения, а уж потом источник знаний и помощник в учебе. В исследовании приняли участие 54 подростка, из них только 17 % использует компьютер и Интернет в учебных целях, а большая часть подростков (83 %) проводит значительное количество времени в различных чатах и форумах, что, по их мнению, расширяет их

кругозор и мировоззрение. Для этих подростков Всемирная сеть – это очередная игрушка для получения интересующей их информации, полезной (с их точки зрения).

Интернет не имеет границ, т.е. он не ограждает подростков от некачественной информации, которую им совершенно незачем знать. Подросток не замечает то, сколько времени он теряет, находясь в Интернете. Одним Интернет нужен только для того, чтобы решить бытовые задачи и пообщаться с друзьями, другие «сидят в Интернете» сутки напролет.

Для начала мы изучили степень зависимости от Интернета у подростков. Нами было выделено три уровня зависимости. В результате анкетирования мы получили следующие результаты: не зависящие от Интернета – таких оказалось 36 %; зависящие – 12 %; склонные к зависимости – 52 %.

Исторически каждое следующее поколение взрослых видит в новых технологиях их тенденцию разрушения. Платон предупреждал (и совершенно справедливо): «Письменность и чтение уничтожат ораторское искусство». Автомобиль отнял у нас способность к созерцательности. Телефон привел в упадок эпистолярный жанр, который в последующем был возрожден в виде электронной почты.

Рассматривая эту проблему, мы провели социальный опрос среди учащихся школы.

На вопрос, есть ли у вас дома компьютер, 40 % школьников ответили утвердительно.

На вопрос, что такое Интернет, подростки ответили, что для них Интернет – это место развлечений и поиска нужной информации.

На вопрос, как часто вы пользуетесь Интернетом, более 90 % респондентов ответили, что пользуются Сетью каждый день.

Отметим, что большая часть респондентов считает, что Интернет – это неотъемлемая часть коммуникаций современного общества, где можно найти интересующую дополнительную информацию. Некоторые респонденты считают Интернет электронной энциклопедией. Часть учащихся отметила возможность пообщаться с друзьями или найти ответы на бытовые вопросы информационного характера, например, когда будет ближайший концерт любимой группы.

Для изучения информационных предпочтений подростков мы провели анкетирование учеников 6–11-х классов МБОУ «Усть-Зулинская ООШ». Для этого использовали анкету «Мои предпочтения и безопасность в сети Интернет», состоящую из 9 вопросов.

Все вопросы были направлены на изучение предпочтений подростков среди следующих ресурсов: сеть Интернет, СМИ, СМК и другие информационные средства.

Подростки 12–13 лет 30 % своего свободного времени проводят в Интернете и оставляют время на просмотр телепередач и чтение книг. Они знают, какие угрозы существуют в Интернете, но не понимают, как с ними бороться.

Подростки 14–16 лет 70 % времени проводят в Интернете и почти совсем не оставляют времени на просмотр телепередач и чтение книг. Они знают, какие угрозы существуют в Интернете, знают методы защиты от угроз, но редко их используют.

Подростки 17 лет более 90 % времени проводят в Интернете и совсем не оставляют время на просмотр телепередач и чтение книг. Они знают, какие угрозы существуют в Интернете, знают методы защиты от угроз и регулярно ими пользуются.

Из данных ответов видно, что современные подростки тратят большую часть времени на посещение сети Интернет. Человек, «входящий» первый раз в Сеть, обычно получает хорошее впечатление об Интернете. Но чем больше он работает в Интернете, тем быстрее замечает, что в Сети много отрицательного. К сожалению, подростки не могут осознать, как Интернет заполняет их сознание. И отличить хорошее от плохого уже не могут.

В настоящее время очень важно приобщать школьников к работе с различного рода информацией, углубленному изучению и анализу текстов различных стилей и жанров. Это способствует воспитанию активности личности в обучении и, как следствие, ее творческой самореализации.

Мы разработали программу внеурочной деятельности «Учимся работать с информацией», которая отражает систему занятий по развитию познавательных способностей учащихся, эффективно помогает работать с информационными потоками, помогает овладевать разнообразными способами интерпретации и оценки информационного сообщения, выделять в тексте противоречия и типы присутствующего в нем деструктива, воспроизводить, понимать, интерпретировать материал, использовать и преобразовывать словесный материал в логические схемы и алгоритмы, анализировать и выделять скрытые предположения, строить гипотезы, находить ошибки в логике рассуждений между фактами и следствиями, оценивать построение собственного «продукта».

Методы и приемы организации деятельности учащихся на занятиях ориентированы на усиление самостоятельной практической и умственной деятельности, на развитие навыков контроля и самоконтроля, а также познавательной активности.

В результате обучения учащиеся должны научиться:

- извлекать информацию и добывать новые знания из различных источников;
- перерабатывать и преобразовывать информацию из одной формы в другую;
- доносить свою позицию до других;
- работать в группе, определять основные правила сотрудничества, исполнять различные социальные роли (лидера, исполнителя, критика), договариваться и приходить к общему решению в совместной деятельности, в том числе в ситуации столкновения интересов;
- формулировать проблемы, выдвигать гипотезы, задавать вопросы, аргументированно отвечать на вопросы, давать определение понятиям

и классифицировать их, делать умозаключения и выводы, наблюдать, проводить творческие эксперименты;

- работать с информационными текстами различных стилей и жанров, структурировать материал, готовить тексты собственных докладов, объяснять, доказывать и защищать свои идеи.

Мы предполагаем, что данный курс научит подростков работать с информацией и разовьет способность критически оценивать информацию, получаемую из Интернета. Участвуя в коллективных проектах, учащиеся смогут воспринимать, анализировать, творчески интерпретировать информацию, работать с текстами, прогнозировать результаты, приобретут опыт публичных выступлений.

Глубокие перемены, происходящие в современном мире, выдвигают проблему использования новых технологий обучения и воспитания, признания важности информационного образования в средней общеобразовательной школе в урочной и внеурочной деятельности, потребности в разработке новых теоретических, методических и организационно-методических основ развития информационного образования. Поэтому формирование способности критически оценивать информацию без преувеличения можно назвать одной из актуальных проблем современной школы.

Список литературы

1. Гилстер П. Новый навигатор Internet: пер с англ. – Киев: Диалектика, 1996. – 495 с.
2. Емяков А.Д. К понятию информация // Социологические исследования. – 2008. – № 4. – С. 144–146.
3. Колесников О.Э. Интернет для делового человека. – М.: Яуза, 2007.
4. Лактионов А. Информационное общество: сб. – М.: АСТ, 2004.

УДК 159.922.72

DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10115

Усанин Артем Олегович

магистрант кафедры педагогики и психологии, 1-й курс

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия**614990, Пермь, Сибирская, 24, (342) 215-18-76 (доб. 418)**e-mail: mrsgalieva@ya.ru***ФУТБОЛ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО
МЫШЛЕНИЯ У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ****Artyom O. Usanin**

Master's Student of the Department of Pedagogy and Psychology, 1st year

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education**«Perm State Humanitarian Pedagogical University»**24, Sibirskaya, 614990, Perm, Russia**e-mail: mrsgalieva@ya.ru***FOOTBALL AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT SPATIAL
THINKING IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN**

Аннотация. Рассматривается роль футбола в развитии пространственного мышления младших школьников, описываются принципы тренировочного процесса, направленного на формирование пространственного мышления, указываются приемы и техники эффективного ведения игры.

Ключевые слова: пространственное мышление, футбол, начальная школа, тренировочный процесс.

Abstract. This article discusses the role of football in the development of spatial thinking of primary schoolchildren, describes the principles of the training process aimed to form spatial thinking, and specifies techniques for effective game management.

Key words: spatial thinking, football, primary school, training process.

В психологии развития принято говорить о трех видах мышления: наглядно-действенном, наглядно-образном, словесно-логическом [3, с. 274]. К какому виду можно отнести пространственное мышление? Единого мнения среди педагогов и психологов на этот счет нет. Но умение, которое в быту называется умением ориентироваться в пространстве, является предельно практическим, и это умение необходимо преобразовывать в навык для того, чтобы:

- ребенок хорошо ориентировался на местности – будь то школа, торговый центр, музей, театр и т.д. он не заблудится в коридорах, уверенно будет чувствовать себя на экскурсиях, выйдет на нужной остановке. А если вдруг совершит ошибку, то быстро поймет и исправит ее;

- ребенок знал, что и где у него лежит – люди с развитым пространственным мышлением умеют рационально организовать свое жизненное пространство, как в комнате, так и в школьном рюкзаке;

- ребенок охотно учился – такой вид мышления позволит представить процессы, действия, предметы наглядно, в том числе в динамике. А то, что можно наблюдать визуально, становится понятным, более увлекательным, эффективным;

- школьник не относился с пренебрежением к такому предмету, как чтение, так как пространственное мышление позволит представить сюжет;

- быть успешным в математике, а в дальнейшем и в физике, геометрии, черчении – пространственное мышление помогает достоверно изображать предметы на бумаге (рисовать, чертить, создавать аппликации и объемные поделки);

- ребенок был успешен в спорте, потому что для многих видов спорта, в том числе и футбола, важно умение точно и быстро оценить расстояние, взаимное расположение нескольких объектов в пространстве и, соответственно, правильно рассчитать свои силы.

Научно обосновано, что наиболее благоприятный возрастной период для развития пространственного мышления – это 7–11 лет, что соответствует начальному звену общеобразовательной школы [2]. Вопросами развития мышления педагоги начальных классов активно занимаются на уроках математики, русского языка, технологии. Но проблема развития пространственного мышления в процессе спортивных тренировок разработана слабо. Однако знаменитая фраза Децима Юния Ювенала «в здоровом теле – здоровый дух» нашла научное подтверждение в трудах П.Ф. Лесгафта.

Петр Францевич Лесгафт в своей педагогической системе обосновал единство физического и духовного развития личности. Ученый доказал, что физические упражнения – не только средство для физического развития, но и для развития интеллекта, духовности, нравственности. В своей работе «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста» мы читаем: «Необходимо, чтобы умственное и физическое воспитание шли параллельно, иначе мы нарушим правильный ход развития в тех органах, которые останутся без упражнения» [1].

В этом аспекте футбол поможет создать достаточные условия для формирования пространственного мышления. У этой игры огромный потенциал, поскольку футбол сам по себе является способом организации пространственного мышления человека, подразумевает формирование особенного пространства, где четко просматриваются границы или рамки, выход за которые означает выход из игры [5].

Реализовать развитие пространственного мышления посредством футбола у детей начальной школы можно в формате тренировок, используя так

называемое мышление схемами. Характер взаимодействия между игроками футбольной команды может быть очень сложным, поэтому многие тренеры прибегают к наработке схем, что вполне оправдано в процессе развития пространственного мышления.

Чтобы увидеть динамику развития пространственного мышления, можно, к примеру, усложнять игру, вводить новые правила.

Оценив уровень развития пространственного мышления юного футболиста, необходимо определить характеристики технико-тактических действий игрока, поскольку развитие пространственного мышления и технико-тактическая подготовка спортсменов не возможны одно без другого. Существуют общеизвестные упражнения для этого: можно целенаправленно использовать упражнение «Квадрат» со всеми его модификациями. Несколько игроков контролируют мяч на ограниченном пространстве, а один или два игрока его отбирают. Благодаря этому упражнению происходит развитие пространственного мышления, его скорости, развитие техники игры и концентрации внимания. Вариантов игры много: четверо против одного или двоих, пятеро против двоих; тот, кто отобрал мяч, меняется с тем, у кого отобрал и т.д., но главное, не вводить слишком много ограничений во избежание путаницы [4].

Увеличение количества задействованных органов чувств на тренировке также приведет к развитию пространственного мышления. Здесь уместен принцип: «чем больше, тем лучше». По возможности полезно тренироваться босиком, задействовав тактильный компонент; можно задействовать органы слуха, например, по свистку менять направление движения. Для тренировки скорости принятия решений можно использовать систему «раздражителей» – световых сигналов, при которой игрок должен максимально быстро и точно отдать пас.

Развивая пространственное мышление важно соблюдать логическую линию: выстраивать новое, основываясь на предыдущем учебном материале. В футболе повторение является мощным инструментом. Тренировочный материал для этого должен быть узнаваемым юными игроками и состоять из знакомых рабочих форм.

Таким образом, наряду со всеми видами физической подготовки юных спортсменов следует уделять особое внимание целенаправленному развитию пространственного мышления футболистов, подбирая соответствующие средства и методы спортивной тренировки. В итоге мы получим сконцентрированного, внимательного, с хорошим глазомером, запоминающего информацию ученика и спортсмена с развитым пространственным мышлением, который пользуется заслуженным авторитетом среди сверстников.

Список литературы

1. *Лесгафт П.Ф.* Руководство по физическому образованию детей школьного возраста // Собр. пед. соч. Т. 2. – М.: Физкультура и спорт, 1952.
2. *Майнберг Э.* Основные проблемы педагогики спорта. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 318 с.

3. *Немов Р.С.* Психология: учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. – 4-е изд. – М.: ВЛАДОС, 2003. – Кн. 1: Общие основы психологии. – 688 с.

4. *Озолин Н.Г.* Настольная книга тренера. – М.: ФиС, 2011.

5. Серьезно о футболе [Электронный ресурс]. – URL: http://www.slivka.spb.ru/page11_1_77.html (дата обращения: 11.05.20).

УДК 371.214.5:91(07)

DOI: 10.24411/2308-7218-2020-10116

Чедова Татьяна Евгеньевна

магистрант кафедры педагогики и психологии, 1-й курс

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия**614990, Пермь, Сибирская, 24, (342) 215-18-76 (доб. 418)**e-mail: tanya-ch12@rambler.ru***ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ
У ОБУЧАЮЩИХСЯ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ ПОСРЕДСТВОМ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНАМОРФИРОВАННЫХ КАРТ НА УРОКАХ
ГЕОГРАФИИ****Tatyana E. Chedova**

Master's Student of the Department of Pedagogy and Psychology, 1st year

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education**«Perm State Humanitarian Pedagogical University»**24, Sibirskaya, 614990, Perm, Russia**e-mail: tanya-ch12@rambler.ru***FORMATION OF METASUBJECT RESULTS IN PRIMARY
SCHOOLCHILDREN THROUGH THE USE OF ANAMORPHIC MAPS
IN GEOGRAPHY LESSONS**

Аннотация. Освещается вопрос о формировании метапредметных результатов обучения учащихся основной школы, представлены возможности применения в процессе обучения географии новых информационно-технических средств обучения, способствующих формированию универсальных учебных действий школьников. В работе рассматриваются географические анаморфированные карты, помогающие более эффективному достижению предметных результатов обучения и формированию ключевых компетенций обучающихся.

Ключевые слова: метапредметные результаты обучения, география, анаморфированные карты.

Abstract. The article covers the issue of forming metasubject learning for children of primary schools, and presents the possibilities of using new information and technical teaching tools in the process of teaching geography that contribute to the formation of universal educational actions of schoolchildren. The paper considers geographical anamorphic maps that help to achieve more effective subject learning outcomes and the formation of key competencies of children.

Key words: metasubject results of training, geography, anamorphic maps.

Важным элементом в преподавании географии в настоящее время является использование на уроке интерактивных методов и средств обучения. Огромное методическое наследие и современные активные методы, приемы, технологии и формы обучения позволяют достичь цели обучения. Информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) и технические средства обучения (ТСО) раскрывают огромный потенциал для работы учителя. Целесообразное и методически продуманное использование ИКТ и ТСО на уроке позволяет мотивировать обучающихся к учебной деятельности, способствует формированию метапредметных результатов обучения.

Системно-деятельностный подход, лежащий в основе разработки стандартов нового поколения, и реализация национального проекта «Образование» позволяют выделить основные результаты обучения и воспитания и создать условия для проектирования универсальных учебных действий (УУД), которыми должны владеть обучающиеся. В результате формирования основных видов УУД обучающиеся получают возможность применять умения во всех видах учебной деятельности, в творческой сфере и повседневной жизни. Метапредметные результаты обучения подводят обучающегося к важнейшему умению учиться, самостоятельно действовать при планировании деятельности, поиске информации и ее обработке, в коммуникации с людьми и принимать для себя лично значимые установки, необходимые для жизни [5, 6].

Немаловажным условием при формировании метапредметных результатов обучения является мотивация в процессе обучения, проектирование самостоятельной деятельности обучающихся, контроль и фиксация, а также обогащение и расширение содержательной части урока.

Для гармоничного развития личности обучающихся и формирования у них метапредметных результатов педагогу необходимо обращать внимание на современные активные методы, технологии, формы, приемы обучения всем предметам, в частности, географии. В этом случае для ребенка процесс усвоения важнейших умений будет интересным, а значит, незатруднительным.

Одним из интерактивных методов обучения является применение на уроках географии метода анаморфирования карт. В данной работе раскрывается особенность использования метода на уроках географии.

Метапредметное содержание образования, по мнению А.В. Хуторского, становится одним из главных педагогических понятий и наиболее ценным, чем «предметное содержание образования». Метапредметное содержание образования на этапе конструирования имеет общепредметную инструментальную функцию, а в ходе учебного процесса преобразуется в деятельности обучающегося в особое содержание образования [6].

Как считает А.В. Хуторской, на данный момент в современных стандартах предлагается считать метапредметной деятельностью универсальные учебные действия обучающихся (планирование, целеполагание, оценивание и т.д.). Между этими двумя видами деятельности, конечно же, есть сходство: выход за предметную область. Метапредмет – это то, что стоит за предметом или несколькими предметами, то, что позволяет установить с ними

связь. Метапредметная деятельность взаимосвязана с предметной деятельностью и находится в ее фундаменте [6].

Человеку привычны общеучебные географические карты, знания о мире мы получаем именно посредством таких карт, но существуют другие карты, те, которые имеют совершенно новый взгляд на реальную действительность. Привычные объекты на таких картах преобразуются, изменяя масштаб, площадь, положение и другие показатели. Данные карты носят название анаморфированных.

Под названием «анаморфозы» понимается целый класс картографических произведений, объединенных тем, что в их основе лежит «пространство выровненного явления» – пространство, в котором длины объектов (или их площади, или их объемы) определяются свойствами этих объектов [2].

Анаморфированные карты – это графическое изображение, производное от географической карты, масштаб объектов на которой пропорционален значению их характеристик.

Анаморфировать карты возможно, используя любую географическую информацию (значение), например: внутренний валовой продукт на душу населения, численность населения, плотность населения, долю населения с высшим образованием, урбанизацию.

В настоящее время анаморфированные карты возможно создавать с помощью различных программ и приложений. Например, с помощью программы MapInfoPro или приложения для смартфонов PhotoDeformer [7].

Программы и приложения обеспечены возможностью загружать различные карты, задавать параметры и изменять изображение, а также вводить легенду карты.

Географию от других дисциплин отличает четко выраженная практическая направленность. По словам О.В. Крыловой, проблема несоответствия знаний умениям может решиться путем проведения программных практических работ, которые повышают уровень самостоятельной познавательной активности обучающихся и систематическое закрепление полученных знаний [4].

Учитель школы-интерната № 12 г. Тирасполя О.Н. Бурла в статье «Применение карт-анаморфозов в курсе социально-экономической географии» дает теоретический обзор понятия «анаморфоз» и способов анаморфирования. В том числе автор делится опытом использования карт на уроках географии в 10-м классе, где карты-анаморфозы используются в сравнении с привычными социально-экономическими картами [1].

Д.В. Заяц, научный сотрудник географического факультета МГУ, опубликовал статью «Привлечение ресурсов сети Интернет в курсе экономической географии мира», где представлен полный обзор интернет-ресурсов, которые можно эффективно использовать на различных этапах уроков для учащихся 10–11-х классов. Тема анаморфоза также раскрывается с точки зрения привлечения обучающихся к анализу искаженных изображений. Автор статьи подчеркивает, что наглядность обычных карт можно повысить способом анаморфирования [3].

Анализ печатных периодических изданий, электронных библиотек и ресурсов сети Интернет позволяет сделать вывод, что анаморфированные изображения в педагогической практике применяются недостаточно широко.

Объяснить это можно следующими причинами: отсутствует методика использования анаморфоз в преподавании географии, широкому пользователю доступна лишь небольшая часть созданных профессионалами анаморфированных изображений, анаморфозы регионов России присутствуют фрагментарно, программы для анаморфирования карт сложны в использовании, материально-техническая база школ не соответствует техническим требованиям проведения урока с созданием анаморфоз в классе [7].

В дальнейшей работе планируется разработка программы по формированию метапредметных результатов обучения с помощью анаморфированных карт на уроках географии в 9-м классе. Данная программа будет содержать комплекс заданий для уроков и практические работы, направленные на работу с картами-анаморфозами.

Список литературы

1. *Бурла О.Н.* Применение карт-анаморфозов в курсе социально-экономической географии [Электронный ресурс] // География. Все для учителя!. – 2015. – № 21. – URL: <http://journal.osnova.com> (дата обращения: 10.05.2020).
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. – М.: Русский язык, 2000. – 779 с.
3. *Заяц Д.В.* Привлечение ресурсов сети Интернет в курсе экономической географии мира [Электронный ресурс] // География: журн. – 2008. – № 23. – URL: <https://geo.1sept.ru> (дата обращения: 08.05.2020).
4. *Крылова О.В.* Система практических работ по географии в 6–10 классах // Практические работы. – 2017. – № 1. – С. 1–6.
5. Национальный проект «Образование»: утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол № 10 от 03.09.2018).
6. *Хуторской А.В.* Метапредметный подход в обучении: науч.-метод. пособие. – М.: Эйдос: Изд-во Ин-та образования человека, 2012. – 73 с.
7. *Чедова Т.Е.* Использование метода анаморфирования карт в курсе социально-экономической географии мира // Всероссийская научно-практическая конференция с дистанционным и международным участием «Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации». – Ульяновск: Зебра, 2019. – С. 209–212.

Электронное издание

**ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 1

Психологические и педагогические науки

ВЫПУСК 1, 2020

Электронный научный журнал

Ответственный редактор выпуска
Силина Елена Алексеевна

Ответственный секретарь выпуска
Баландина Людмила Леонидовна

Редактор *О.В. Вязова*
Компьютерная верстка выполнена *Д.Г. Григорьевым*

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115
тел. (342) 215-18-52 (доб. 394)
e-mail: rio@pspu.ru